

ISBN 978-985-477-948-5



9 789854 779485

МГПУ им. И.П. Шамшуркина

КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ
ЯЗЫКОВЫЕ РАЗБОРЫ
В КУРСЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(СИНТАКСИС, ПУНКТУАЦИЯ,
СТИЛИСТИКА, ТЕКСТ)



Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина»

КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ
ЯЗЫКОВЫЕ РАЗБОРЫ В КУРСЕ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(СИНТАКСИС, ПУНКТУАЦИЯ,
СТИЛИСТИКА, ТЕКСТ)

*Рекомендовано учебно-методическим объединением
по педагогическому образованию
в качестве учебно-методического пособия
по специальности 6-05-0113-02 Филологическое образование*

Под общей редакцией
доктора филологических наук, профессора С. Б. Кураша

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2025

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
К63

Авторы:

- Л. Н. Боженко**, кандидат филологических наук, доцент;
С. Б. Кураш, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина;
О. И. Ревуцкий, кандидат филологических наук, доцент;
В. Ф. Русецкий, доктор педагогических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра ГУО «Академия образования»;
О. В. Сергушкова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Рецензенты:

кафедра языкознания и лингводидактики УО БГПУ им. М. Танка (заведующий кафедрой доктор филологических наук, профессор *Д. В. Дятко*);
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания УО ГГУ им. Ф. Скорины
В. И. Коваль

Коммуникативно ориентированные языковые разборы в курсе
К63 современного русского литературного языка (синтаксис, пунктуация, стилистика, текст) : учеб.-метод. пособие / Л. Н. Боженко, С. Б. Кураш, О. И. Ревуцкий [и др.] ; под ред. С. Б. Кураша. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025. – 155 с.
ISBN 978-985-477-948-5.

Учебно-методическое пособие посвящено языковым разборам, в которых реализован инновационный, коммуникативный, подход. Включает лингвометодический комментарий и алгоритм осуществления языковых разборов, необходимых при изучении курса «Современный русский литературный язык», а также дисциплин «Синтаксис (словосочетание, простое предложение)», «Синтаксис (сложное предложение)», являющихся первой и второй частями модуля «Современный русский литературный язык – 3». Целью пособия является оказание помощи студентам в освоении синтаксического разбора словосочетания как единицы докоммуникативного уровня; различных типов высказываний как единиц текста; пунктуационного разбора высказываний; филологического и стилистического анализа текста.

Адресовано студентам, обучающимся по специальности 6-05-0113-02 Филологическое образование (Русский язык и литература. Иностранный язык (английский)).

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-985-477-948-5

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЯЗЫКОВЫХ РАЗБОРОВ НА КОММУНИКАТИВНОЙ ОСНОВЕ.....	8
1.1. Текстцентризм как ведущий принцип языковых разборов	8
1.2. Создание текста научного стиля как результат языкового разбора.....	10
2. СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР СЛОВСОЧЕТАНИЯ.....	15
3. СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР ВЫСКАЗЫВАНИЙ КАК ЕДИНИЦ ТЕКСТА	30
3.1. Высказывание как простое предложение.....	30
3.2. Высказывание как сложносочиненное предложение.....	62
3.3. Высказывание как сложноподчиненное предложение	79
3.4. Высказывание как бессоюзное сложное предложение	86
3.5. Высказывание как многочленное сложное предложение.....	94
3.6. Высказывание как сложное синтаксическое целое	102
4. ПУНКТУАЦИОННЫЙ РАЗБОР ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	112
5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА	119
6. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА	127
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	153

ВВЕДЕНИЕ

В пособии «Коммуникативно ориентированные языковые разборы в курсе современного русского литературного языка (синтаксис, пунктуация, стилистика, текст)» предлагаются методические рекомендации к изучению языковых единиц синтаксического уровня с помощью такого традиционного вида практического задания, как языковой разбор. О значимости языковых разборов в усвоении учебного материала в своё время говорилось в учебном пособии Г. П. Домашенкиной, Т. Б. Ивановой «Грамматический разбор в вузе и в школе» [Домашенкина 1987], в двухчастном пособии «Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц» [Современный 2002] и др. «Их считают своеобразным критерием проверки теоретических знаний студентов, их умения систематизировать и обобщать изученный материал, разбираться в сложных языковых явлениях» [Старичёнок 1999].

В учебных пособиях предшествующего поколения, как и в ряде некоторых современных языковой разбор осуществляется, как правило, в рамках структурно-семантической концепции, на основе которой традиционно строилась и учебная программа по современному русскому литературному языку в высших учебных заведениях Республики Беларусь и Российской Федерации. Однако преподавание русского языка в средней школе в Республике Беларусь с 1995 года ориентировано на коммуниктивно-деятельностный подход, в соответствии с которым главной задачей является практическое овладение русским языком как средством общения в различных речевых ситуациях. В связи с этим, по мнению авторов, должны быть внесены соответствующие коррективы в подготовку учителей-словесников. Это касается не только введения в учебные планы новых, «коммуникативных», дисциплин, но и в придании традиционным курсам, изучаемым на филологическом факультете, коммуникативной направленности.

Особое место в формировании соответствующей языковой компетентности обучаемых должны занимать практикуемые при изучении разных лингвистических дисциплин различные виды языковых разборов, помогающие «формировать у студентов навыки монологической устной речи научного стиля, проявляющиеся в свободном использовании лингвистической терминологии, в умении производить различные виды разборов в форме связного высказывания» [Леонович 2011, с. 157]. В этом плане характерно, что в пособиях, посвящённых различным видам языковых разборов, изданных в последние десятилетия, в качестве объекта анализа стал включаться текст [Виды 2016; Казачук 2022; Лингвистический 2000; Тимерха-

нова 2011 и др.]. Однако задачи коммуникативной ориентированности лингвистических разборов, основанной на принципе текстоцентризма, в них по сути не ставилось.

Цель настоящего учебного пособия, которое ориентировано на предметность коммуникативно-деятельностного изучения языка в школьном и вузовском обучении, – научить студентов анализировать языковые единицы синтаксического уровня в структуре текста и представлять полученную информацию в виде завершеного высказывания (текста). Таким образом, речь идёт об обучении **коммуникативно ориентированным разборам** языковых единиц.

Основные принципы пособия

1. Коммуникативная направленность, которая проявляется, во-первых, в наличии коммуникативно ориентированного этапа работы как обязательного в порядке представленных языковых разборов.

Большинство современных учебных пособий по русскому языку ориентировано на изложение и анализ фактов языка. Для практической же деятельности студента и в будущем педагога важны также умения организовать собранный материал в целостное высказывание и представить его в форме, соответствующей условиям определенной коммуникативной ситуации. Обучение этому не может проходить только на материале образцов письменного и устного вариантов разбора, предлагаемых обычно в пособиях по языковым разборам. Необходима целенаправленная систематическая работа преподавателя по обучению студента организовывать материал, собранный в процессе языкового анализа, в законченное высказывание.

Также должны оцениваться и результаты работы студента, относящиеся непосредственно не только к анализу языковой единицы, но и к представлению результатов этого анализа в устной или письменной форме. Это особенно важно для будущих учителей языка и литературы.

Во-вторых, коммуникативная направленность проявляется в самом подходе к анализу языковых единиц, учитывающем их коммуникативную функцию. В связи с тем что материальным носителем всякого высказывания является текст, коммуникативный подход при анализе языковых фактов реализуется в текстоцентризме. При этом под текстообразующей функцией единиц языка понимается, вслед за Н. А. Ипполитовой, их способность участвовать в создании текста, которая проявляется при оформлении его содержания (способность передавать разнообразные оттенки смысла) и в процессе его композиционного (структурного) оформления [Ипполитова 1998, сс. 125, 131]. Отсутствие данного подхода «не приносит желаемых результатов, так

как единицы языка изучаются вне той среды, вне тех условий, которые являются естественными для их функционирования» [Ипполитова 1998, с. 132].

2. Поисковый характер заданий, предлагаемых студентам в процессе выполнения различных языковых разборов. Сам по себе любой вид языкового разбора имеет интегрирующий характер, требует от студента суммирования целого комплекса знаний, приобретенных по одному или нескольким разделам изучаемой дисциплины, умений самостоятельно обнаруживать и верно квалифицировать языковые единицы, применяя, таким образом, полученные знания на практике. Поэтому предлагаемые в качестве образцов разбора языковые факты, а также формулировки заданий должны быть направлены на то, чтобы студент решал различного рода мыслительные задачи, которые предполагают не только механическую регистрацию и атрибутирование языковых фактов, но и самостоятельный сбор информации, сопоставление анализируемых фактов, поиск возможных путей интерпретации и т. п. Таким образом должно выработываться отношение к языку не как к голой схеме, а как к живому, постоянно изменяющемуся явлению, требующему осмысления и изучения. Помимо этого, формулировки заданий, сама организация языковых разборов должны учить студентов научному подходу к анализу языковых единиц.

Исходя из сказанного выше, при написании данного пособия решались следующие **задачи**:

– представить перечень тех видов языкового разбора, которые используются в учебной практике студента-русиста и направлены на анализ коммуникативных языковых единиц и их составляющих, а также стилистический и пунктуационный разборы, без которых коммуникативный аспект анализа будет неполным;

– научить студентов оценивать языковые факты комплексно, формировать умение интерпретировать их в соответствии с различными научными подходами;

– строить на основе информации, полученной в процессе языкового разбора, высказывание полное и/или сокращенное, в устной и/или письменной форме, отвечающее условиям и задачам общения.

Авторами разделов учебного пособия являются: **Л. Н. Боженко** – «Введение», «Высказывание как сложносочиненное предложение», «Высказывание как сложноподчиненное предложение», «Высказывание как бессоюзное сложное предложение», «Пунктуационный разбор высказывания»; **С. Б. Кураш** – «Введение», «Синтаксический разбор словосочетания», «Высказывание как сложное синтаксическое целое»; **О. В. Сергушкова** –

«Текстоцентризм как ведущий принцип языковых разборов», «Высказывание как простое предложение», «Высказывание как многочленное сложное предложение»; **О. И. Ревуцкий** – «Филологический анализ текста»; **В. Ф. Русецкий** – «Создание текста научного стиля как результат языкового разбора», «Стилистический анализ текста».

Пособие «Языковые разборы в коммуникативном аспекте современного русского литературного языка» является обобщением многолетней работы авторов в студенческой аудитории по различным лингвистическим курсам коммуникативной направленности.

Данное пособие адресовано будущим учителям русского языка, которые изучают на филологическом факультете дисциплины модуля «Современный русский литературный язык», филологический анализ художественного текста и готовятся преподавать русский язык в средней школе на коммуникативной основе, а также студентам других языковых специальностей, изучающим русский язык как учебную дисциплину.

МГПУ им. И.П. Шамякина

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ЯЗЫКОВЫХ РАЗБОРОВ НА КОММУНИКАТИВНОЙ ОСНОВЕ

1.1. Текстцентризм как ведущий принцип языковых разборов

Изучение изменений в парадигме лингвистических исследований выявляет приоритетность таких подходов к объектам анализа, как когнитивный и коммуникативно-прагматический, которые, однако, в вузовском и школьном преподавании лингвистических и смежных с ними дисциплин не получили достаточного применения. В лучшем случае они лишь заявлены, а на практике в изучении языковых единиц доминирует, как и прежде, структурно-семантический анализ. Между тем изучение лингвистических объектов вне их когнитивно-концептуализирующей и коммуникативно-прагматической функций с гносеологической точки зрения ущербно, потому что в соответствии с выводами С. Д. Кацнельсона, во-первых, «язык – это ... орудие общения, но также орудие формирования и эксплицирования мысли» и, во-вторых, «вне функционирования языка не существует и языковой материал» [Кацнельсон 1972, с. 110].

Современные требования к уровню знаний, умений и навыков будущих специалистов-филологов включают оценку уровня владения актуальными технологиями анализа языковых явлений, позволяющими получить достоверные результаты. Новые исследовательские подходы могут реализоваться наиболее успешно при использовании в современной методике лингвистических разборов **текстцентрического принципа**, естественно и закономерно связанного с функционализмом и антропоцентризмом. Реализация этого принципа требует от преподавателя приоритетного внимания выработке у студентов навыков анализа всех языковых явлений на вербальном пространстве текста. Такой подход к языковым единицам всех уровней будет способствовать системному и глубокому осмыслению общих закономерностей и правил устного и письменного речевого общения; формированию устойчивого представления о тексте как об основной единице коммуникации; развитию навыков моделирования собственных текстов с учетом их коммуникативных особенностей и смыслового членения. Текстцентрический подход к языковым разборам, таким образом, выступает одним из способов решения общей образовательной задачи – задачи формирования коммуникативной компетентности будущего учителя.

Применение такого подхода выявляет необходимость акцентировать внимание на следующих важных составляющих: 1) анализ всех языковых

объектов в логически завершённом (автосемантическом) тексте; 2) рассмотрение языковых единиц уже на начальном этапе анализа с точки зрения роли в тексте (в коммуникации), благодаря чему отчетливо выявляются их структурно-семантические признаки и коммуникативная пригодность; 3) представленность языкового разбора в форме речевого произведения – текста-доказательства.

Обосновывая изменения не только порядка и формы, но и самой логики лингвистических разборов, позволим себе сослаться на М. М. Бахтина, в которой ещё в 1929 году он предвидел перспективность и неизбежность коммуникативного подхода в лингвистике: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями... Отсюда следует, что методически-обоснованный порядок изучения языка должен быть таков: 1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи с взаимодействием, элементами которого они являются...; 3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [Волошинов 1929, с. 113–114].

В курсе синтаксиса современного русского языка в вузе текст до начала 2000-х гг. почти не разбирался, однако анализу традиционно подвергается сложное синтаксическое целое (ССЦ) как часть текста, представляющая собой отрезок речи. В речи (тексте) далеко не все коммуникативные единицы являются предложениями. Основная единица текста – это не предложение, а коммуникативно оправданное и информативно достаточное высказывание. В письменной речи, из которой преимущественно и берутся языковые единицы для разного рода лингвистических разборов, довольно часты случаи, когда текст или его отрезок представляет собой объединение базовой структуры, равной предложению, и нескольких отчленившихся от нее сегментов. Н-р: (1) *Люди хотят правды. Правды о сегодняшнем времени. А правду прежде всего может сказать не фантастика, не какие-то течения, далёкие от реалистической литературы.* (2) *Поэтому, конечно же, читатель ждёт книгу о современности. И в России, и в Белоруссии* (СБ, 2023, 01.09).

Грамматически не завершённые или прерванные в своем строении коммуникативные единицы также являются полноправными единицами текста, по коммуникативной значимости равными предложениям, например:

Степа был хитрым человеком и, как ни был болен, сообразил, что, раз уж его застали в таком виде, нужно признаваться во всем.

– Откровенно сказать, – начал он, еле ворочая языком, – вчера я немножко... (М. Б.).

Выделенный фрагмент текста – не предложение, но высказывание, т. е. коммуникативная единица.

Анализ рассмотренных случаев позволяет установить, что сегментированные члены предложения, прерванные структуры и другие подобные конструкции текста, чаще всего не содержащие вербально выраженных S (субъекта) и P (предиката), фактически (логически) их имеют и являются функционально равноправными с предложениями целостными единицами коммуникации – высказываниями. В этом случае противоречие между формой и содержанием снимается феноменом речи, текста.

Под высказыванием понимается любой линейный отрезок речи, выполняющий коммуникативную функцию и достаточный для сообщения о чем-то в данной речевой обстановке, т. е. это «единица *par excellence* функциональная, единица реального речепорождения и речевосприятия, соотношенная с ситуацией и содержательным контекстом» [Леонтьев 2003, с. 227–228]. Очевидно, что текст состоит из высказываний.

Настоящее пособие предлагает разборы синтаксических единиц в русле исследований, которые направлены на решение задачи, поставленной А. А. Леонтьевым: речь идет о разработке «такой концепции лингвистического описания языка, в которой основной единицей выступало бы именно *высказывание* как коммуникативная единица» [Леонтьев 1979, с. 36].

1.2. Создание текста научного стиля как результат языкового разбора

Результаты проведенного языкового разбора должны быть представлены в виде текста, оформленного в соответствии с нормами научного стиля. Подготовка такого текста включает следующие этапы.

1. Отбор информации – начальный этап подготовки любого текста. В данном случае ему соответствует выполнение предложенного преподавателем вида языкового разбора в соответствии с рекомендованным в данном пособии порядком и методическими указаниями. При этом следует помнить, что проведение языкового разбора, как и выполнение любого другого учебного или научного задания, требует не только применения имеющихся знаний, но и активного их пополнения. Необходимо расширить информационную базу будущего сообщения путем привлечения до-

полнительных источников: конспектов лекций, учебников, рекомендованных дополнительных учебных пособий и научных изданий. Это особенно важно, если предполагается использовать результаты проведенных наблюдений над языковым материалом в курсовых и дипломных работах.

2. Определение структуры текста начинается с формулировки его темы и цели. Поскольку тема задана выполняемым видом языкового разбора, то коммуникативная цель будет зависеть от того, как предполагается использовать полученные результаты: письменное представление практического задания, ответ на практическом занятии, выступление на семинаре, доклад на научной конференции, написание контрольной, курсовой или дипломной работы и т. п. В соответствии с этим отбирается собранная информация, формируется структура и объем сообщения в целом, отбираются языковые средства. Для формулировки цели следует дать четкий ответ на вопрос: с какой целью будет создаваться текст, чего следует добиться от слушателей (читателей), какой результат получить. Формулировка цели выступления позволяет по-новому взглянуть на собранный материал, четко определить круг привлекаемой информации и задачи ее интерпретации в речевом произведении.

Исходя из того, что для данного случая функционально-смысловой тип речи может быть определен как описание с элементами рассуждения, нужно учесть содержательно-конструктивные особенности этих типов речи.

Описание – это констатирующая речь, в которой дается понятие о характере, составе, свойствах, качествах объекта путем перечисления существенных его признаков. Описание строится как раскрытие важнейших признаков описываемого объекта: его параметров, свойств, назначения, особенностей функционирования, взаимодействия с другими объектами и т. д. Чаще всего здесь широко используются различные перечислительные конструкции. Следует установить порядок перечисления признаков описываемого объекта и строго его придерживаться.

Рассуждение (или размышление) – это тип речи, в котором исследуются предметы или явления, раскрываются их внутренние признаки, доказываются некоторые положения. Рассуждение представляет собой логическую операцию по исследованию объекта речи, предполагающую выдвижение тезиса, его последующую демонстрацию, приводящую к доказательству и завершающуюся выводом. Главным в построении речи оказывается проведение определенных логических операций с предметом речи.

Следовательно, в основе создаваемого текста будет перечисление важнейших признаков описываемой языковой единицы. Кроме того, отдельные положения и выводы должны будут доказываться.

Общее композиционное строение такого высказывания может быть следующим:

1. Введение (краткая информация о теме, общая характеристика проводимого разбора и его цели).

2. Основная часть совпадает с содержанием проведенного языкового разбора. Важно помнить, что передаваемую информацию следует представить не в виде отдельных слов и словосочетаний, простого перечисления языковых фактов в соответствии с пунктами схемы разбора, а включить в развернутые синтаксические конструкции. Например: *В слове **спешит** ударение падает на второй слог. Значит, в слабой позиции (не под ударением) находится гласная фонема <э> и парная глухая согласная фонема <т> (в конце слова). Буквы **е** и **т**, обозначающие фонемы в слабой позиции, – орфограммы. Подчеркиваем их знаком «минус». Они находятся в корне **спеш-** (однокоренные слова **спешка**, **поспешность**) и в окончании **-ит** (одноструктурные слова **говорит**, **стоит**). Это орфограммы слабых позиций, проверяемые сильной позицией (**спешка**, **спешите**).*

3. Заключение содержит выводы, а также информацию о значении полученных в процессе языкового разбора результатов и их возможном использовании.

На основе глубокого освоения предмета предстоящей речи и сформулированной коммуникативной цели составляется план, который определяется, с одной стороны, предложенным вам порядком языкового разбора (основные пункты схемы будут соответствовать пунктам плана), а с другой – не должен нарушать композиционной структуры высказывания.

Структура любого текста включает тему (о чем говорится, предмет речи) и рему (что именно говорится о предмете, какая новая информация о нем сообщается). Такое строение характерно как для всего текста в целом, так и для отдельного абзаца.

В каждом пункте определяем основные темы, а затем формулируем к каждой теме соответствующую рематическую часть – какую новую информацию о теме сообщаем. Ср., например, следующий текст:

Ономастика – раздел языкознания, изучающий собственные имена. Термином «ономастика» называют также совокупность собственных имен, которая обозначается и термином «онимия».

Ономастика традиционно делится на разделы в соответствии с категориями объектов, носящих собственные имена: антропонимика изучает имена людей, топонимика – названия географических объектов, зоонимика – клички животных, астронимика – названия небесных тел и т. д.

Объектом исследования ономастики являются история возникновения имен и мотивы номинации (называния), их становление в каком-либо классе онимов, различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой, территориальное и языковое распространение, функционирование в речи, различные преобразования, социальный и психологический аспекты, юридический статус. Формульность имени, использование и создание собственных имен в художественном тексте, табуирование.

Теоретическая ономастика использует различные методы языкознания: сравнительно-исторический, структурный, генетический, ареальный, метод ономастической картографии, типологический, региональный, стратиграфический, сопоставительный, этимологический, статистический.

Тема-рематическая структура данного текста представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Тема-рематическая структура текста

Абзац	Тема	Рема
1	Ономастика	Определение термина
2	Ономастика	Разделы
3	Ономастика	Объект исследования
4	Ономастика	Используемые методы

Одна мысль должна высказываться в тексте один раз и исчерпываться полностью. Не следует несколько раз в разных местах текста возвращаться к одному и тому же материалу.

3. Построение текста должно начинаться только в том случае, если накоплено достаточное количество информации и определены основные направления ее организации в высказывание. Помощь окажут порядок разбора (как основа для составления плана) и ключевые слова – смысловые доминанты текста, его терминологическое ядро, которые в силу неоднократного повторения способствуют единству высказывания.

В соответствии с условиями предстоящей коммуникации следует выбрать конкретную форму реализации текста. Это может быть либо дословная запись, либо подробный план-конспект, либо короткий тезисный план, к которому прилагаются необходимые выписки. Следует учитывать, что любое высказывание на лингвистическую тему должно содержать достаточно яркие и убедительные примеры, иллюстрирующие анализируемые вопросы. Необходимо при этом соблюдать культуру цитирования.

Далее следует уделить внимание языковой форме, в которой будет воплощаться высказывание. Опираясь на знание речевых жанров, их зако-

номерностей, обусловленных нормами литературного языка, законами данного функционального стиля, следует выбирать те языковые средства, которые наиболее полно соответствуют теме, цели и конкретной ситуации общения. Более подробно об особенностях научного стиля сказано в разделе 2, посвященном стилистическому анализу текста (см. образец анализа текста научного стиля).

4. Редактирование текста и подготовка к публичному выступлению. Редактирование ведется по двум направлениям. Во-первых, оценивается содержательно-композиционная сторона (полнота и логичность изложения, убедительность доводов). Во-вторых, проверяется языковая сторона, оценивается соответствие нормам научного стиля литературного языка, основным коммуникативным качествам речи. Иногда бывает сложно с первого раза комплексно оценить подготовленный текст, поэтому важно вести подробные записи предстоящего выступления: это позволяет изложить его в полной, развернутой форме и детально провести редактирование.

Существует еще одна проблема – как распорядиться текстом. Нередко трудно оторваться от него во время публичного выступления. Неэффективно и дословное заучивание. В этом случае говорящий оказывается в затруднении, если необходимо в процессе произнесения речи внести в ее содержание или оформление изменения, диктуемые условиями общения. Лучше всего, выступая, говорить свободно, имея перед собой план выступления, а к чтению текста прибегать только в случае цитирования. Поэтому написанный текст выступления далее должен быть сжат до основных композиционных узлов, которые могут быть представлены в виде тезисов, развернутого плана и лишь направлять течение речи, не позволяя нарушить логическую стройность высказывания. Сюда же могут быть добавлены ключевые слова, наиболее существенные примеры, иллюстрирующие основные положения. Такие материалы дают говорящему наглядную схему композиции, последовательности развития мысли.

2. СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Лингвометодический комментарий

В иерархии языковых единиц словосочетанием начинается синтаксический ярус, который располагается на уровень выше морфологического яруса с основной единицей – словоформой. Статус словосочетания как особой языковой единицы обеспечивается действующими в языке закономерностями и особыми правилами его построения. В то же время словосочетание как синтаксическая единица рассматривается в качестве «строительного материала» для более крупных синтаксических единиц, и прежде всего для предложений.

Такое положение словосочетания в системе языка обуславливает специфику его анализа. С одной стороны, ставится задача охарактеризовать отношения между словоформами (единицами морфологии), возникающие во вновь образуемой единице высшего, синтаксического, порядка – словосочетании. С другой, – показать, как данное словосочетание реализует свою «строительную» функцию в составе единиц высшего, коммуникативного, уровня – предложения, ССЦ, текста.

Словосочетание как самостоятельная синтаксическая единица может быть охарактеризовано вне контекста. Однако без учёта специфики его вхождения в контекст (предложение, ССЦ, текст) характеристика словосочетания не может быть полной. Более того, подчас грамматические характеристики одного и того же словосочетания в контексте и вне его могут принципиально различаться. Например, фразеологически связанное словосочетание *подавляющее большинство* становится свободным в пространстве текста одноимённого стихотворения Е. Евтушенко, приобретая значение «толпа, подавляющая личность»:

*Подавляющее большинство,
пахнешь ты, как навозная роза,
и всегда подавляешь того,
кто высовывается из навоза... (Е. Е.)*

Ср. также образец 3. Поэтому синтаксическую характеристику словосочетания целесообразно начинать с анализа его поведения в тексте.

Текстообразующая функция словосочетания может проявляться в его вхождении в ключевой словесный ряд текста в качестве наименования

центрального предмета речи либо в один из периферийных смысловых рядов в качестве наименования деталей, а также в качестве заглавия текста или текстового сегмента, который отделяется от базовой структуры путём парцелляции и т. д. Это и следует отметить в начале разбора.

Структурно-семантический анализ словосочетания начинается с его выделения из предложенного для анализа текста. При этом решаются задачи по отграничению словосочетаний от сочетаний слов, не являющихся словосочетаниями.

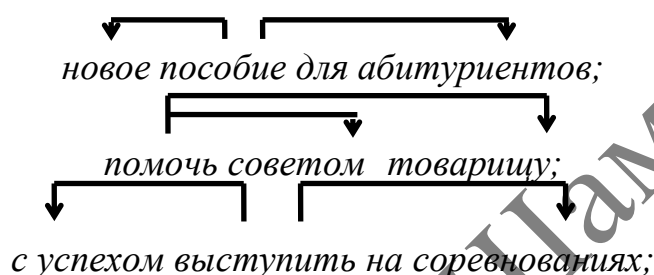
Из разряда словосочетаний, которые выполняют номинативную функцию и являются грамматически организованным объединением знаменательных слов по принципу семантического распространения главного слова, исключаются предложно-падежные формы (в том числе с производными предлогами типа *в течение дня, насчет характеристики*), аналитические формы слов типа *будем дружить, пусть сияет*, предикативные сочетания слов, представляющие собой соединение подлежащего и сказуемого (*Отгремели грозы*), сочетания слов, организованные по принципу сочинения типа *отцы и дети, Иван да Марья, красное или черное*, а также конструкции с полупредикативными отношениями, состоящие из обособленного оборота и слова, к которому оно относится (*стала разглядывать, успокоившись; девочка, наконец успокоившаяся*).

Дальнейший алгоритм анализа выбирается в зависимости от того, какое, с точки зрения количественно-структурного типа, анализируется словосочетание – **простое** (с одной подчинительной связью, которая выражает один тип синтаксических отношений) или **сложное** (имеющее два и более направления синтаксической зависимости и, следовательно, более одного типа синтаксических отношений). При этом количество слов, входящих в структуру словосочетания, и тип структуры словосочетания (простое – сложное) не всегда совпадают. Именно поэтому при характеристике структуры словосочетания оперируют понятием и «слово», и «компонент». Например: словосочетание *буду говорить откровенно* состоит из трех слов, но является семантически простым. Это обусловлено тем, что его главный компонент, представляя собой аналитическую форму глагола со значением будущего времени, в которой слово *буду* семантически самостоятельно, распространяется зависимым словом – наречием *откровенно*, выражая обстоятельственные отношения образа действия. К числу простых в семантическом отношении относятся словосочетания, в которых один компонент представляет собой или аналитическую форму слова, или несвободное сочетание слов.

Путем компонентного анализа в составе сложного словосочетания выделяются простые, которые далее анализируются по схеме простых словосочетаний.

Сложные словосочетания представляют собой различные комбинации простых словосочетаний или слова и простого словосочетания, которые сводятся к двум типам:

1) с двумя зависимыми словами (компонентами), подчиненными непосредственно главному и не образующими, таким образом, между собой простого словосочетания, например:



2) словосочетания, в которых главному слову подчинено простое словосочетание (первый уровень членения), имеющее свою синтаксическую зависимость второго уровня (т. е. своё главное и зависимое слово), например:

здание + (с белыми колоннами),
прочитать + (интересную книгу)
(готовый к наступлению) + отряд.

Особенностью такого структурного типа сложного словосочетания является возможность только одного варианта членения, т. к. зависимое слово связано только с главным словом простого словосочетания.

Разновидностью данного структурного типа является сложное словосочетание как комбинация простого словосочетания и зависимого от него отдельного слова, например:

(часто применяемый) + в клинике,
(кирпичный дом) + на окраине,
(настойчиво просить) + о помощи,
(красивое платье) + в горошек.

Особенностью таких словосочетаний является возможность двойного членения их структур. Ср.: (*часто применяемый*) + *в клинике* и *часто* + (*применяемый в клинике*). Такое двойное членение словосочетания возможно потому, что в нём зависимые словоформы (*часто* и *в клинике*) не связаны друг с другом грамматически. Поэтому возможно и *часто применяемый* и *применяемый в клинике*.

Для словосочетаний второго типа анализ следует начинать с установления синтаксической зависимости первого уровня членения (см. образец 4).

При определении типа словосочетания по главному слову и структурной модели нужно учитывать, что в качестве главного и зависимого компонентов могут соответственно выступать: а) слово + словоформа; б) словоформа + словоформа; в) простое словосочетание + словоформа; г) слово + простое словосочетание. В связи с этим целесообразно употреблять термины «главный компонент» и «зависимый компонент».

В зависимости от степени спаянности слов различают свободные и несвободные словосочетания. Свободные словосочетания состоят из слов, сохраняющих свое самостоятельное лексическое значение. Это обуславливает их свободную сочетаемость с другими словами, например: *поздняя + осень; осень ранняя, холодная, тоскливая, дождливая, золотая, в тундре, на море* и т. п.; *поздняя старость, любовь* и т. д.

Несвободные словосочетания состоят из лексически несамостоятельных слов, для которых характерны семантическая ослабленность или утраченность лексического значения, минимальная или нулевая сочетаемость, устойчивость в предложении, т. е. функционирование в качестве одного члена предложения.

Среди несвободных словосочетаний различают синтаксически несвободные и фразеологически связанные.

Синтаксически несвободные словосочетания не членимы в контексте и в предложении выполняют функцию одного члена предложения, например: *Ко мне подошла **девушка высокого роста (высокорослая)** или **Два брата** пошли на речку купаться*. В других контекстуальных условиях синтаксически несвободные словосочетания могут стать свободными. Ср.: ***Высокий рост** выделял эту девушку из всей группы, или **Двух братьев** не было на занятиях*. Следовательно, синтаксически несвободные словосочетания обнаруживаются лишь при функционировании в конкретных предложениях, где они утрачивают раздельность своих компонентов.

Фразеологически связанные словосочетания, в отличие от синтаксически несвободных, сохраняют лексическую несамостоятельность своих

компонентов во всех контекстах. Они входят в состав словосочетаний как один компонент: *работать + спустя рукава (плохо), постоянно + бить баклуши (бездельничать), моя + синяя птица (мечта)*.

В несвободных словосочетаниях отсутствуют синтаксические отношения и связи, характерные для свободных. Поэтому в строгом смысле это не словосочетания, а устойчивые единицы, из которых строятся словосочетания и предложения.

Словосочетания метафорического характера типа *вечер жизни, нить сознания, луч надежды* и т. п., которые в контексте приобретают признаки устойчивости (синтаксической неразложимости): *Вот и вечер жизни*. (Д. К.); *Я обрываю нить сознанья...* (А. Б.); *Надежды луч бледнеет теперь в душе моей*. (Н. К.), следует рассматривать как несвободные, тем более что в результате устойчивости состава они приобретают тенденцию к фразеологизации (*пламя страсти, огонь любви*).

Словосочетание характеризуется синтаксическими отношениями между его компонентами, которые являются грамматическим значением словосочетания, и синтаксическими связями, которые представляют грамматическую форму словосочетания. Синтаксические отношения опираются на лексические и грамматические значения слов, а синтаксические связи проявляются в формах слов.

В словосочетаниях различают три основных типа синтаксических отношений.

1. Атрибутивные, или определительные, отношения, которые характерны для словосочетаний с семантической моделью **предмет + признак предмета** и которые обнаруживаются с помощью смысловых вопросов **какой? чей? который?**:

*дуб + молодой,
чтение + выразительное,
знамя + из красного шелка,
охота + странствовать,
дом + отца,
достижения + наши,
сон + четвертый,
километр + сто первый.*

2. Объектные отношения свойственны компонентам таких словосочетаний, которые соответствуют двум семантическим моделям и для которых характерны объектные вопросы **что? кто?**:

- 1) **действие + предмет:** *печатать пособие;*
действие + лицо, по отношению к которому оно проявляется:
доверять товарищу;
- 2) **признак + предмет:** *склонный, склонность к анализу,*
крепче стали.

3. Обстоятельственные отношения весьма разнообразны, они определяются с помощью обстоятельственных вопросов типа **как? каким образом? где? куда? откуда? зачем? почему?** и др., и их можно обнаружить в нескольких типах семантических моделей:

- 1) **с определительно-обстоятельными отношениями:**
действие или признак + качественная или количественная характеристика: *говорит шепотом, неуместно громкий;*
- 2) **с собственно обстоятельными отношениями:**
действие или признак + место: *гулять в парке,*
действие или признак + время: *подниматься на заре, известный давно,*
действие или признак + причина: *не успевать из-за лени, красный от смущения,*
действие или признак + цель: *поехать на учебу,*
действие или признак + условие его проявления: *работать при любой погоде.*

Кроме перечисленных трех основных типов синтаксических отношений, В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов [Бабайцева 1981, с. 48], выделяют **комплетивные (восполняющие)** синтаксические отношения, которые обнаруживаются в таких словосочетаниях, как *два братца, стакан воды, стая волков*. В них главное слово характеризуется смысловой недостаточностью или семантической неопределенностью.

Кроме этого, проф. П. А. Лекант выделяет **аппозитивный** тип отношений как разновидность определительных [Современный 2002, с. 362], обнаруживаемый между предметом или лицом и их признаком, который выражен именем существительным, например: *барышня-крестьянка, депутат Шандыбин, журнал «Нёман»*.

Не всеми выделяются и **субъектные отношения**, которые возникают между главным словом, называющим действие, и зависимым, обозначающим субъект действия или носителя состояния: *доброта матери, т. е. мать добра*.

При определении синтаксических отношений между компонентами словосочетания следует обращать особое внимание на случаи совмещения разных типов отношений, т. е. синкретизм. Нужно учитывать также, что

тип синтаксических отношений коррелирует с типом подчинительной связи (см. образец. 3).

Подчинительная связь, или грамматическая форма словосочетания, – это грамматическая зависимость одного слова от другого, выраженная различными формальными средствами: окончаниями, предлогами и окончаниями, а также порядком слов.

Выделяют три типа подчинительной связи: **согласование (полное – неполное), управление (сильное – слабое, предложное – беспредложное, вариативное), примыкание.**

При определении типа и подтипов подчинительной связи основные трудности возникают с разграничением сильного и слабого управления, а также собственно управления и падежного (именного) примыкания, которые разграничиваются некоторыми учёными (Н. Ю. Шведова и др.). Изложение этих вопросов см., например, в пособиях [Современный 1981; Современный 2002]. Однако, как отмечает В. В. Бабайцева, в школьной практике все падежные и предложно-падежные формы рассматриваются как управляемые [Бабайцева 1981, с. 48], что нами поддерживается всецело и найдет отражение в результатах синтаксического разбора словосочетаний.

Кроме полного согласования (в роде, числе и падеже), а также неполного (в роде и числе), различают так называемое **смысловое согласование**, которое обнаруживается в словосочетаниях типа *врач Иванова, город-новостройка, серый кенгуру*. Конкретные случаи смыслового согласования между словами, которые не имеют тех или иных грамматических категорий, различаются своими значениями, а также не имеют специальных формальных показателей для выражения грамматических значений, рассматриваются в пособии для учителей Л. Д. Чесноковой [Чеснокова 1980, с. 35].

Важный этап анализа словосочетания – характеристика в нём порядка слов, поскольку изменение порядка слов в словосочетании может вызывать к жизни различные языковые явления:

- а) изменение грамматического статуса словосочетания, т. е. превращение его из непредикативной синтаксической единицы в предикативную – предложение (ср.: *вкусное пирожное* и *Пирожное вкусное.*);
- б) инверсию как стилистически обусловленный приём;
- в) грамматическую ошибку – в случае неоправданного нарушения нормативного порядка слов в словосочетании.

Ключевые слова: словосочетание, подчинительная связь, главное слово, зависимое слово, свободное словосочетание, несвободное словосочетание, простое словосочетание, сложное словосочетание, синтаксические отношения, синтаксическая связь, согласование, управление, примыкание.

Схема

1. Общая характеристика текста (функционально-смысловой тип речи, стиль, жанр, коммуникативная задача автора).
2. Словосочетание в тексте, его начальная форма.
3. Количественно-структурный тип словосочетания (простое или сложное), главное и зависимое слова (компоненты), их графическое обозначение.
4. Тип словосочетания по главному слову / компоненту (глагольное, субстантивное, адъективное, наречное, местоименное, нумеративное); структурная модель словосочетания.
5. Тип словосочетания по степени спаянности компонентов: свободное/несвободное; если несвободное, указать его тип: фразеологически связанное или синтаксически неразложимое.
6. Тип синтаксических отношений между словами в словосочетании: атрибутивные (определительные), аппозитивные, объектные, субъектные, обстоятельственные, комплетивные (восполняющие), синкретичные (совмещённые).
7. Тип, подтип и средства выражения подчинительной синтаксической связи между словами в словосочетании.
8. Порядок слов в словосочетании (прямой или инверсивный, причина инверсии).

Образцы

Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нёс в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в чёрной роговой оправе. Второй – плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жёваных белых брюках и в чёрных тапочках.

Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращённо именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого художественного журнала, а молодой спутник его – поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым делом бросились к пёстро раскрашенной будочке с надписью «Пиво и воды» (М. Б.).

1. В клетчатой кепке

Перед нами фрагмент текста-повествования, на что указывает его событийно-сюжетный характер, наличие завязки (*Однажды весной...*) и развития действия; повествованию сопутствуют элементы описания (портретные характеристики персонажей). Стиль текста – художественный, поскольку информация имеет словесно-образную форму выражения. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – роман в прозе. Коммуникативная задача автора – познакомить читателя с персонажами произведения, их первыми действиями.

В тексте анализируемое словосочетание *в клетчатой кепке* входит в состав темы, обозначенной в третьем предложении, включаясь в число тематических распространителей предметного ключевого слова *второй* и выполняя, таким образом, функцию наименования художественной детали.

В контексте предложения анализируемое словосочетание входит в состав обособленного распространённого приложения.

Начальная форма данного словосочетания – *клетчатая кепка*.

Анализируемое словосочетание простое, поскольку состоит из двух знаменательных слов и имеет одно грамматическое значение. Главное слово – *кепка*, зависимое – *клетчатая*.

Тип данного словосочетания по морфологической природе главного слова – субстантивное, именное. В словосочетании реализуется структурная модель «сущ. + прил.».

По типу спаянности между компонентами это словосочетание свободное, так как каждый из компонентов является информативно достаточным и функционирует в предложении как его самостоятельный член.

Между словами данного словосочетания наблюдаются атрибутивные отношения (*в кепке* какой?), что соответствует семантической модели **предмет + признак**.

Тип подчинительной связи – согласование, т. к. зависимое слово согласуется с главным в роде (жен.), числе (ед.) и падеже (предл.). Подтип согласования – полное, так как зависимое слово уподобляется главному во всех возможных грамматических категориях. Средством выражения подчинительной связи является падежное окончание зависимого прилагательного *-ой*.

В анализируемом словосочетании – прямой порядок слов, так как нормативным для согласования является препозиция зависимого слова (имени прилагательного) по отношению к главному (имени существительному).

2. *Шляпу пирожком*

Перед нами фрагмент текста-повествования, на что указывает его событийно-сюжетный характер, наличие завязки (*Однажды весной...*) и развития действия; повествованию сопутствуют элементы описания (портретные характеристики персонажей). Стилль текста – художественный, поскольку информация имеет словесно-образную форму выражения. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – роман в прозе. Коммуникативная задача автора – познакомить читателя с персонажами произведения, их первыми действиями.

Анализируемое словосочетание входит в группу сказуемого *нёс* второго предложения текста: главное слово *шляпу* является дополнением, непосредственно подчинённым сказуемому, зависимое слово *пирожком* – несогласованным определением, подчинённым дополнению *шляпу*. Словосочетание вошло в состав ремы предложения в качестве одного из распространителей предикатного ключевого слова *нёс*. Функция словосочетания в тексте – обозначение художественной детали (*шляпа, похожая на пирожок*).

Начальная форма данного словосочетания – *шляпа пирожком*.

Анализируемое словосочетание простое, поскольку состоит из двух знаменательных слов и имеет одно грамматическое значение. Главное слово – *шляпа*, зависимое слово – *пирожком*.

Тип данного словосочетания по морфологической природе главного слова – субстантивное, именное. Оно реализует структурную модель «сущ. + сущ. в тв. п.»

По типу спаянности между компонентами данное словосочетание свободное, так как каждый из компонентов является информативно достаточным и функционирует как самостоятельный член предложения.

Между словами анализируемого словосочетания наблюдаются атрибутивные отношения (*шляпу* какую?), которые соответствуют семантической модели **предмет + признак**.

Тип подчинительной связи – управление. Подтип управления – при-субстантивное, поскольку главное слово выражено именем существительным; беспредложное, так как зависимый компонент связан с главным без предлога; слабое, поскольку падежная форма зависимого компонента однозначно не предсказывается (ср.: *шляпа пирожком* – *шляпа наподобие пирожка*); вариативное: **шляпа пирожком, как пирожок, наподобие пирожка**. Средством выражения подчинительной связи является окончание *-ом* зависимого компонента – существительного.

В анализируемом словосочетании наблюдается прямой порядок слов, так как для примённого управления типа «сущ. + сущ. в тв. п.» нормативным является постпозиция зависимого слова по отношению к главному.

3. *Нёс в руке*

Перед нами фрагмент текста-повествования, на что указывает его событийно-сюжетный характер, наличие завязки (*Однажды весной...*) и развития действия; повествованию сопутствуют элементы описания (портретные характеристики персонажей). Стилль текста – художественный, поскольку информация представляется в словесно-образной форме. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – роман в прозе. Коммуникативная задача автора – познакомить читателя с персонажами произведения, их первыми действиями.

Анализируемое словосочетание входит в группу сказуемого второго предложения текста: главное слово *нёс* является сказуемым в предложении, а зависимый компонент *в руке* – синкретичным второстепенным членом (дополнение/обстоятельство, ср.: *нёс* в чем? и *нёс* как? *в руке*), зависимым от сказуемого. Включая в себя слово предикативного ряда *нёс* и входя в состав ремы второго предложения, данное словосочетание обеспечивает последовательное динамическое развёртывание текста.

Начальная форма словосочетания – *нести в руке*.

Анализируемое словосочетание простое, поскольку состоит из двух знаменательных слов и имеет одно грамматическое значение. *Нести* – главное слово, предложно-падежное сочетание *в руке* – зависимый компонент.

Тип данного словосочетания по морфологической природе главного слова – глагольное. Словосочетание реализует структурную модель «глагол + сущ. в предл. п. с предлогом».

По типу спаянности между компонентами данное словосочетание свободное, так как каждый из компонентов является информативно достаточным и функционирует в предложении как его самостоятельный член.

Между словами в словосочетании *несу в руке* наблюдаются объектные отношения (*несу* в чём?), осложнённые обстоятельственными (*несу* как? каким образом?). Таким образом, имеет место синкретизм, или совмещённость, значений.

Тип подчинительной связи в данном словосочетании – управление. Подтип управления – глагольное, поскольку главное слово выражено глаголом; предложное, так как зависимый компонент выражен сочетанием существительного с предлогом; вне контекста управление слабое, поскольку падежная форма зависимого слова однозначно не предсказывается и наличие зависимого слова вне контекста не является обязательным (ср.: *нёс шляпу в руке* – *нёс шляпу*).

Однако в контексте предложения зависимый компонент *в руке* является важной деталью повествования и не может быть изъят из контекста

в силу особого актуального членения, ср.: *Первый из них ... свою приличную шляпу пирожком **нёс**. Поэтому в контексте предложения подчинительная связь приобретает признаки сильного управления.

Средства выражения подчинительной связи – предлог *в* и падежное окончание зависимого имени существительного *-е*.

В анализируемом словосочетании наблюдается прямой порядок слов, так как нормативным для управления является постпозиция зависимого слова по отношению к главному.

4. *Сверхъестественных размеров очки*

Перед нами фрагмент текста-повествования, на что указывает его событийно-сюжетный характер, наличие завязки (*Однажды весной...*) и развития действия; повествованию сопутствуют элементы описания (портретные характеристики персонажей). Стиль текста – художественный, поскольку информация представляется в словесно-образной форме. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – роман в прозе. Коммуникативная задача автора – познакомить читателя с персонажами произведения, их первыми действиями.

Анализируемое сложное словосочетание входит в группу подлежащего второй предикативной части сложносочинённого предложения, включая в себя подлежащее (*очки*) и зависимое от него несогласованное определение *огромных размеров*. Данное словосочетание включено в состав ремы второго предложения. В тексте оно выполняет функцию обозначения художественной детали, входя в ближайшее окружение ключевого тематического ряда (описание портрета одного из персонажей).

Начальная форма словосочетания – *сверхъестественных размеров очки*. Формы им. и вин. пад. главного слова совпадают.

Анализируемое словосочетание сложное, поскольку состоит из трёх знаменательных слов и имеет два грамматических значения. Поэтому оно имеет два уровня членения: на первом выделяется главное слово *очки* и зависимый компонент – словосочетание *сверхъестественных размеров*; на втором – компоненты словосочетания *сверхъестественных размеров*.

На первом уровне членения тип словосочетания по морфологической природе главного слова – субстантивное. Реализована структурная модель «сущ. + словосоч.».

По типу спаянности между компонентами данное словосочетание свободное, поскольку каждый из компонентов является информативно достаточным и функционирует в предложении как его самостоятельный член.

Между главным и зависимым компонентами словосочетания на первом уровне членения наблюдаются атрибутивные отношения (*очки какие?*), что соответствует семантической модели **предмет + признак**.

Тип подчинительной связи в данном словосочетании – управление. Подтип управления – присубстантивное, поскольку главное слово выражено существительным; беспредложное, так как зависимый компонент связан с главным без помощи предлога; управление слабое, поскольку падежная форма зависимого компонента однозначно не предсказывается (ср.: *сверхъестественных размеров очки – сверхъестественные по размерам очки*), а наличие зависимого компонента не является обязательным (ср.: *...а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки – а на хорошо выбритом лице его помещались очки*). Средство выражения подчинительной связи – падежные окончания *-ов* имени существительного и *-ых* имени прилагательного, входящих в зависимый компонент *сверхъестественных размеров*.

В словосочетании на первом уровне членения наблюдается обратный (инверсивный) порядок слов, так как нормативным для управления является постпозиция зависимого слова (компонента) по отношению к главному. Инверсия выполняет здесь стилистическую функцию: выдвигает на первый план необычный признак предмета, подчёркивает важную художественную деталь.

На втором уровне членения выделяется простое словосочетание *сверхъестественных размеров*.

Начальная форма этого словосочетания – *сверхъестественный размер*.

Анализируемое словосочетание простое, поскольку состоит из двух знаменательных слов. *Размеров* – главное слово, *сверхъестественных* – зависимый компонент.

Данное словосочетание по морфологической природе главного слова субстантивное, построено по модели «сущ. + прил.».

По типу спаянности между компонентами словосочетание *сверхъестественных размеров* синтаксически несвободное, поскольку характеризуется лексической связанностью и нечленимостью при функционировании в предложении в качестве несогласованного определения (нельзя сказать **очки размеров*).

Между словами данного словосочетания наблюдаются атрибутивные отношения (*размеров каких?*). Они соответствуют семантической модели **предмет + признак**.

Тип подчинительной связи на втором уровне – согласование. Зависимое слово уподоблено главному в числе (мн.) и падеже (род.). Подтип

согласования – полное, так как зависимое слово уподобляется главному во всех возможных грамматических формах. Средством выражения подчинительной связи является падежное окончание зависимого прилагательного *-ых*.

В словосочетании *сверхъестественных размеров* наблюдается прямой порядок слов, так как нормативным для согласования является препозиция зависимого слова по отношению к главному.

5. *К пёстро раскрашенной будочке*

Перед нами фрагмент текста-повествования, на что указывает его событийно-сюжетный характер, наличие завязки (*Однажды весной...*) и развития действия; повествованию сопутствуют элементы описания (портретные характеристики персонажей). Стилль текста – художественный, поскольку информация представляется в словесно-образной форме. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – роман в прозе. Коммуникативная задача автора – познакомить читателя с персонажами произведения, их первыми действиями.

Анализируемое словосочетание *к пёстро раскрашенной будочке* относится к группе сказуемого *бросились* и употребляется в качестве необособленного обстоятельства простого осложненного предложения, оформленного как последний абзац в данном тексте. Оно входит в состав ремы этого предложения в качестве одного из распространителей ключевого предикатного слова *бросились*. В тексте выполняет функцию наименования нового обстоятельства, способствуя развитию сюжета. Начальная форма словосочетания – *пёстро раскрашенная будочка*.

Выделенное словосочетание является сложным, так как состоит из трех знаменательных слов и характеризуется наличием двух грамматических значений. Имеет два уровня членения: на первом выделяется главное слово *к будочке* и зависимый компонент – словосочетание *пёстро раскрашенной*; на втором – компоненты словосочетания *пёстро + раскрашенной*. Возможен другой вариант членения этого сложного словосочетания: на первом уровне выделяется главный компонент – словосочетание *к раскрашенной будочке* – и зависимое слово *пёстро*; на втором – компоненты словосочетания *к раскрашенной будочке*.

Произведем синтаксический разбор словосочетаний первого варианта членения сложного словосочетания: *к будочке + пёстро раскрашенной*.

На первом уровне членения тип словосочетания по морфологической природе главного слова – субстантивный. Реализована структурная модель «сущ. + словосоч.»: *будочка + пёстро раскрашенная*.

По типу спаянности между компонентами данное словосочетание свободное, поскольку каждый из компонентов является информативно достаточным и функционирует как самостоятельный член предложения.

Между главным и зависимым компонентами словосочетания на первом уровне членения наблюдаются атрибутивные отношения (*к будочке какой?*), что соответствует семантической модели **предмет + признак**.

В данном словосочетании типом подчинительной связи является согласование, так как в зависимом компоненте *пёстро раскрашенной* главное слово согласуется с главным компонентом *к будочке* в роде, числе и падеже; следовательно, подтип согласования – полное. Средство выражения подчинительной связи – падежное окончание *-ой* причастия *окрашенной*, которое входит в зависимый компонент *пёстро окрашенной*.

В словосочетании на первом уровне членения наблюдается прямой порядок слов, что соответствует нормативному для согласования препозитивному расположению зависимого компонента, выражающего признак по отношению к главному, определяемому, слову.

На втором уровне членения выделяется простое словосочетание *пёстро раскрашенной*.

Начальная форма этого словосочетания – *пёстро раскрашенный*.

Анализируемое словосочетание простое, поскольку состоит из двух знаменательных слов и имеет одно грамматическое значение. Главное слово – *раскрашенная*, зависимое – *пёстро*.

По морфологической природе данное словосочетание глагольное, так как главное слово является причастием; построено по модели «гл. + нареч.».

По типу спаянности между компонентами словосочетание *пёстро раскрашенной* синтаксически свободное, поскольку состоит из лексически самостоятельных слов, которые функционируют в качестве самостоятельных членов предложения.

Между словами данного словосочетания наблюдаются определительно-обстоятельственные отношения (*раскрашенных как?*). Они соответствуют семантической модели **действие + качественная характеристика**.

Тип подчинительной связи на втором уровне членения – примыкание, так как зависимое слово – наречие – неизменяемое, а неизменяемые слова связывается с главным по типу примыкания. В качестве формальных средств выражения синтаксических отношений выступает порядок слов.

В словосочетании *пёстро раскрашенных* прямой порядок слов, что соответствует нормативному способу выражения определительно-обстоятельственных отношений, который характерен для приглагольного примыкания с причастием в качестве главного слова.

3. СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР ВЫСКАЗЫВАНИЙ КАК ЕДИНИЦ ТЕКСТА

3.1. Высказывание как простое предложение

Лингвометодический комментарий

Синтаксический разбор высказываний следует начинать с характеристики их собственно коммуникативных параметров, к которым мы относим: 1) коммуникативную задачу (целеустановку); 2) место в актуальном членении информации; 3) модальность; 4) эмоциональную окраску и интонационные особенности.

Реализуемая в предложении коммуникативная задача вне контекста очень часто неясна. Например: *На краю раскрывшейся перед глазами лесной зеленой поляны я остановился. То, что я увидел, не соответствовало моим ожиданиям. Вместо разбойника филина, приканчивающего свою добычу, я увидел дерущихся самцов-глухарей. Это был настоящий рыцарский турнир. Одетые в бронзовые латы лесные рыцари бились на покрытой бархатным мохом арене, а их прекрасные дамы, поквохтывая и ободряя бойцов, сидели вокруг на березах* (С.-М.).

В первом выделенном предложении, рассматриваемом изолированно, цель высказывания реализована неполно из-за рассеянности фрагментов его содержательного плана по контексту. Причем, для уяснения конкретной коммуникативной задачи (всего аспекта содержания данного простого предложения) необходимо прибегнуть не только к приведенному, но и к предыдущему фрагментам. Для понимания коммуникативных устремлений говорящего, выраженных в остальных предложениях, также нужно знать весь приведенный фрагмент.

Необходимостью решения определенной коммуникативной задачи обусловлено и моделирование текста как целого. Высказывания, структурирующие речевое произведение, способны к выполнению такой задачи только в данном тексте. Например: *Для нас, охотников, особенную прелесть имеет незабываемый час солнечного заката. Чудесная, волшебная наступает в лесу тишина. Еще поет, разливается, как бы не в силах сдержаться, неугомонный музыкант – дрозд; сидя на вершине дерева, страстно воркует освещенный золотым лучом закатного солнца дикий голубь-витюень; спохватится, прокукует и, как бы вдруг поперх-*

нувшись, примолкнет кукушка. Последние звуки в лесу подчеркивают наступающую тишину. Но уже по-вечернему тихо и прохладно внизу под деревьями. Нарушая наступившую тишину, прогудит жук и, зацепившись за ветку, свалится к ногам охотника на землю (С.-М.). Здесь между выделенными предложениями устанавливаются уступительно-противительные отношения, переданные и семантикой этих конструкций, и формальными средствами *еще, но уже*, причем если слово *еще* может начинать изолированное от контекста предложение, то союз *но* в начале предложения – всегда сигнал тесной связи с предшествующим высказыванием. Указанные отношения в контексте обязательны, «вынутые» же из текста и рассматриваемые по отдельности высказывания оказываются информативно недостаточными, так как не соответствуют намерениям адресанта (и, с этой точки зрения, уже не принадлежат данному автору).

Полипредикативные предложения, в которых, как и в тексте, выражаются **отношения** между событиями, при разборе представляются более самодостаточными, чем минимальные сложные или простые предложения. Однако так дело обстоит только на первый, поверхностный, взгляд. Если в грамматическом отношении эти единицы синтаксиса действительно, как правило, вполне завершены, то в содержательном плане часто кажутся искусственно (в учебных целях) «вырезанными» из текста. И наше языковое сознание восстанавливает (или пытается восстановить) необходимое коммуникативное пространство вокруг анализируемой единицы, как бы «растворяя» в нем неуместную при строгом грамматическом анализе неожиданность, или странность, или даже парадоксальность содержания изолированного от контекста объекта разбора. Например: *Все, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный и по балтийским волнам за лес и сало возит нам, все, что в Париже вкус голодный, полезный промысел избрав, изобретает для забав, для роскоши, для неги модной, – все украшало кабинет философа в осьмнадцать лет* (А. П.). Более или менее адекватное авторскому кодированию декодирование (читательская интерпретация) смысла приведенного высказывания (а это и есть коммуникативная задача) возможно лишь в контексте известной части первой главы пушкинского романа.

Таким образом, при конкретном разборе «...оказывается возможным различать высказывания, максимально насыщенные выраженными линейно-коммуникативными средствами, и высказывания, минимально ориентированные на текст, с невыраженными коммуникативными показателями» [Николаева 1979, с. 48].

Виды синтаксических конструкций **по цели высказывания** соответствуют типизированным коммуникативным задачам: сообщить о чем-нибудь (в повествовательных высказываниях), задать вопрос с целью получения информации (в вопросительных), побудить к действию (в побудительных). При этом необходимо обратить особое внимание на синкретичные функциональные разновидности высказываний, прежде всего вопросительных конструкций, имеющих первичные и вторичные функции.

Известно, что цель общевопросительных предложений – получение информации о ситуации в целом: *Что случилось?* Частновопросительные предложения содержат вопрос об одной стороне какой-либо ситуации: *Это вы сделали?* Вторичная же функция вопросительных предложений – это передача позитивной информации, всегда экспрессивно окрашенной. Вопрос в этом случае включает уверенное утверждение или уверенное отрицание. Предложения такого рода получили название риторических вопросов. Например:

Разве это не красота? – выражается категоричность утверждения. (Ср.: *Да, это красота.*)

Кто в силах удержать любовь? (А. П.) – выражается категоричность отрицания. (Ср.: *Никто не в силах удержать любовь.*)

При анализе такого предложения мы определяем его как риторический вопрос и указываем, что он выражает. Например:

– Глядите, – закричал кто-то на крыше соседнего дома, – вылезают обратно! Раздумали лететь.

– Конечно, раздумали, – отвечали с другой крыши. – *Разве можно полететь на таком шаре?* (Н. Н.)

Последнее предложение текста представляет собой риторический вопрос, т. е. предложение по форме вопросительное (произносится с вопросительной интонацией, содержит вопросительное слово *разве*), а по содержанию – повествовательное, так как включает в себе сообщение. В предложении содержится ответ, логически вытекающий из вопроса при соотношении его с контекстом. В данном случае это эмоционально-отрицательная информация: *Нельзя полететь на таком шаре!*

Важно также отметить, какой знак стоит в конце риторического вопроса. Это может быть вопросительный и восклицательный знаки, их сочетание, точка, иногда многоточие.

Существует ряд вопросительных предложений, которые также не направлены на поиск информации, но не являются риторическими вопросами. Кроме вопросительного значения, в них актуализирована и другая семантика:

Да идете вы в конце концов!? – Побуждение. (Ср.: *Да идите вы наконец!*)

Как вам не стыдно?! – Эмоциональная реакция.

И что вы думаете? Он оказался прав. – Стремление активизировать внимание.

Такие предложения, на наш взгляд, остаются вопросительными и по форме, и частично по семантике.

С коммуникативной задачей тесно связано **актуальное членение** структурирующих текст высказываний и текста в целом. В членении коммуникативной единицы на тему и рему актуализируется намерение адресанта, поэтому при коммуникативном подходе к языковым объектам, предполагающем обязательный учет функционального и антропоцентрического аспектов анализа, нельзя обойтись без ответа на вопрос об участии рассматриваемой единицы в актуальном членении более крупного высказывания, а это возможно только на коммуникативном пространстве текста. Текст, его коммуникативная направленность и место в глобальном контексте (дискурсе) предопределяют также выбор средств акцентуации ремы. Например: *Множество голосов наполняло окружавшее нас, озаренное утренним солнцем пространство. На опушке леса пели тетерева, кричали над рекой и озерами утки, страстно хрипели, проносясь в воздухе, дикие селезни. Чудесный, сказочный, звонкий окружал нас мир...* (С.-М.). Выделенные определения, дистантно расположенные по отношению к определяемому слову, поставлены в сильную позицию начала предложения. Инверсия актуализирует не только пафос приведенного отрывка, но и рему всего очерка «Дупелиный ток». Обращение же к более широкому референтному пространству позволяет считать рассматриваемые лексемы важнейшими компонентами в структуре авторского концепта «Природа», номинирующими, по выражению Д. С. Лихачева, «эмоциональную ауру» этого слова. Таким образом, предложению *Чудесный, сказочный, звонкий окружал нас мир...* принадлежит ключевая роль в тексте, и не отметить это при его разборе означает проигнорировать коммуникативный подход к языку как к объекту изучения.

Обратим внимание еще на одно типизированное средство выражения актуального членения: *Однажды Берсенеv пришел к Стаховым не в обычную пору, часу в одиннадцатом утра. Елена вышла к нему в залу* (И. Т.). Здесь актуальное членение осуществляется с помощью отрицательной частицы *не*, стоящей перед словами, при помощи которых структурируется коммуникативный центр высказывания. Весьма существенно, что особо

важное значение этой части информации – *не в обычную пору* – актуализируется последующим сообщением (т. е. контекстом). Мы узнаем, что действительно случилось событие чрезвычайное: пропал Инсаров, герой романа И. Тургенева «Накануне». Таким образом, частица *не* участвует не только в акцентуации ремы предложения, но и структурирует причинно-следственные отношения в тексте.

При анализе предложений по **модальности** предлагается указывать лишь на то, утвердительными или отрицательными они являются. При этом учитывается только синтаксическое членение. Но даже поверхностный взгляд на проблему обнаруживает, что при логико-грамматическом, или актуальном, членении отрицательное с синтаксической точки зрения предложение может оказаться утвердительным с точки зрения логики: *Он не выучил стихотворение*. Если *не* здесь выполняет ремовыделительную функцию, то перед нами общеотрицательное предложение; если же логическим ударением будет выделено, например, слово *он* (как рема), то отрицательное в синтаксическом плане предложение становится утвердительным при логико-грамматическом членении: *Он не выучил стихотворение* означает что *Другие (все) выучили стихотворение (кроме него)* [Николаева 1979, с. 47]. Таким образом, характеристика по модальности также обусловлена речевой ситуацией (в вербальном выражении – текстом) и должна следовать после вопроса об актуальном членении разбираемого высказывания.

Характеризуя ПП по модальности, обычно ограничиваются указанием на утверждение/отрицание. Этого явно недостаточно. Необходимо учитывать (и это особенно важно при новом подходе), что категория модальности носит ярко выраженный антропоцентрический характер. Поэтому нужно проводить анализ этого признака хотя бы на трех уровнях.

Есть и более широкое понимание модальности [см.: Бабайцева 1981, с. 77–79].

1. Объективная модальность – реальная/ирреальная, выражаемая формами наклонений глаголов-сказуемых.

2. Субъективная модальность – уверенность, предположительность и др., выражаемая модальными словами.

3. Модальность утверждения/отрицания.

Например:

А. Редеет облаков летучая гряда.

Звезда печальная, вечерняя звезда!

Твой луч осеребрил увядшие равнины,

И дремлющий залив, и черных скал вершины (А. П.).

Выделенное предложение имеет реальную модальность, так как в нем сообщается о реальном событии; утвердительное, так как не содержит отрицания; при реализации ИК-1 субъективная модальность совпадает с объективной (накладывается на объективную).

Б. *Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной* (А. П.). Предложение имеет ирреальную модальностью, так как в нем сообщается о событии, которого нет в действительности, выражается волеизъявление говорящего (просьба); это общеотрицательное ПП с факультативным отрицанием, так как предикативный признак отрицается, частица **не** стоит перед сказуемым, но она структурно не обязательна; при нейтральной реализации ИК-2 субъективная модальность совпадает с объективной (накладывается на объективную).

В. *Лось, очевидно, шел большими скачками* (К. П.). Предложение с реальной модальностью, так как в нем сообщается о реальном событии; утвердительное, так как не содержит отрицания, предикативный признак утверждается; в предложении выражена и субъективная модальность: при помощи модального слова «очевидно» в информацию привносится модальное значение предположительности (гипотетичности).

Г. *Наверное, всякий из вас, кому приходилось зимой выезжать из шумного города, побывать в подгородных дачных местах, любовался красивыми красногрудыми снегирями. В зимние месяцы они держатся близко от человеческих жилищ и проезжих дорог* (К. П.).

Выделенное предложение имеет реальную модальность, так как в нем сообщается о реальном событии; утвердительное, так как не содержит отрицания, предикативный признак утверждается; в предложении выражена и субъективная модальность: при помощи модального слова **наверное** в информацию привносится модальное значение предположительности (гипотетичности). Семантическая структура приведенного микротекста опять-таки выявляет методическую ошибочность изолированного рассмотрения выделенной конструкции: необходимость обратить внимание на второе предложение, в котором содержится мотивировка предположения автора, очевидна.

К грамматическим средствам выражения отрицания относятся:

- 1) частица **не** перед любой словоформой;
- 2) частица **ни** в предложениях типа *Ни облачка*;
- 3) отрицательные местоимения и наречия с префиксом **не-** : *не о чем печалиться, нечего скрывать, некуда пойти*;
- 4) местоимения и местоименные слова с префиксом **ни-** в предложениях типа *Никаких проблем* (следует, однако, помнить, что слова с пре-

фиксом **ни**, частица **ни**, союз **ни...ни**, кроме указанных случаев, самостоятельно не выражают отрицания, они лишь усиливают, акцентируют его);

5) предикативы **нет, нельзя, невозможно, немыслимо**: *Нет времени;*

б) слово **нет** как эквивалент отрицательного предложения или его главного члена, употребляющееся в ответных репликах или при противопоставлении: – *Он дома?* – **Нет**. Или: *Все устали, а я нет*.

Отрицание может быть обязательным (в собственно отрицательных предложениях) и необязательным (в предложениях с факультативным отрицанием), наличие которого определяется характером информации. Наконец, есть собственно утвердительные предложения, в которых отрицание невозможно. Например:

а) *Никаких проблем*. Характеризуем предложение как собственно отрицательное, то есть с обязательным отрицанием, выраженным отрицательным местоимением с префиксом **ни-**.

б) *Студент не читает*. Характеризуем предложение как ПП с факультативным отрицанием (ср.: *Студент читает*), выраженным отрицательной частицей **не**.

в) *Народу!* Предложение характеризуется как собственно утвердительное.

Известно также, что отрицательные предложения делятся на **общеотрицательные**, в которых отрицается предикатный признак, а через него вся та ситуация, о которой сообщается (в этом случае отрицание стоит перед сказуемым), и **частноотрицательные**, в которых отрицается не ситуация в целом, а лишь какая-то ее часть (в этом случае отрицание стоит перед любым членом предложения, кроме сказуемого). Например:

а) *Долго не забуду я вчерашней поездки* (И. Т.). Это общеотрицательное предложение: отрицание стоит перед сказуемым.

б) *Она остановилась и не тотчас отвечала ему...* (И. Т.). Частноотрицательное предложение: отрицание стоит перед обстоятельством.

Но частный характер отрицание может иметь и перед сказуемым. Это наблюдается в предложениях с однородными сказуемыми. Например:

а) *На другой день Семка, сказавшись больным, не пошел на работу, а поехал в райгородок...* (В. Ш.);

б) *Он (Семка) не пил, читал разные книги про старину, рассматривал старые иконы, прялки...* (В. Ш.).

Эти предложения характеризуются как частноотрицательные: одни предикативные признаки в них утверждаются, другие – отрицаются.

Следует также обратить внимание на некоторые специфические особенности отрицательной частицы **не** в вопросительных предложениях.

Речь идет о конструкциях, в которых логический предикат выражается сказуемым. В таких предложениях противопоставление между отрицанием и утверждением нейтрализуется. Например: *Ты пойдешь домой? Ты не пойдешь домой?* Отрицательная частица не вносит в предложение никакой новой информации, то есть подобные суждения-вопросы не содержат в себе утверждения или отрицания. Это надо отметить при разборе.

В побудительных предложениях частица **не** выполняет ту же функцию, что и в повествовательных предложениях-сообщениях.

При анализе конкретного текста не обойти случаев, когда простое предложение, отрицательное по форме, является утвердительным по смыслу, и наоборот: простое предложение, не содержащее формального отрицания, оказывается отрицательным. Такие явления наблюдаются:

1. В предложениях с двойным отрицанием: когда два отрицания присутствуют в составе сказуемого или при обоих главных членах. При этом происходит снятие отрицания и возникает категорическое утверждение. Например: *Он не мог не нравиться* (И. Т.). Мы намеренно привели пример вне контекста, т. к. это оттеняет некоторую странность конструкции, равной по смыслу предложению *Он нравился*. Однако именно предыдущий контекст мотивирует категоричность утверждения: это сказано И. С. Тургеневым о Павле Петровиче Кирсанове, который, действительно, за свои милые, подчеркнуто аристократические шалости **не мог не нравиться** в своем кругу.

2. При приобретении частицей **не** других оттенков значения:

а) предложения – *Обрыскал свет – не хочешь ли жениться?* (А. Г.);

б) обобщения (часто это предложения – риторические вопросы) – *Кто не проклинал станционных смотрителей?* (А. П.);

в) одобрения – *Чем не игра!*

г) необходимости – *Как мне не радоваться?*

В предложениях типа а) значение утверждения/отрицания нейтрализуется; а предложения типа б), в), г) – по модальности утвердительные.

3. В предложениях, в которых отрицательный смысл выражен при помощи интонации, словопорядка, некоторых эмоциональных частиц. Например: *Куда уж мне плясать! Тоже мне командир!*

4. В вопросительных предложениях фразеологизированной структуры. В таких конструкциях без частицы **не** может выражаться экспрессивное отрицание, а при наличии частицы **не** – утверждение с экспрессивной оценкой или совет:

а) *Что толку? Как знать?* (отрицание)

б) *Это ли не счастье? Не поехать ли нам домой?*

5. В вопросительных предложениях, являющихся риторическими вопросами. Например: *Но вы сейчас спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на земле?* (И. Т.) В выделенном предложении выражено категорическое отрицание.

6. В вопросительных предложениях с оттенками возражения, несогласия, неодобрения, удивления. Например: *При чем тут я?* Здесь выражено экспрессивное отрицание.

Традиционная характеристика предложения по эмоциональной окраске, как правило, затруднений не вызывает. При разборе следует лишь помнить, что эмоциональную окраску могут иметь и повествовательные, и вопросительные, и побудительные предложения. Например:

1. *Друзья мои, прекрасен наш союз!* (А. П.) Это повествовательно-восклицательное предложение, так как заключает в себе сообщение об определенном событии, эмоциональное отношение к которому передано торжественной интонацией, более высоким тоном по сравнению с передачей нейтральной информации, выделением с помощью логического ударения слов, входящих в рему.

2. *Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!* (А. П.) Это побудительно-восклицательное предложение, так как выражает побуждение к действию, переданное с помощью побудительно-восклицательной интонации и глагола-сказуемого в форме изъявительного наклонения, имеющей в контексте семантику побуждения.

3. *Тут две мысли пронизали мозг поэта. Первая: «Он отнюдь не сумасшедший! Все это глупости!», и вторая: «Уж не подстроил ли он все это сам?! Но, позвольте спросить, каким образом?!»* (М. Б.)

Два последних предложения – вопросительно-восклицательные, так как имеют целью получение информации (содержат вопрос), произносятся с вопросительно-восклицательной интонацией, имеют вопросительные слова, соответствующую пунктуацию: в конце стоят два знака – вопросительный и восклицательный.

Такой анализ общепризнан, однако текстоцентрический подход требует характеризовать интонационную сторону предложения подробнее, с опорой на текст. Дело в том, что, будучи неотъемлемым участником устного речевого общения, «интонация является составляющей кода коммуникации, участвует в ... создании языковой картины мира» [Атабекова 2000, с. 20], т. е. ее роль в структурировании коммуникативно-прагматической ситуации и в решении коммуникативной задачи высказывания чрезвычайно велика. Между тем традиционное деление высказываний на восклица-

тельные и невосклицательные не выявляет ни многокомпонентной природы, ни речевых функций интонации. Признак, лежащий в основе такой типологии, – эмоциональная насыщенность/ненасыщенность – противоречит антропоцентрической сущности речи, так как авторские тексты, как правило, эмоционально насыщены:

Пилат напрягся, изгнал видение, вернулся взором на балкон, и опять перед ним оказались глаза арестанта.

– Слушай, Га-Ноцри, – заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, – ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил? Или... не... говорил? – Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

– Правду говорить легко и приятно, – заметил арестант.

– Мне не нужно знать, – придушенным злым голосом отозвался Пилат, – приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить (М. Б.).

Предложения в приведенном отрывке (кроме *Отвечай!*) относятся к невосклицательным, однако почти все они эмоционально насыщены и, что самое главное, имеют **разные** эмоциональные окраски, т. е., с точки зрения коммуникативной задачи, отличительных интонационных признаков у приведенных предложений больше, чем интегративных, точнее, интонационная дифференциация в данном случае коммуникативно гораздо более значима, чем собственно языковые признаки – отнесенность конструкций к одной и той же модели ИК-1.

Мы предлагаем рассматривать интонационные особенности высказываний не только в рамках типовых интонационных конструкций, характеризуя при этом все важнейшие составляющие ИК: ударение, тон, темп, паузы, – но и в эмоциональном аспекте, определяя при возможности общий эмоциональный фон высказывания. Например: *Друзья мои, прекрасен наш союз!* – восклицает Пушкин, вспоминая друзей и обращаясь к ним в стихотворении «19 октября», посвященном дню открытия Царскосельского Лицея, постоянно отмечавшемуся лицеистами первого выпуска. По цели высказывания это повествовательное предложение, так как заключает в себе сообщение об определенном событии; положительное эмоциональное отношение к этому событию передано восклицательно-торжественной интонацией, которая характеризуется более высоким тоном по сравнению с передачей нейтральной информации, выделением с помощью логического

ударения слова, номинирующего рему высказывания, – *прекрасен*; в предложении дважды реализуется интонационная конструкция ИК-5 – в произнесении обращения с тоновыми центрами (повышениями тона) на ударных гласных *друзь[йа]* и *мо[и]*, в произнесении базовой части предложения с двумя тоновыми центрами на ударных гласных – *прекр[а]сен* и *со[йу]з*. Последующие этапы синтаксического разбора требуют внимания к **структурным** (конструктивным, формальным) **признакам** ПП. Выделение структурного критерия при классификации предложений имеет несколько условный характер. По существу и здесь учитываются и структурные, и семантические свойства предложения. Но тем не менее при разборе необходимо постоянно помнить, что формальное устройство предложения не реагирует на речевое окружение, предложение сохраняет свои структурные признаки в любых условиях функционирования.

Структурная схема ПП – это синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение. Для обозначения компонентов схемы вводятся следующие элементарные буквенные символы, соответствующие латинским названиям частей речи и названиям некоторых форм:

- V_f** – спрягаемая форма глагола;
- V_{f 3s}** – спрягаемый глагол в форме 3 лица единственного числа;
- V_{f pl}** – спрягаемый глагол в форме 3 лица множественного числа;
- Inf** – инфинитив;
- N** – существительное;
- Ad_j** – прилагательное;
- Pron** – местоимение;
- Adv** – наречие;
- Praed** – предикатив;
- Part** – причастие;
- neg** – отрицание;
- cop** – связка.

При символе **N** цифры от 1 до 6 обозначают соответственно падежи:

1 – им. п.; 2 – род. п.; 3 – дат. п.; 4 – вин. п.; 5 – тв. п.; 6 – предл. п.:

Лес шумит. Структурная схема этого предложения – **N₁ V_f**.

Выявить структурную схему предложения несложно. Например: *На радостную улыбку похожи скромные цветы ромашки с белыми и чистыми лепестками* (С.-М.). Это двусоставное предложение; подлежащее выражено именем существительным в именительном падеже; сказуемое составное именное с нулевой связкой и именной частью, выраженной краткой формой имени прилагательного. Схема относится к блоку двуком-

понентных схем без спрягаемой глагольной формы. Ищем соответствующие обозначения, структурируем модель: **N** соп **Adj**_{кр.}

При определении типа предложения по составу решающее значение имеет навык быстрого и безошибочного выделения грамматической основы предложения.

При квалификации односоставных предложений учитываются следующие признаки: 1) форма (морфологическая) главного члена; 2) его синтаксические свойства, то есть правила сочетания с существительным, обозначающим носителя предикативного признака; 3) значения, присущие тому или иному классу односоставных предложений.

Инфинитивные и номинативные предложения выделяются по форме главного члена, то есть на основе первого признака, так же распознаются примыкающие к номинативным генитивные и вокативные предложения; безличные определяются по синтаксическому свойству – неспособности их главного члена сочетаться с именительным падежом, то есть на основе второго признака; определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения – по форме главного члена и на основе третьего признака, то есть по типовым значениям определенности, неопределенности, обобщенности. Если эти признаки расходятся, предпочтение отдается либо тому, либо другому.

Распознать и классифицировать большинство односоставных ПП трудно. Однако следует обратить внимание на несколько моментов:

1. Некоторые авторы рассматривают определенно-личные предложения в ряду двусоставных, относя их к схемам с нереализованной позицией подлежащего. Определенно-личные односоставные предложения действительно близки двусоставным, синонимичны им по характеру выражаемой мысли. Однако это особый тип ПП, в которых деятель хотя и мыслится определенно, но не вербализован в виде местоимений **я, ты, мы, вы** не случайно: в таких предложениях актуализируется действие, а деятель не нуждается в восстановлении. При этом не всегда можно четко отграничить односоставное определенно-личное от двусоставного неполного; например:

– **Уезжаешь?**

– **Уезжаю.**

– *Тесно, что ль, в родном доме? Хоть убей – не понимаю, уезжаешь почему* (С. В.).

При выделенных сказуемых нет подлежащих. В диалоге употреблены, скорее всего, односоставные конструкции: деятеля называть не надо

(он ясен). Предложения такого типа более динамичны, экономны и эмоциональны, что очень важно именно для диалога.

2. В неопределенно-личных предложениях действующее лицо представляется неизвестным:

*В охотничьем хозяйстве мне **показали** редкостный глухариный ток* (С.-М.). В предложениях такого типа субъект либо неизвестен говорящему, либо действующих лиц много, либо говорящий по каким-то причинам скрывает, кто является производителем действия или носителем состояния. Поэтому, если действующее лицо восстанавливается из контекста, из речевой ситуации, то перед нами не односоставное, неопределенно-личное, а неполное двусоставное предложение. Например: *Люди уставали. **Сиделись и отдыхали** под мрачным низким небом* (А. И.). Второе предложение – двусоставное контекстуально-неполное, так как подлежащее легко восстанавливается из контекста: *Люди **сиделись и отдыхали.***

3. Специфика субъекта обобщенно-личных предложений в том, что это или «вообще всякий», или кто-то (некто). Поэтому при квалификации предложений такого рода надо обратить внимание на степень обобщенности действующего лица. Например:

*Землю **паушт** – руками не **паушт*** (Посл.). Это обобщенно-личное предложение, его субъект мыслится как «всякий, любой».

*В деревьях уже **паушт**.* Здесь степень обобщенности низкая, круг субъектов, хотя и неопределенных, ограничен. Это неопределенно-личное предложение.

4. Безличные предложения весьма разнообразны по семантике и способу выражения главного члена. Это создает трудности при их распознавании и квалификации.

Следует помнить, что, хотя в безличных предложениях действие мыслится бессубъектно, это не значит, что производителя действия вовсе нет. Главное, что субъект в безличных предложениях не может быть выражен грамматически как подлежащее, но может быть назван иначе:

Мне грустно. – Носителем названного состояния является говорящий (1-е лицо). – *Я грущу.* Между тем подлежащего здесь нет и не может быть.

Безличные предложения часто содержат инфинитив, который зависит в них от слова категории состояния или изменяемой формы другого глагола. Например:

*Даже в самых глухих северных лесах **можно увидеть** черемуху* (С.-М.). Здесь инфинитив зависит от слова категории состояния.

Такие ПП нельзя смешивать с инфинитивными, в которых в качестве главного члена употребляется независимый инфинитив. Например:

Ей бы только шлейф сзади носить да корону на голове (И. Т.).

Признаки безличных и инфинитивных предложений выражены в приведенных примерах достаточно отчетливо. Однако так бывает не всегда. Например:

– *Вы зачем пришли?*

– *Мне поговорить с учителем.*

Выделенное предложение со значением субъективной необходимости и желательности может быть принято и за безличное с эллипсисом слова **нужно (необходимо)** или глагола типа **хочется**. Такой эллипсис весьма характерен для разговорной речи. Например: *Вам начинать* – соотносительно с безличными предложениями со словами **нужно, можно, следует, придется**: *Вам начинать. – Вам нужно начинать.*

При классификации предложений такого типа необходимо ограничить поиск решения проблемы квалификации более или менее отчетливым, несомненным признаком. В данном случае это признак формы главного члена – независимый инфинитив, поэтому такие предложения следует признать инфинитивными.

Необходимо обратить внимание и на конструкции со значением неизбежности, соотносительные с двукомпонентными глагольными предложениями с глаголом-сказуемым в форме будущего времени:

Быть новым традициям. – Односоставное инфинитивное.

Будут новые традиции. – Двусоставное предложение.

Цвести садам! – Односоставное инфинитивное.

Будут цвести сады. – Двусоставное предложение.

Часто нет четкой границы между двусоставными и односоставными предложениями, включающими в свой состав слова категории состояния в качестве главного члена. Например:

а) *Уезжает она – и куда? Даже страшно подумать!* (И. Т.) Выделено односоставное предложение.

б) *Останьтесь... с вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь* (Т.). Выделено двусоставное предложение.

в) *В такие дни нельзя стрелять: птица, выпорхнув у вас из-под ног, тотчас же исчезает в беловатой мгле неподвижного тумана* (И. Т.). Выделено односоставное безличное предложение.

г) *Кругом еще ярко светит солнце: охотиться еще можно* (И. Т.). Выделено двусоставное предложение.

Очевидно, что при постпозиции инфинитива {примеры а), в)} подобные предложения являются односоставными: в них актуализируется значение состояния.

При препозиции инфинитива {примеры б), г)} в словах категории состояния усиливается качественное значение, значение оценки, и такие предложения ближе к двусоставным со схемой **Jnf cop Praed**.

5. При характеристике номинативных предложений следует помнить, что они занимают особое место среди односоставных предложений.

Формальным признаком номинативного предложения является его четко выраженная форма – именительный падеж имени существительного (реже – личного местоимения или числительного). Например:

Сорок третий. Керчь. Десантный бой (А. Н.).

Вот он я (А. Т.).

Казалось бы, по такому явному признаку очень легко распознать номинативные предложения. Но, во-первых, далеко не каждое имя способно образовать номинативное предложение. Эту способность имеют лишь те лексически ограниченные слова, которые могут передавать значение бытийности, – названия явлений, действий, состояний, мыслимых во времени, предметов реальной действительности, размещающихся в пространстве или имеющих пространственное значение.

Во-вторых, чрезвычайная дифференцированность и разнообразие односоставных номинативных предложений делают проблематичным их отграничение от других типов предложений и от сходных по форме конструкций. В научной и учебной литературе не решен вопрос, считать ли номинативными предложениями собственно названия, наименования лиц при представлении, именительный представления и другие конструкции. Мы ориентируемся на концепцию номинативного предложения, получившую наибольшее распространение.

К конструкциям, лишь по форме совпадающим с номинативными предложениями, но таковыми не являющимся, мы относим:

А. Именительный падеж в роли простого наименования: «*Мастер и Маргарита*», *Универсам*, «*Литературная газета*» – это так называемые собственно-назывные конструкции, имеющие функцию называния без значения бытия.

Б. Изолированное употребление именительного падежа:

а) Именительный представления, или именительный темы, который называет тему последующего сообщения:

А стихотворец... с кем же равен он?

Он Тамерлан иль сам Наполеон (А. П.).

б) Именительный называния – конструкция с изолированным именительным в назывной функции, актуализируемым далее местоименным наречием *так* в сочетании с глаголом:

Фомка – так звали моего охотничьего пса (С.-М.).

в) Постпозитивные номинативы, обычно употребляемые лишь в разговорной речи:

Он нам сразу понравился, прямой, приветливый, даже в больничной одежде выглядевший подтянуто – командир (КП).

При выделении **генитивных** и **вокативных** предложений следует помнить, что их место в системе простого предложения определяется нечетко. Чаще всего они вообще не упоминаются в классификациях. Обратим внимание на следующие трудно квалифицируемые явления:

А. Генитивные предложения иногда относят к безличным (по тождеству формы имени в роли главного члена – формы родительного падежа); сравним:

Ни звука. – Безличное предложение.

Народу! – Генитивное предложение.

Предложения 1-го типа – это всегда безличные отрицательные, в которых родительный падеж – результат воздействия подвергшегося эллипсису глагола бытия с отрицанием: **Не было** (*слышно*) *ни звука*. В предложениях 2-го типа родительный падеж имеет независимую синтаксическую позицию. Таким образом, есть основания считать разбираемые конструкции разными типами номинативных односоставных предложений.

Б. Вокативные предложения по форме совпадают с обращениями. Решая проблему разграничения этих синтаксических явлений, подчеркнем, что структурным центром вокативных предложений является имя существительное (или местоимение) в именительном падеже, произносимое с интонацией призыва, несогласия с собеседником, просьбы или побуждения к прекращению действия, негодования, сожаления, укора, упрека, радости встречи и других оттенков. Эти оттенки передаются соответствующей интонацией, которая (вместе со смыслом) является основным средством различения вокативных предложений и обращений. Например:

1. – *Взять бы этого Канта да за такие доказательства года на три в Соловки!* – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

– **Иван!** – сконфузившись, шепнул Берлиоз (М. Б.). Выделено вокативное предложение, выраженное именем существительным в именительном падеже, не имеющее значения обращения, а выражающее одновременно укор, несогласие с собеседником и побуждение к прекращению действия, передаваемые соответствующей интонацией.

2. *А профессор тотчас же как будто выздоровел и посветлел.*

– **Михаил Александрович!** – крикнул он вдогонку Берлиозу.

– *Кажется, был* (И. Т.). Выделенное контекстуально-неполное предложение следует квалифицировать как двусоставное распространенное, потому что полная реализация его структурной схемы, возможная благодаря контексту, имеет вид: *Кажется, в батюшкиной дивизии был лекарь Базаров.*

Николай Петрович смутился.

– *Здравствуй, Фенечка,* – проговорил он сквозь зубы (И. Т.). Выделенное нечленимое, осложненное обращением предложение по рассматриваемому признаку не характеризуется.

Самым главным и хорошо распознаваемым признаком неполных предложений, как известно, является прежде всего их структурная неполнота, под которой понимается нереализованность структурной схемы. Понимание этого, однако, не решает проблем отграничения структурно неполных предложений от односоставных, а также не исключает трудностей в определении типов данных конструкций. При анализе неполных простых предложений мы предлагаем исходить из традиционной классификации.

Следует помнить, что специфика неполных ПП обнаруживается лишь на фоне полных. Поэтому наиболее эффективным (хотя и достаточно критикуемым) мы считаем известный приём «равнения» неполных ПП по полным. Неполные ПП чаще всего встречаются в диалогах, причём их неполнота в этом виде речи особенно ярко выражена. Например:

– *За что это вы его благодарите?* – заморгал, осведомился Бездомный.

– *За очень важное сведение...* – многозначительно подняв палец, пояснил заграничный чудак (М. Б.).

«Выравниваем» выделенное предложение по полному ПП:

За очень важное сведение... – Я его благодарю за очень важное сведение.

Это позволяет квалифицировать рассматриваемое высказывание как структурно и семантически неполное двусоставное предложение, в частности диалогическое неполное ПП, так как в данной реплике не реализована структурная схема двусоставного предложения: опущены компоненты N_1V_f (подлежащее и сказуемое), а также не входящий в структурную схему, но тесно связанный со сказуемым компонент N_2 (дополнение *его*). Пропуск такого количества членов предложения не затрудняет понимания, ибо они легко восстанавливаются (в памяти) из предшествующей реплики (текста). Внешне такие конструкции часто похожи на прерванные высказывания, но качественно отличаются от них тем, что отсутствующее в них уже было сказано раньше, существует в памяти и может быть легко верба-

лизовано в виде конкретных слов – членов предложения, если это требуется в речевой ситуации или в целях лингвистического эксперимента.

С контекстуально неполными предложениями, то есть с такими, неполнота которых обусловлена контекстом, возможен, в случае необходимости, такой же эксперимент.

Мы уже отмечали, что неполные ПП часто внешне очень похожи на односоставные предложения. Например: *Когда все уснули, Незнайка взял краски и принялся всех рисовать. Пончика нарисовал таким толстым, что он даже не поместился на портрете* (Н. Н.). Если считать выделенную предикативную единицу простым предложением (что – с оговоркой – допустимо), то это контекстуально неполное предложение, пропущенный член есть в предшествующем контексте – подлежащее *Незнайка*.

На реке вечереет. Становится зябко. Спускаюсь к реке, наполняю котелок (М. М.).

Утром не умирают, утром живут, живут (А. Я.).

В выделенных предложениях нет подлежащих, они отсутствуют и в предшествующем контексте (или такого контекста нет), данные предложения – односоставные (определённо-личное и обобщённо-личное), с главным членом – сказуемым, форма которого в первой конструкции указывает на определённое лицо – производителя действия (*Я спускаюсь..., наполняю*), а во второй – на неопределённых лиц, а с учётом семантики всего предложения – на любое лицо (обобщенный субъект действия: *Все утром не умирают, ...живут*).

К более сложным случаям относится распознавание и квалификация ситуативных неполных предложений, в которых отсутствующий член восполняется обстановкой, ситуацией. Например:

Рой

В нашем небольшом садике стоят голубой, розовый и зелёный ульи.

– Смотри хорошенько! – сказал я Саше. – Сегодня из голубого улья собирается выходить рой.

Я пошёл за водой на колодец и услышал звонкий крик:

– Дедушка! Скорее!

Над ульем шумели, клубом вились и кружились пчёлы (С.-М.).

В выделенном предложении сказуемое подсказывается ситуацией: *иди* или *беги*. Предложение следует квалифицировать как односоставное неполное, так как его структурная схема не реализована: отсутствует сказуемое, имеется лишь примыкающая к нему форма *скорее*.

Определённые трудности связаны и с выделением эллиптических предложений – неполных лишь по структуре, а семантически всегда достаточных. В таких конструкциях отсутствует сказуемое, в восстановлении которого нет необходимости, так как ПП понятно, семантически завершено и без сказуемого. Например: *Я приду позже, когда он проснётся, – продолжал голос. – Мне так хочется расспросить его про воздушный шар. А вдруг у него сотрясение мозга!* (Н. Н.).

Предложение следует квалифицировать как эллиптическое, т. е. неполное по структуре, но полное по семантике. Если попытка восстановления сказуемого всё же предпринимается, то, как правило, возникает несколько вариантов: *было, есть, случилось, произошло* и т. п. Временной план подсказывается контекстом или ситуацией.

Эллиптические предложения следует отличать от двусоставных полных с составным именным сказуемым, состоящим из нулевой связки и именной части, выраженной существительным с предлогом, а также другим именем или именным сочетанием. Например: *Небо – без единого облачка* (С.-М.). Это предложение нужно считать двусоставным полным, так как здесь реализована структурная схема $N_1 - N_2 (Adv)$. Подлежащее – *небо*, сказуемое – составное именное: нулевая связка + именная часть *без единого облачка*. Семантическая структура таких конструкций представляет собой характеристику субъекта по внешнему или внутреннему признаку. Это относится и к предложениям типа *Беседка – в снегу*. Ср.: *Беседка в саду*. Предложение надо характеризовать как эллиптическое, так как в нём не реализована структурная схема $N_1 V_f$; отсутствует сказуемое, и предложение в его восстановлении не нуждается. Семантическая структура этого предложения представляет собой характеристику субъекта по недейтельному процессуальному состоянию (наличия, нахождения). Но в ином контексте рассматриваемое предложение можно квалифицировать и как распространённое номинативное.

Однако нередко случаи синкретизма описываемых явлений, когда граница между эллиптическими и двусоставными полными предложениями выше описанного типа очень зыбкая. Например: *Выше и выше над лесом солнце* (С.-М.). На наш взгляд, это синкретичная конструкция, так как предложение вполне соотносительно с двумя синонимичными двусоставными ПП:

Выше и выше поднимается над лесом солнце.

Всё более высокое над лесом солнце.

Однако признаков эллиптического предложения в исходном варианте, думается, больше: это и препозиция форм *выше и выше* (в двусоставном $N_1 N_2 (Adv)$ форма **Adv** чаще в постпозиции), более прямая трансформация в синонимичное двусоставное полное предложение (без изменения форм, со вставкой информативно необязательного сказуемого со значением движения).

Наконец, достаточно часто употребляются неполные предложения, внешне похожие на односоставные номинативные. Они находятся на периферии двусоставных, объединяясь с ними возможностью восстановления отсутствующего сказуемого, но сближаясь и с односоставными по структуре и в какой-то степени по характеру выражаемой мысли. Например:

1. *Весна. Оттепель. Дети в скверике.* Все предложения односоставные, номинативные, полные.

2. *Смеётся солнце, играет лучами. И нет сил, глядя на солнце, сдержаться.*

– *Солнце! Солнце! Солнце!* – поют птицы.

– *Солнце! Солнце! Солнце!* – цветы раскрываются (С.-М.).

3. *Анна Васильевна убита, но её гораздо больше сокрушает отъезд дочери, чем её замужество. – Увар Иванович поиграл пальцами.*

– *Мать,* – проговорил он, – ну... и того... (И. Т.).

Для разграничения снова прибегнем к приёму «равнения» на полные ПП. Конструкции 1-го ряда такой трансформации не поддаются. Анализируем 2-й и 3-й примеры:

Солнце! – *Солнце поднялось* (этот глагол есть в предыдущем контексте) или *встало, появилось* и т. п.

Мать... – *Она – мать.* (Отсутствующее подлежащее легко угадывается, хотя слова в контексте нет).

Два последних предложения при анализе характеризуем как контекстуально неполные двусоставные, имеющие признаки синкретичных конструкций.

Нечленимые предложения так же, как и членимые, разбираются по приведенной схеме, однако подавляющее большинство пунктов схемы требует анализа таких признаков, которых у данного типа конструкций нет. Нечленимые ПП не характеризуются по составу, структурному типу (наличие структурной схемы), распространенности/нераспространенности и т. д. Это предложения, в которых нельзя вычленить ни главных, ни второстепенных членов предложения. Все остальные ПП – членимые.

При характеристике **главных членов предложения**, то здесь затруднения при анализе вызывают **неморфологизованные** подлежащие и

сказуемые, в особенности такие, которые представляют собой (или содержат в своем составе) формы слов или словосочетания, не соответствующие компонентам структурной схемы.

1. Так, подлежащее в подавляющем большинстве случаев выражено именительным падежом существительного (или другого имени). Этот вид главного члена является непосредственной реализацией компонента структурной схемы N_1 . Но нередки и другие ситуации:

1.1. В библиотеку приходит все меньше посетителей. Данное предложение двусоставное, но в нем нет формы именительного падежа, а позицию подлежащего занимает словосочетание с количественным значением, выступающее как целостная номинативная единица; главное слово в словосочетании наречие *мало* в форме сравнительной степени.

1.2. Всем досталось по яблоку. Здесь подлежащее выражено предложно-падежной формой со значением приблизительности – **по + дат. п.** Необходимо знать о том, что в непринужденной, экспрессивной речи возможны и более свободные замещения позиции подлежащего в подлежащно-сказуемых предложениях: Закусить найдется?

2. В конкретном предложении синтаксически свободные сочетания подлежащего и сказуемого с зависящими от них словоформами могут оказаться информативно нечленимыми. В этом случае объем главных членов увеличивается, иногда значительно. При анализе таких предложений следует разграничивать два аспекта: 1) вопрос о грамматическом подлежащем и сказуемом и 2) вопрос об информативной нагрузке зависящих от них слов. В подобных предложениях именно зависимые слова с точки зрения передачи информации выполняют главную работу. Считать или не считать их частью подлежащего или сказуемого? Рассмотрим предложения:

2.1. Тропление зайца по свежей мягкой пороше я всегда считал самой интересной зимней охотой (С.-М.). Выделение в этом предложении в качестве сказуемого *считал охотой* (с формальной точки зрения правильное) приводит к тому, что названный таким сказуемым предикативный признак не соответствует коммуникативной установке предложения (не выражает нужного смысла). Поэтому информативно достаточное сказуемое здесь *считал самой интересной охотой*. А вот слово *зимней* было бы ошибкой считать частью предиката: без этой лексемы он вполне информативно достаточен, кроме того, сема ‘зима’ уже реализована в контексте (*по ... пороше*), и ее повтор ничего не добавляет к информации, содержащейся в ПП.

2.2. Господский дом был построен в одном стиле с церковью, в том стиле, который известен у нас под именем Александровского; дом этот

был также выкрашен желтой краской, и крышу имел зеленую, и белые колонны, и фронтон с гербом (И. Т.). В каждой предикатной единице объем информативно достаточного сказуемого больше предиката как формально-структурного элемента основы. Свой вариант разбора данного предложения по членам мы показали графически. Такой подход, на наш взгляд, вполне соответствует структурно-семантическому и коммуникативному подходам к анализу синтаксических единиц.

Как известно, члены предложения выделяются на двух основаниях – смысловом (логическом) и формальном (грамматическом). Подлежащее и сказуемое имеют четкие разграничивающие их признаки, чего не скажешь о **второстепенных членах предложения**. Внутренняя противоречивость принципов их выделения приводит к колебаниям в квалификации того или иного второстепенного члена предложения или к толкованию ряда случаев как явлений переходных или смешанных (**синкретичных**).

Довольно часто оттенки других значений, в частности обстоятельственных, имеют несогласованные определения, особенно выраженные предложно-именными сочетаниями и наречиями. Это связано с их лексико-грамматической природой. Например, в предложении *По моему совету дверь в вольеру на ночь оставили открытой* (С.-М.) предложно-падежная форма **в вольеру** – определение, отвечает на вопрос *какую?*, относится к слову *дверь*, выражено именем существительным в форме единственного числа, предложного падежа с предлогом **в**, несогласованное, неморфологизованное, находится в постпозиции к определяемому слову, имеет признаки синкретизма, так как атрибутивное значение, определяемое по смыслу и перечисленным синтаксическим признакам, осложнено обстоятельственным (пространственным) значением, которое вытекает из лексико-семантической природы слова: существительное **вольера** (современный вариант – **вольер**) обозначает определенное место.

При графическом выделении таких членов рекомендуем двойное подчеркивание: сначала – знаком того члена предложения, признаки которого выражены более ярко, отчетливо, затем – другим знаком:

в вольеру.

Определения, осложненные обстоятельственными значениями (обстоятельственные определения), характеризуют предмет не только по месту, но и по времени, причине, цели, условию, уступке и др.

Следует обратить внимание и на объектные определения, то есть определения, также выраженные разными формами имени существительного и поэтому часто функционально осложненные значением объекта.

Определительный оттенок проявляется сильнее в том случае, если словоформа указывает на отличительный признак предмета, выделяющий его из группы однородных предметов, в других ситуациях более отчетливо выражается объектное значение. Например: *Мы, охотники, должны приглядеться к явлениям природы: от этого зависит успех охоты* (С.-М.).

Зависимый компонент словосочетания явления *природы* обязателен, качественно характеризует предмет, дифференцирует его от подобных предметов (ср.: явления жизни, явления поэзии и т. д.). У слова *природы* больше признаков определения: *явления какие? природы – природные явления*.

Во втором случае, на наш взгляд, у выделенного члена предложения, хотя есть и атрибутивное значение: *успех какой? охоты*, больше признаков дополнения: во-первых, невозможна без ущерба для смысла трансформация данного словосочетания (*успех охоты*) в сочетание **прилагательное + существительное**, во-вторых, слово *успех*, образованное от качественного прилагательного, информативно достаточно, называет реалию, которая может проявляться с разной степенью интенсивности. Поэтому при данном слове более уместны стоящие в препозиции слова с количественно-качественно-оценочными значениями. А постпозитивное существительное при подобных лексемах характеризует данный объект по отношению к другому объекту: *какой успех?* – большой, маленький, громкий, ложный и т. д., но *успех в чем?* в творчестве, в жизни, в планах, чего? охоты, ловли, работы и т. д.

Таким образом, *охоты* – второстепенный член, отвечающий на вопрос *чего?*, выраженный именем существительным в родительном падеже со значением объекта, имеет признаки синкретизма:

успех
чего? какой?
охоты

Нередки случаи, когда разграничение производится субъективно, потому что ни одно из значений не выражено более отчетливо по сравнению с другими, например: *Таинственная привязанность (к чему?, какая?) к древнему токовищу заставляет птиц по-прежнему сюда собираться* (С.-М.).

Еще менее отчетливы границы между второстепенными членами в тех случаях, когда сочетания синкретичного присубстантивного члена с существительным соотносительны и с глагольными, и с именными словосочетаниями, например: *Я совершал воздушное путешествие (какое?, над чем?, где?) над тайгой* (С.-М.).

Путешествие (какое?) над тайгой – путешествие (какое?) таежное,
путешествие (где?) над тайгой – путешествовать (где?) над тайгой.

Довольно часто встречается сочетание значений дополнения и обстоятельства, как правило, с преобладанием одного из них, например: *Летчик благополучно выбрался из перевернувшейся машины и огляделся* (С.-М.): *выбрался (откуда?, из чего?) из машины* (обстоятельственное значение выражено более отчетливо).

Наконец, следует иметь в виду, что предложно-падежные словоформы при главном слове – неотглагольном существительном – иногда выражают комплекс значений всех второстепенных членов предложения, например: *Я бросал на снег потроха вычищенной рыбы, а горностаи проворно таскал их в свое убежище под камнями* (С.-М.): *убежище (где?, под чем? какое?) под камнями* (обстоятельственное значение выражено сильнее, а определительное – слабее других).

Ключевые слова: Высказывание, простое предложение (ПП), актуальное членение, цель высказывания, роль в тексте, модальность; интонация, интонационная конструкция (ИК): ИК-1, ИК-2; грамматическая основа предложения, структурная схема предложения, двусоставное / односоставное предложение, нераспространенное / распространенное предложение, полное / неполное предложение, членимое / нечленимое предложение, осложненное / неосложненное предложение; главные члены предложения, второстепенные члены предложения, синкретичные члены предложения.

Схема

1. Высказывание в тексте.
2. Характеристика высказывания по коммуникативным качествам:
 - 2.1. Тип по функции; роль в тексте.
 - 2.2. Структура с точки зрения коммуникативной нагрузки (актуальное членение предложения).
 - 2.3. Тип по модальности.
 - 2.4. Тип по интонации и эмоциональная окраска.
3. Структурно-семантическая характеристика высказывания:
 - 3.1. Тип высказывания как синтаксической единицы (предложение, сегментированная конструкция, прерванное предложение, именительный темы и др.
 - 3.2. Структурная схема предложения; к какому блоку структурных схем она относится.
 - 3.3. Тип по составу главных членов (односоставное или двусоставное).

- 3.4. Тип по наличию (отсутствию) второстепенных членов.
 - 3.5. Тип по полноте (неполноте) состава компонентов.
 - 3.6. Тип по наличию (отсутствию) конструкций, осложняющих предложение.
 - 3.7. Тип предложения с точки зрения членимости (нечленимости) на составляющие компоненты.
 - 3.8. Анализ подлежащего.
 - 3.9. Группа подлежащего и ее иерархическая схема.
 - 3.10. Анализ сказуемого (в односоставном предложении выделить главный член, определить способ его выражения).
 - 3.11. Группа сказуемого и ее иерархическая схема.
 - 3.12. Тип связи между подлежащим и сказуемым.
 - 3.13. Определение и его анализ.
 - 3.14. Приложение и его анализ.
 - 3.15. обстоятельство и его анализ.
 - 3.16. Дополнение и его анализ.
 - 3.17. Детерминант и его анализ.
 - 3.18. Синкретичные члены предложения.
4. Знаки препинания.

Образцы

1. *Дом на Страстном знакомо, громадно чернел сквозь дождевой туман. Внутри, в клетках дворов, было пустынно. Когда-то эта цепь проходных дворов была оживленнейшим местом: по ним проходили, сокращая себе путь, с Большой Дмитровки на Страстную площадь, а по утрам здесь толпами шли хозяйки за покупками в Елисеевский магазин и навстречу им, снизу, шли другие на Палашевский рынок. Игорь свернул направо, в тушиковый двор, и подошел к подъезду. Это был, впрочем, не подъезд, а небольшая, довольно грязная и старая, много раз крашенная дверь с железной ручкой, лестница за нею была такая же грязная и старая, она поднималась вверх короткими зигзагами и по своей крутизне напоминала винтовую. Лестница огибала пустое вертикальное пространство... На третьем этаже была выбита ограда, край лестницы висел над обрывом; Игорь прошел эти несколько ступеней с осторожностью, прижимаясь к стене. «Ну и ну! Как же тут бабушка Вера ходит?» – подумал он с изумлением.*

Он нажимал кнопку звонка и улыбался.

Его радовали этот сырой день, пустые дворы, перекрещенные бумажными лентами окна. Это была Москва. Он вернулся. (Ю. Т.)

Перед нами текст-повествование с элементами описания; относится к стилю художественной литературы; жанр – рассказ; тема отрывка (ССЦ) – герой рассказа Игорь в 1942 г. возвращается в Москву в свой полуразрушенный войной дом – конкретизирует тему рассказа, обозначенную в названии «Возвращение Игоря». Задача автора – сообщить адресату о том, что герой повествования радуется возвращению в свой город, в свой дом.

1. Дом на Страстном знакомо, громадно чернел сквозь дождевой туман.

В данном высказывании сообщается об определенном событии, т. е. оно решает когнитивно-информационную задачу, поэтому по цели высказывания является повествовательным. Роль высказывания в тексте заключается в том, что оно содержит предварительную рему не только данного отрывка, но и всего текста рассказа. Далее во фрагменте рема (главная мысль произведения) выражена в предложениях: *Это была Москва. Он вернулся.*

Структурно-композиционная роль высказывания заключается в структурировании зацепления как основного способа действия механизмов цепной связи в данном ССЦ: предложения в микротексте как бы цепляются одно за другое, последующее подхватывается предыдущим, и тем самым осуществляется развертывание повествования, тема-рематическое движение. Признаками тесной связи данного высказывания с текстом являются такие единицы линейной грамматики, как предупоминание, идентификация с тем, что ожидал увидеть герой, выраженная словами *знакомо, громадно*, соотношением темы и ремы: высказывание относится к конструкциям расчлененного типа: **Т** (*Дом на Страстном знакомо, громадно*) – **Р** (*чернел Т сквозь дождевой туман*).

В высказывании реализована объективная реальная модальность утверждения, так как в нем сообщается о реальном событии, средством выражения реальной модальности выступает глагол в форме изъявительного наклонения, прошедшего времени; связь между субъектом (дом) и предикатом (чернел) утверждается; субъективная модальность совпадает с объективной.

В высказывании реализуется ИК-1: логическое ударение падает на рему (акцентуатор) *чернел* с тоновым центром на ударном слоге *черн[э]л*, в постцентральной части происходит понижение тона, что характерно для конструкций, выражающих собственно завершенность.

Автор не вмешивается в повествование, не оценивает события, поэтому данная ССК произносится с невосклицательной интонацией; однако общая эмоциональная атмосфера рассказа окрашивает рассматриваемую структуру неярко выраженной интонацией сдержанной, затаенной радости и приподнятости.

Анализируемое высказывание имеет структурно-семантические признаки, которые позволяют адресанту реализовать свои коммуникативные намерения: оно имеет смысловую, грамматическую и интонационную завершенность, обладает предикативностью – грамматическим значением, складывающимся из реальной модальности и прошедшего синтаксического времени; содержит один предикативный центр (грамматическую основу), значит, является простым предложением.

По составу главных членов это двусоставное предложение, т. к. в нем два главных члена – подлежащее и сказуемое: *дом чернел*.

Структурная схема предложения относится к блоку двукомпонентных структурных схем со спрягаемой глагольной формой: $N_1 V_f$.

Анализируемое предложение распространённое, т. к. имеет второстепенные члены; полное, т. к. его структурная схема реализована; осложнённое, так как содержит осложняющие его семантику и структуру однородные обстоятельства образа действия *знакомо, громадно*; членимое, т. к. в нем свободно выделяются члены предложения.

Подлежащее *дом*, отвечает на вопрос *что?*; выражено именем существительным в форме именительного падежа; способ выражения – морфологизированный, т. к. для имени существительного функция подлежащего является первичной; стоит в абсолютном начале предложения; входит в тему. Иерархическая схема подлежащего:

Дом
какой? где?
на Страстной

Сказуемое *чернел* отвечает на вопрос *что делал?*; выражено глаголом в форме изъявительного наклонения, прошедшего времени, единственного числа; по составу – простое глагольное, так как лексическое и грамматическое значения сказуемого выражены в одной грамматической форме; способ выражения – морфологизированный, так как для глагола функция сказуемого является первичной; занимает постпозицию по отношению к подлежащему; является ремой.

так как для существительного функция дополнения является первичной; занимает постпозицию по отношению к глаголу-сказуемому; входит в тему.

Определение *дождевой* зависит от слова *туман*, отвечает на вопрос *какой?*; определение выражено прилагательным в форме единственного числа, мужского рода, винительного падежа; входит в состав сказуемого; согласованное, так как согласуется с существительным в единственном числе, мужском роде, винительном падеже, согласование полное; способ выражения определения – морфологизованный, т. к. для прилагательного функция определения является первичной; занимает препозицию по отношению к определяемому слову, входит в тему.

Исходя из смыслового, грамматического и интонационного принципов русской пунктуации, в конце предложения необходимо поставить точку, т. к. предложение является по смыслу завершённым высказыванием, по целеустановке – повествовательным, по интонации – невосклицательным. Предложение осложнено однородными обстоятельствами образа действия, которые отделяются друг от друга запятой на основании смыслового и грамматического принципов русской пунктуации.

2. *Гнездо совы*

В каменных россыпях, еще покрытых слежавшимся снегом, мы нашли жилое гнездо полярной совы. Огромная белая птица бесшумно слетела почти у самых ног. Хорошо видна круглая голова, раскрытые широкие крылья сливаются с белизною снега... (С.-М.).

Анализируется первый, начальный, фрагмент очерка «Гнездо совы» – ССЦ. Текст относится к стилю художественной литературы, жанровой разновидности художественного очерка, чем мотивированы особенности его семантической структуры и способы ее моделирования.

Высказывание *В каменных россыпях, еще покрытых слежавшимся снегом, мы нашли жилое гнездо полярной совы* решает информационную задачу, поэтому по цели высказывания является повествовательным.

Анализируемое высказывание стоит в абсолютном начале очерка. Эта позиция обуславливает его роль и функции в тексте: вводит объекты дальнейшего описания и повествования, структурирует, таким образом, первое звено цепной связи высказываний в тексте. Выполняет констатирующее коммуникативное задание, однако содержит в начальной позиции неприсловный распространитель – обстоятельственный детерминант *в каменных россыпях*, который представляет собой исходный пункт (тему)

сообщения (ремы) *мы нашли жилое гнездо полярной совы*: таким образом, с точки зрения актуального членения, высказывание является расчлененным. Синтаксическое и актуальное членение не совпадают.

Имеет реальную модальность, так как в нем сообщается о реальном событии; утвердительное, так как связь между субъектом и предикатом утверждается; при реализации ИК-1 субъективная модальность не выражена.

Автор не оценивает событие, поэтому данное высказывание производится с эмоционально не окрашенной повествовательной интонацией, характеризующейся нисходящей мелодикой и отчетливым усилением словесного ударения на гласном центра ремы: *сов[ы]*.

Анализируемое предложение имеет структурно-семантические признаки, которые позволяют адресанту реализовать свои коммуникативные намерения. Данное высказывание является предложением, так как имеет смысловую, грамматическую и интонационную завершенность, обладает предикативностью – грамматическим значением, складывающимся из реальной модальности и прошедшего синтаксического времени; содержит один предикативный центр (грамматическую основу), значит, является простым предложением.

Данное предложение двусоставное, так как есть два главных члена – подлежащее и сказуемое: **мы нашли**. Структурная схема предложения относится к блоку двукомпонентных структурных схем со спрягаемой глагольной формой: N_1V_f .

Оно распространенное, так как имеет прямое дополнение, несколько согласованных определений, обстоятельственный детерминант; полное, так как его структурная схема реализована; осложненное, так как содержит осложняющий член – согласованное определение, выраженное причастным оборотом – **еще покрытых слежавшимся снегом**; членимое, так как в нем свободно выделяются члены предложения.

Подлежащее *мы*, отвечает на вопрос *кто?*; выражено личным местоимением 2-го лица в форме им. п.; морфологизированное, так как для личного местоимения функция подлежащего является первичной; подлежащее не имеет иерархической схемы, так как от него непосредственно не зависит ни один член предложения.

Сказуемое *нашли* отвечает на вопрос *что сделали?*; выражено глаголом в форме изъявительного наклонения, прошедшего времени, мн. числа; по составу – простое глагольное, так как лексическое и грамматическое значения сказуемого выражены в одной грамматической форме; морфологизированное, так как для глагола функция сказуемого является первичной. Иерархическая схема группы сказуемого:

мы нашли

где?

что?

в каменных россынях

гнездо

каких?

какое?

чьё? (кого?)

еще покрытых слежавшимся снегом

жилое

совы

какой?

полярной

Между подлежащим **мы** и сказуемым **нашли** наблюдается грамматическая координация в формах мн. числа, так как грамматическое значение числа – единственное общее грамматическое значение частей речи, выступающих в данном предложении в функции подлежащего и сказуемого.

Определение **жилое** отвечает на вопрос *какое?*, зависит от слова **гнездо**; выражено прилагательным в форме ед. числа, ср. рода, вин. падежа; входит в состав сказуемого; согласованное, так как согласуется с существительным в ед. числе, ср. роде, вин. падеже, согласование полное; морфологизированное, так как для прилагательного функция определения является первичной.

Дополнение **гнездо** отвечает на вопрос *что?*, зависит от сказуемого **нашли**; выражено существительным ср. рода в форме ед. числа, вин. падежа; входит в состав сказуемого; дополнение прямое, так как зависит от переходного глагола и выражено именем существительным в форме вин. падежа без предлога со знанием прямого объекта (ПО); морфологизированное, так как для существительного функция дополнения является первичной.

Словосочетание **в каменных россынях** состоит из слов, тесно связанных между собой по смыслу (это сочетание, близкое к терминологическому), его следует рассматривать как один член предложения приосновного характера, то есть как детерминант, потому что этот член предложения относится к основе в целом; отвечает на вопрос *где?*; выражен именным, субстантивным, словосочетанием с зависимым словом – именем прилагательным; это обстоятельственный детерминант, обозначающий место (размещение в пространстве); занимает абсолютную препозицию в предложении.

Определение **еще покрытых слежавшимся снегом** отвечает на вопрос *каких?*, зависит от детерминанта **в каменных россынях**, распространяет его; выражено причастным оборотом; согласованное, так как согласу-

ется с одним из компонентов детерминанта – существительным *россынях* во мн. числе, предл. падеже; морфологизированное, так как для причастного оборота функция определения является первичной.

Член предложения *совы* имеет признаки синкретизма:

гнездо чье? совы – определение,
гнездо кого? совы – дополнение.

Значение принадлежности выражено более отчетливо (гнездо, принадлежащее сове), поэтому рассматриваем член предложения *совы* как определение; отвечает на вопрос *чьей?*; зависит от слова *гнездо*; выражено именем существительным жен. рода в форме ед. числа, род. падежа; несогласованное, так как не согласуется с определяемым именем существительным; неморфологизированное, так как функция определения для имени существительного является вторичной.

Так как предложение по смыслу завершённое высказывание, по целеустановке повествовательное, по интонации невосклицательное, то, исходя из смыслового, грамматического и интонационного принципов русской пунктуации, в конце предложения необходимо поставить точку. Оно осложнено обособленным согласованным определением *еще покрытых слежавшимся снегом*, выраженным причастным оборотом, который находится в постпозиции по отношению к определяемому слову *россынях*. Исходя из смыслового и грамматического принципов русской пунктуации, данное определение необходимо обособить выделяющими знаками препинания – двумя запятыми.

3.2. Высказывание как сложносочиненное предложение

Лингвометодический комментарий

Анализ сложносочиненного предложения (ССП) начинается с его выделения из текста. В отличие от простого предложения, имеющего одну грамматическую основу, в сложном предложении находится всегда более одной грамматической основы.

Выявление в тексте ССП первоначально осуществляется по наличию формальных средств связи между предикативными частями: это сочинительные союзы. В ходе дальнейшего анализа выявляются и другие средства связи.

По цели высказывания ССП могут быть однофункциональными, в которых все предикативные части или повествовательные, или вопросительные, или побудительные, и разнофункциональными. В последнем случае нужно характеризовать каждую предикативную часть.

От функциональной характеристики предикативных частей зависит и постановка знаков препинания в конце предложения. Так, в разнофункциональном сложносочиненном предложении возможное сочетание первой, повествовательной, предикативной части и второй, вопросительной, обуславливает постановку вопросительного знака. Например: *Он это хорошо понимал, но что было делать?* В ССП с разделительными и противительными союзами довольно свободно соединяются повествовательные и побудительные предикативные части. Например: *Да замолчи ты, наконец, или я за себя не ручаюсь!* Наличие восклицательной интонации соответствует на письме восклицательному знаку.

Сложносочиненные предложения с различными грамматическими отношениями наиболее употребительны в художественной, публицистической и разговорной речи. Они являются средством создания образной, конкретно-воспринимаемой картины, передачи впечатлений, а также средством выражения чувств и оценок. Они могут передавать явления, которые происходят одновременно или следуют одно за другим, а также чередующиеся, сопоставляемые и противопоставляемые явления.

В составе сложносочиненных предложений с соединительными союзами отдельные предикативные единицы называют составные части событий, из сочетания которых создается общая картина. Такие ССП обычно используются для создания описаний. Например: *Впоследствии мы жили на берегу этого озера три дня, и я видел, как часто менялся цвет воды. В солнечное утро она была как темно-голубое небо, и облака в ней плыли, как в небе. В полдень озеро становилось светло-синим, вечером – изумрудным. Солнце закатывалось за гору, и Щучье озеро превращалось в длинный, точно прищуренный черно-синий глаз. В пасмурные дни серый туман сползал со шпилей на дно ущелья, и озеро делалось серым, непрозрачным* (А. Ш.).

В публицистике ССП используются и для живописного изображения различных событий, предметов, лиц, и для составления и противопоставления явлений действительности, раскрытия её противоречий и изменений. Например: *С Петербургом связана целая эпоха в истории России. Здесь был оплот самодержавия, и здесь же созрели силы освобождения. Здесь был очаг мракобесия, стремившегося подавить всё живое, и здесь же,*

ему наперекор, росла великая русская культура. Здесь родился капитализм и родил себе могильщика – пролетариат (Н. М.). С помощью ССП автор достигает большой выразительности в изображении противоречивых процессов, приведших к революции. Экспрессивность речи усиливают синтаксический параллелизм и анафора. Здесь ССП и параллелизм являются средством выражения эмоциональности и экспрессивности – стилистических черт публицистической речи.

ССП может состоять из двух предикативных частей (двучленные ССП) и более (многочленные ССП).

Сложность определения границ ССП обусловлена морфологическими особенностями выражения грамматических основ, которые могут состоять или из обоих главных членов, или только из одного. В целях избежания возможных ошибок следует хорошо знать материал синтаксиса простого предложения, посвященный неморфологизованным способам выражения главных членов в двусоставном и односоставном предложениях, и простого предложения, осложненного однородными членами.

Средствами связи предикативных частей являются, прежде всего, сочинительные союзы. Но их состав может осложняться за счет так называемого второго союзного элемента [Современный 1989, с. 743–745], представляющего собой местоименное наречие типа *поэтому, потому, оттого*, модальное слово (*следовательно, значит*), частицы (*ведь, все-таки, все же, все равно, тем не менее, между тем*) и др., которые присоединяются к сочинительным союзам с широкой семантикой: **и, а, но**.

Кроме союзов, функцию связи могут выполнять и «аналоги союзов» [Русская 1980, с. 715]. Это слова других частей речи. Например: продуктивные частицы-союзы **же, ли, только, лишь, лишь только**, наречия-союзы **еще, вдобавок, напротив, однако** и некоторые др.

Аналоги союзов, в отличие от сочинительных союзов, входят в структуру последней предикативной части, выполняя функцию и союза, и частицы. Эти функциональные особенности аналогов союзов должны быть отражены в схеме таким образом: *Товарищи относились к нему неприязненно, солдаты же любили воистину*. (А. К.): [– =], [– же =].

Для анализа особенностей структуры ССП необходима структурная характеристика средств связи, которая предполагает сообщение о том, является ли союз простым или составным, производным или непроизводным, одиночным или повторяющимся. При этом повторяющиеся союзы *ни... ни, то... то, не то... не то* и др. следует отличать от одиночных, которые могут повторяться в тексте. Например: в предложении *Ни денег в кармане, ни*

мысли в голове употреблен повторяющийся союз *ни... ни*. Во втором предложении *Мелькнет в бурьяне булыжник, или перебежит дорогу суслик* союз *или* одиночный неповторяющийся. А в третьем предложении – *Или я не понимаю, или ты не хочешь меня понять* – употреблен одиночный повторяющийся союз *или*.

Для грамотной и исчерпывающей характеристики средств связи в структуре ССП необходимо владеть материалом морфологии служебных частей речи, посвященным союзам.

Большинство союзов однозначные, но есть и многозначные, получающие определенное смысловое наполнение в конкретном предложении. Так, самый частотный союз **и**, обладая широкой семантикой, способен выражать **и соединительные** отношения (например: *Далеко за двором кричали лягушки и пел соловей*), **и результативные** (*Позвольте мне говорить о своей любви, и это одно будет для меня величайшим счастьем...*), и даже **противительные** (*Я не хотела сделаться начальницей, и все же мне пришлось*).

Определяя тип грамматических отношений между предикативными частями в структуре ССП, мы характеризуем его грамматическое значение в целом. При этом нужно исходить из того, **что** обозначают предикативные части и **как** они относятся друг к другу семантически. Например: в ССП с соединительными союзами выражаются, прежде всего, **соединительные отношения**, которые могут быть определены более конкретно:

– как **соединительно-перечислительные отношения одновременности**: *По вечерам золотыми цепями огней дрожала в вечернем тумане корабельная сторона и бродили по небу бледные лучи прожектора* (К. П.);

– как **соединительно-перечислительные отношения последовательности**: *Уже окончен день, и ночь надвигается из-за крыши* (Э. Б.);

– как **соединительно-распространительные отношения**: *Чародейкою-зимой околдован, лес стоит, и под снежной бахромою неподвижною, немою, чудной жизнью он блестит* (Ф. Т.);

– как **соединительно-результативные отношения**: *Ночью буря разозлилась, и крыша снегом опушилась* (А. Ф.) и т. д.

Способы выражения грамматических отношений в структуре ССП разнообразны. Кроме союзов и союзных слов, выделяют грамматические, лексические, структурные и интонационные средства.

К грамматическим средствам относят определенное соотношение видовременных форм сказуемых, неполноту второй или следующей предикативной части, наличие детерминанта. Последний, в отличие от про-

стого предложения, в ССП всегда стоит вначале. Так, соединительно-перечислительно-тельные отношения одновременности могут быть выражены и грамматическими формами глаголов-сказуемых в настоящем или прошедшем времени и детерминантом. Ср.: *В лодке сидела Елена с Рендичем и стоял длинный ящик, покрытый черным сукном* (Л. Т.). *Его здесь никто не любит и все боятся* (И. Г.). Детерминант возможен и в ССП с разделительными отношениями взаимоисключения или чередования. Например: *Всегда либо его дожидалось какое-нибудь неотложное дело, либо мальчишки затевали возню, либо гости приходили* (Е. Д.). *За окном то дождь моросит, то мокрый снег валит снег*.

В ССП с сопоставительными отношениями сопоставление чаще всего осуществляется в одном времени и в одном модальном плане, например: *Анна не хотела оставаться ужинать, но хозяин стал просить ее* (Л. Т.).

Неполнота второй предикативной части как грамматический способ выражения отношений проявляется в пропуске глагольного слова – сказуемого, которое словесно выражено в первой части. Такой пропуск с целью избежать повтора характерен для ССП с сопоставительными отношениями и уместен в разговорно-обиходном и художественном стилях. Ср.: *Он шел с косой, а она – с граблями* (М. П.). *Рабочие меняют мастеров, а мастера инженеров* (Ю. К.).

В выражении определенных грамматических отношений могут принимать участие и лексические средства. Это слова, например, одной тематической группы, выступающие как языковые или контекстуальные антонимы в ССП с сопоставительно-противительными отношениями: *Он шел с косой, а она – с граблями* или *Он аристократ – а я смиренная демократка* (А. П.). Резкое противопоставление в последнем предложении, которое выражается, прежде всего, лексически, объясняет постановку тире.

Порядок следования предикативных частей составляет одну из особенностей структуры ССП. В сложном предложении различают два типа расположения частей: свободное (нефиксированное) и несвободное (фиксированное). Для ССП характерен свободный порядок следования предикативных частей, обусловленный их относительной смысловой и структурной самостоятельностью.

Однако имеет место и фиксированный порядок. В этом случае его нужно рассматривать как способ выражения соответствующих грамматических отношений. Например: *Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно...* (А. Ч.). В этом предложении причинно-следственные отношения выражаются несвободным (фиксированным) порядком следования

предикативных частей: в первой части называется причина: *Приближалась осень, во второй – ее следствие: и (поэтому) в старом саду было тихо...*

Несвободный порядок расположения предикативных частей характеризует двучленные закрытые структуры ССП, в которых семантика второй части не самостоятельна. Это зачастую подчеркивается наличием в ней анафорических слов с неопределенной семантикой, соотносимых со словами конкретной семантики в предшествующей предикативной части. Ср.: *Море было спокойное, и все же входить в него (в море) было почему-то страшно* (С. Ант.). Уступительно-противительные отношения выражаются фиксированным порядком слов, о чем свидетельствует наличие во второй части личного местоимения, соотносимого с существительным **море**. Аналогичная картина наблюдается и в предложении с соединительно-результативными отношениями, например: *Через год в городе уже совершенно забыли про Ивана Дмитриевича, и книги его, сваленные хозяйкой под навесом, были растасканы мальчишками* (А. Ч.).

Анализ конструктивных элементов в структуре ССП позволяет говорить о свободных и несвободных моделях или схемах, по которым строится конкретная разновидность сложных предложений.

Наиболее продуктивны и стилистически нейтральны свободные модели. Однако в разговорной речи могут употребляться ССП, построенные по несвободным моделям, которые двучленны. Особенностью их структуры является устойчивый нечленимый **лексикализованный** компонент в первой части или устойчивые соотносительные компоненты, расположенные в обеих частях. Например: *Чего другого, а болот в Мецоре хватает* (М. П.); *Нет чтобы промолчать, так он в пузырь лезет; Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы* (А. П.) и др.

Интонация – универсальный, а потому не основной способ выражения грамматических значений в ССП. Тем не менее вместе с рассмотренными средствами связи она оценивается как достаточно конкретный выразитель соответствующих грамматических отношений в структуре ССП.

ССП открытой структуры с соединительно-перечислительными отношениями произносятся с интонацией перечисления, которой окрашивается также простое предложение, осложненное однородными членами с бессоюзной связью. Ср.:

*Осинник зябкий, / да речушка узкая, /
да синий бор, / да желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская
суглинистая, жесткая земля* (А. С.).

и

*Любви, / надежды, / тихой славы /
Недолго тешил нас обман (А. П.).*

Знаком ' (апостроф) обозначается логическое ударение, наклонной линией – пауза.

При интонации перечисления каждую предикативную часть (или однородный член) нужно произносить на одной высоте, выделяя смысловые центры с помощью логического ударения и делая между предикативными частями паузы указанной длительности. Ср.: *Пели соловьи, / и с полей доносился крик перепелов (А. Ч.)* и *Пели соловьи, / перепела.*

ССП с противительными и сопоставительными союзами произносятся с интонацией сопоставления. Она наиболее очевидна и выразительна в двучленных предложениях закрытой структуры. Первая предикативная часть произносится с заметным повышением голоса, что на письме соответствует тире, перед второй предикативной частью делается пауза большей степени длительности, чем при запятой, а слова в обеих предикативных частях, которые являются опорными при сопоставлении или противопоставлении, произносятся с повышением тона. Ср.: *Езжали вы сюда', / а лошадей держал я в э'той роще (А. П.).*

В ССП с присоединительной связью чем отчетливее присоединительный характер связи между предикативными частями, тем слабее цельность ССП. В устной речи это выражается паузой значительной длительностью перед присоединительными союзами, понижением голоса и интонацией незавершенности, с которыми произносится первая предикативная часть. Присоединяемая часть проговаривается на полтона ниже. Например: *Постояльцы с ним не заговаривали, // да и сам он не любил тратить попусту слова (М. П.).*

В соответствии со структурно-семантическим подходом к анализу ССП характеристика структуры предложения является обязательной. По мнению В. А. Белошапковой [Современный 1989, с. 740–741], все ССП имеют открытую или закрытую структуру. ССП открытой структуры могут состоять из двух, трех и более частей, поэтому они характеризуются как многочленные. ССП закрытой структуры только двучленные.

Особенности структуры конкретных ССП и тех грамматических отношений, которые в них выражаются, обусловлены, прежде всего, союзами.

В организации ССП открытой структуры принимают участие одиночные и повторяющиеся соединительные и разделительные союзы, причем первые, выражая значение одновременности или следования, в отли-

чие от вторых, не являются необходимым строевым элементом. Поэтому отношения соединительного перечисления могут быть выражены как союзами, так и бессоюзной связью. Ср.:

*И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги... (А. Б.).*

// *Мчимся в осенние дали, слушаем дальние трубы, мерим ночные дороги...*

Соединительные союзы в составе открытых структур лишь подчеркивают смысловую однотипность частей и цельность предложения. Ср.:

И воздух тут чистый, и солнце светит, и холодком от речки веет – и [], и [], и [].

Разделительные союзы, напротив, в силу своей семантики являются необходимым элементом структуры ССП, поэтому при схематическом представлении ССП с разделительными отношениями они заключаются в квадратные скобки, например: *Не то дым шел от костра, не то туман поднимался над болотом* (Т.) – [*не то...*], [*не то...*]; *Или я не понимаю, или же ты не хочешь меня понять* (Ч.) – [*или ...*], [*или...*].

ССП закрытой структуры весьма разнообразны и по средствам связи, и по грамматическим отношениям. (См. об этом классификационную таблицу в учебном пособии по современному русскому языку под ред. В. А. Белошапковой [Белошапкова 1989, с. 747].) Тем не менее их объединяет общий признак – двучленность. В качестве средств связи здесь выступают союзы широких и отвлеченных значений *и, а, но* и союзы узких дифференцированных значений *не то... но и, а именно* и др., которые в некоторых предложениях могут сочетаться с другими выразителями смысловых отношений между предикативными частями. Это местоименные наречия *поэтому, потому, оттого*, модальные слова *следовательно, значит*, частицы *ведь, все-таки, все равно* и др., которые конкретизируют и уточняют общее грамматическое значение ССП. Например, противительное грамматическое значение в предложении – *Наверное, это была несправедливая мысль, но она все-таки пришла ему в голову* (К. С.) – осложнено уступительным значением, которое выражено союзным элементом *все-таки*, а в предложении – *Обладая более твердым шагом, мулы хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато они вязнут в болотах* (В. А.) – это же противительное значение осложнено значением возмещения, которое выражено союзным элементом *зато*.

Определить характер структуры ССП не представляется сложным в том случае, если она состоит из двух предикативных частей или в многочленном ССП имеют место однотипные грамматические отношения. Если анализируется многочленное ССП с разными грамматическими отношениями, то структура ССП определяется как **комбинированная**. Например:

Пруд застыл, и река скована, но по льду ходить рискованно (К. С.): между 1 и 2 предикативными частями соединительные отношения одновременности, а третья часть связана с первыми двумя отношениями противопоставления: $\{[- =], \text{ и } [- =]\}$, $\text{ но } [=]$;

Ночной снег отяжелел ветви деревьев, а теперь снег медленно расходился по веткам каплями, и они понемногу поднимались (М. П.): между 1 и 2 предикативными частями сопоставительные отношения, между 2 и 3 – соединительно-результативные, характерные для ССП закрытой структуры: $[- =]$, $\text{ а } [- =]$, $\text{ и } [- =]$.

Синкретизм как явление многозначности на синтаксическом уровне характерен, прежде всего, для второстепенных членов предложения. Именно среди них различают однозначные, т. е. имеющие значение одного члена предложения (например, согласованное определение имеет значение только признака: *болотные кувшинки*) и синкретичные – со значением двух членов предложения. Так, несогласованное определение, имея значение признака, может быть осложнено значением обстоятельства места, например: *Расцвели кувшинки (какие? где?) на болоте*.

Синкретизм второстепенных членов предложения чаще всего наблюдается у неморфологизованных членов предложения и является следствием двойных синтаксических связей – структурных и семантических.

В синтаксисе сложного предложения синкретизм тоже имеет место. По аналогии с синкретичными второстепенными членами предложения о синкретизме в ССП можно говорить тогда, когда между предикативными частями обнаруживается более одного типа грамматических отношений. Например: сочинительные союзы *то есть, а именно* выражают общее значение пояснения, а в структуре конкретных ССП они могут способствовать формированию синкретичных пояснительно-присоединительных грамматических отношений. Ср.: *Он был офицер, то есть с детства, с кадетского корпуса, он готовился воевать* (По С.-Ц.); *Кроме растений, в саду есть помещения для разных животных, а именно: построено много башенок с решетчатыми вышками для голубей, а для фазанов и других птиц поставлена между кустами огромная проволочная клетка* (И. Г.).

Случаи синкретизма наиболее частотны в сложноподчиненном и бессоюзном сложном предложении.

Схематическое представление структуры сложносочиненного предложения принято осуществлять с помощью квадратных скобок, которые соответствуют каждой предикативной части. Такой графический способ подчеркивает относительную самостоятельность предикативных частей в структуре ССП, в отличие от СПП, в которых придаточная часть обозначается круглыми скобками, а главная – квадратными.

Чтобы правильно начертить схему ССП, нужно решить вопрос о месте сочинительных союзов, т. к. одни союзы – соединительные – не являются абсолютно необходимым строевым элементом ССП открытой структуры, а другие, напротив, являются необходимым элементом структуры ССП, в частности разделительные союзы. Следовательно, одни союзы оставляют за скобками, а другие включают в скобки. Например: *Ни ветка не зашуршит, ни птица не запоеет, ни зверек никакой не пискнет* (В. С.) – ни [– =], ни [– =], ни [– =] и *То ли именье продано, то ли торги не состоялись* – [то ли – =], [то ли – =].

Другие, нетипичные, средства связи – аналоги союзов или входящие в состав союзов лексические элементы – могут быть помещены в квадратные скобки, если они являются лексической частью предикативной структуры. Например: *Я с ними вечно бранюсь, но все-таки я их очень люблю* (Ф.Д.) – [– =], но [все-таки – =], *Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят* (Ф.Т.) – [еще = –], а [– уж =].

Пунктуационный анализ ССП, как и любой другой коммуникативной синтаксической единицы с предикативными и полупредикативными синтаксическими отношениями, в котором условно можно выделить три этапа, следует проводить в соответствии с общепринятой схемой синтаксического разбора. Следовательно, целесообразно начинать со знаков препинания конца предложения, являющихся показателями и соответствующих функциональных значений, и эмоциональной окраски предикативных частей.

Не вызывает затруднений постановка конечных знаков препинания в однофункциональных ССП. В зависимости от цели высказывания может быть употреблена точка, если выражено сообщение; многоточие, если сообщение последней предикативной части окрашено интонацией незавершенности (*Та же молодость, и те же дары, И те же ночи у костра... Моя божественная лира с твоей гитарой – сестра* (М. Ц.)), и вопросительный знак, если обе предикативные части заключают вопрос и окрашены общей вопросительной интонацией, например: *Да что в ней особенного и что соб-*

ственно случилось? (И. Б.), *Вас допросить, или вы напишете сами?* (М. П.). (Примеры заимствованы у А. Н. Наумович [Наумович 1983, с. 206].)

Если в ССП все предикативные части эмоционально окрашены (показателем в этом случае являются так называемые восклицательные местоимения *как, какие, сколько*), то в конце предложения ставится восклицательный знак: *Какой далекой целью тогда казалась и как скоро она свершилась!* (В. Р.).

В разнофункциональных ССП вопросительный знак ставится лишь в том случае, если вопрос содержится во второй предикативной части: *Цветы все дорогие, и где он их взял?* (А. О.). Восклицательный знак ставится при наличии восклицательной интонации у одной, иногда первой, предикативной части: *Сколько интересного ушло, и его уже не воскресить!* (М. П.) [привед. по: Наумович, 1983, с. 206]. Далее, на втором этапе, объясняется постановка знаков между предикативными частями с учетом конкретных грамматических отношений между ними и особенностей структуры ССП. Типичной пунктуационной нормой в этом случае является постановка запятой.

Однако следует помнить, что запятая как срединный знак между предикативными частями не ставится при наличии в начале предложения детерминанта, модальных частиц типа *только, лишь, вдруг* и др., вводных слов или словосочетаний, общей придаточной части при сочинительной связи между предикативными частями в многочленном сложном предложении с сочинительной и подчинительной связью. Все перечисленные разновидности ССП имеют структурно-семантическую аналогию с простыми предложениями, осложненными однородными членами с союзной сочинительно-соединительной связью. Этим объясняется и сходство в пунктуации: Ср.: *Вдруг завизжала дверь на блоке и задрожал пол от чых-то шагов* (А. Ч.) и *Вдруг задрожали дверь и пол от чых-то шагов* или *Вдруг дверь завизжала и задрожала*.

По семантической спаянности и пунктуационному оформлению аналогичны простым предложениям с однородными членами такие ССП, которые состоят из функционально и эмоционально однородных предикативных частей, например из двух вопросительных или двух восклицательных: *Да что в ней особенного и что собственно случилось?* (И. Б.), *Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!* (А. Ч.) или структурно однотипных предикативных частей, которые соотносительны с простыми односоставными предложениями (неопределенно-личными, безличными, номинативными): *А вот велишь за-*

ложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков (И. Т.); И скучно и грустно (М. Л.); Грязь и вода, смерть и вода. Оборванные провода и кони в мертвых позах скачки (К. С.).

В структуре ССП даже при наличии повторяющихся союзов между однородными предикативными частями, которые характеризуются семантическим притяжением, запятая может не ставиться. Так объясняется ее отсутствие, например, в поэтических строках М. Ю. Лермонтова: *И скучно и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды (М. Л.).*

Таким образом, вопрос о постановке запятой между предикативными частями в ССП решается по-разному и напрямую связан и с характеристикой структуры анализируемого предложения, и с умением отличать его от простого предложения, осложненного однородными членами, и с умением правильно определять предикативные части ССП по наличию главных членов.

Однако не только запятая является пунктуационным знаком между предикативными частями в структуре ССП. Используют, хотя значительно реже и по преимуществу в художественных текстах, и точку с запятой, и тире.

Постановка точки с запятой имеет одинаковые условия и для ССП, и для простого предложения, осложненного однородными членами с бессоюзной связью, и для бессоюзных сложных предложений: это наличие соединительных отношений, смысловая обособленность или структурная осложненность предикативных частей, отделяемых паузой большей длительности, чем при запятой.

Этот знак возможен и в тех случаях, когда предикативные части ССП с союзной связью (*а, и*) легко трансформируются в простые предложения, между которыми на месте союза можно поставить точку. Именно такому объяснению поддается постановка точки с запятой в ССП в следующем стихотворении А. Блока:

*Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.*

*Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как признак возраста,
День обозначил купола;*

*И над окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;*

*И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез. (А. Б.)*

В отличие от запятой и точки с запятой, которые являются знаками ССП открытой структуры, тире употребляется в ССП закрытой структуры при наличии союза *и* со значением обусловленности и реже, как отмечает А. Н. Наумович [Наумович 1983, с. 213], – перед противительными союзами *а, но, однако, же*.

Все ССП с тире имеют ярко выраженный интонационный рисунок: конец первой предикативной части произносится с заметным повышением голоса, который перед союзами резко прерывается напряженной паузой ожидания. Например:

*Еще один огромный взмах –
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы! (А. Б.)*

Пунктуационный разбор ССП завершается анализом знаков препинания каждой предикативной части, начиная с первой. В этом случае необходимы знания пунктуации простого осложненного предложения.

Ключевые слова: сложносочиненное предложение (ССП), предикативные части, средство связи, сочинительные союзы, аналоги союзов, лексические и грамматические средства связи, грамматические отношения, двучленное ССП, многочленное ССП, ССП закрытой структуры, ССП открытой структуры, ССП комбинированной структуры.

Схема

1. Общая характеристика текста (функционально-смысловой тип речи, стиль, жанр, коммуникативная задача автора).
2. Анализируемое предложение в тексте: информативная и структурно-композиционная роль в реализации коммуникативной задачи автора

(соотнесенность с тема-рематической структурой текста, роль в выражении связности текста).

3. Тип предложения по цели высказывания: однофункциональное (повествовательное, вопросительное или побудительное) или разнофункциональное (повествовательно-вопросительное, побудительно-повествовательное и др.).

4. Тип предложения по эмоциональной окраске (восклицательное, невосклицательное).

5. Подчеркнуть грамматические основы предикативных частей, определить их количество, пронумеровать и сделать вывод о типе предложения по наличию количества грамматических основ.

6. Указать средства связи предикативных частей, графически их обозначить, отметить особенности их структуры и определить тип сложного предложения.

7. Установить семантический разряд сочинительных союзов или их аналогов.

8. Определить тип грамматических отношений между предикативными частями.

9. Выявить грамматические, лексические и другие (если есть) средства выражения грамматических отношений между предикативными частями.

10. Тип предложения по структуре (открытой, многочленной; закрытой, двучленной или комбинированной структуры).

11. Случаи синкретизма грамматических отношений.

12. Схема предложения.

13. Пунктуационный анализ.

Образцы

1. Точно завеса, тонкая легкая завеса висит, слабо колыхаясь, перед его умственным взором, – и за этой завесой он чувствует... чувствует присутствие молодого, неподвижного, божественного лика с ласковой улыбкой на устах и строго, притворно-строго опущенными ресницами. И этот лик – не лицо Джеммы, это лицо самого счастья! И вот настал, наконец, его час, завеса взвилась, открываются уста, ресницы поднимаются – увидало его божество – и тут уже свет, как от солнца, и радость, и восторг нескончаемый! Он думает об этом завтрашнем дне – и душа его опять радостно замирает в млеющей тоске беспрестанно возрождающегося ожидания! (И. Т.)

Он думает об этом завтрашнем дне¹ – и душа его опять радостно замирает в млеющей тоске беспрестанно возрождающегося ожидания²!

Перед нами фрагмент текста-описания внутреннего состояния человека в ожидании долгожданного свидания с любимой. Стиль текста – художественный, поскольку информация имеет словесно-образную форму выражения. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – повесть. Коммуникативная задача автора – представить внутреннее состояние героя, на которого, наконец, обратила внимание его возлюбленная и назначила ему встречу.

В тексте анализируемое предложение входит в состав ремы, выраженной предложением ***И вот настал, наконец, его час***, развивая её содержание.

Данное предложение по цели высказывания однофункциональное, повествовательное, а по эмоциональной окраске – восклицательное.

Оно состоит из двух предикативных частей: первая часть – *Он думает об этом завтрашнем дне* с грамматической основой *он думает*, вторая часть – *душа его опять радостно замирает в млеющей тоске беспрестанно возрождающегося ожидания* с грамматической основой *душа замирает*. Следовательно, это сложное двучленное предложение.

Предикативные части этого двучленного предложения соединены при помощи сочинительного, простого, неповторяющегося, непроизводного союза **и**, который находится перед второй предикативной частью. Поэтому это сложносочиненное предложение. По семантике сочинительный союз **и** – соединительный многозначный, или синтаксический.

Между предикативными частями анализируемого ССП – результативно-обусловленные отношения, т. к. в первой части сообщается о действии, которое приводит к результату, выраженному во второй части.

Средствами выражения результативно-обусловленных отношений, кроме сочинительного союза **и**, может быть предложно-падежное сочетание **в результате**, которое следует включить в структуру предложения перед второй предикативной частью. Ср.: *Он думает об этом завтрашнем дне – и в результате душа его опять радостно замирает в млеющей тоске беспрестанно возрождающегося ожидания!* Такая трансформация предложения подчеркивает результативно-обусловленные отношения. Среди лексических средств выражения грамматических отношений во второй предикативной части употреблено личное местоимение *его* со значением притяжательности, которое соотносится с личным местоимением *он* в первой части. Ср.: *Он (думает), его (душа замирает)*. Структурно-семантическая зависимость второй предикативной части тоже является

средством выражения грамматических отношений между предикативными частями.

Это ССП имеет двучленную закрытую структуру, допускающую во второй части предложно-падежную форму **в результате**, что препятствует продолжению предложения и доказывает закрытый характер её структуры.

Синкретизм грамматических отношений отсутствует.

Структура анализируемого предложения может быть представлена следующей схемой: [– =] – **и** [– =]!

В конце предложения ставится восклицательный знак, т. к. это повествовательное восклицательное предложение. Перед сочинительным союзом **и** ставится тире, т. к. оно соединяет две предикативные части в составе ССП с результативно-обусловленными отношениями.

2. *Савин отправился в сад.*

*Джемма сидела на скамейке, близ дорожки, и из большой корзины, наполненной вишнями, отбирала самые спелые на тарелку. Солнце стояло низко – был уже седьмой час вечера – и в широких косых лучах, которыми оно затопляло весь маленький садик г-жи Розелли, было больше багрянца, чем золота. **Изредка, чуть слышно и словно не спеша, перешептывались листья, да отрывисто жужжали, перелетывая с цветка на соседний цветок, запоздалые пчелы, да где-то ворковала горlinka – однообразно и неумоимо** (И. Т.).*

Изредка, чуть слышно и словно не спеша, перешептывались листья¹, да отрывисто жужжали, перелетывая с цветка на соседний цветок, запоздалые пчелы², да где-то ворковала горlinka – однообразно и неумоимо³.

Перед нами фрагмент текста-повествования, на что указывает его событийно-сюжетный характер, наличие завязки, выраженной в первом предложении-абзаце, и развитие действия. Повествованию сопутствуют элементы описания маленького садика летним вечером. Стиль текста – художественный, поскольку информация имеет словесно-образную форму выражения. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – повесть. Коммуникативная задача автора – нарисовать картину садика в летний вечер, где состоялась встреча героев повести.

В тексте анализируемое предложение входит в состав ремы, выраженной вставным предложением *был уже седьмой час вечера*, осложняющим второе предложение второго абзаца.

Данное предложение по цели высказывания однофункциональное, повествовательное, а по эмоциональной окраске – невосклицательное.

Оно состоит из трех предикативных частей: первая часть – *Изредка, чуть слышно и словно не спеша, перешептывались листья* с грамматической основой *листья перешептывались*, вторая часть – *отрывисто жужжали, перелетывая с цветка на соседний цветок, запоздалые пчел* с грамматической основой *жужжали пчелы* и третья – *где-то ворковала горlinkка* – *однообразно и неумоимо* с грамматической основой *ворковала горlinkка*. Следовательно, это сложное многочленное предложение.

Предикативные части соединены при помощи сочинительного, простого, повторяющегося, непроизводного союза *да*, который находится перед второй и третьей предикативными частями. Поэтому это сложносочиненное предложение. По семантике сочинительный союз *да* – соединительный многозначный, или синтаксический, синонимичный союзу *и*, имеющий разговорно-стилистическую окраску.

Между предикативными частями данного ССП – соединительные отношения со значением одновременности. Кроме сочинительного повторяющегося союза *да*, в анализируемом многочленном ССП используются и другие средства связи. Грамматические формы сказуемых во всех предикативных частях выражены глаголами несовершенного вида прошедшего времени – *перешептывались, жужжали, ворковала*. Во всех предикативных частях – инверсионный порядок слов: *перешептывались листья, жужжали пчелы, ворковала горlinkка*. Это характерные признаки синтаксических конструкций в составе описательных текстов.

Анализируемое многочленное ССП имеет открытую структуру, характеризующуюся однородными грамматическими отношениями между её предикативными частями, которую поэтому можно продолжить.

Синкретизм грамматических отношений отсутствует.

Структура данного предложения может быть представлена следующей схемой: [= –], да [= –], да [= –].

В конце предложения ставится точка, т. к. это предложение повествовательное невосклицательное. Перед сочинительным повторяющимся союзом – запятое, т. к. это ССП. В первой предикативной части ставятся запятые, которые выделяют обособленное обстоятельство способа действия со значением уточнения, выраженное наречиями и деепричастным

оборотом – *чуть слышно и словно не спеша*; во второй предикативной части также ставятся запятые, которые выделяют обособленное обстоятельство образа действия, выраженное деепричастным оборотом – *перелётывая с цветка на соседний цветок*; в третьей части ставится тире – факультативный, авторский, знак обособления одиночных обстоятельств в конце предложения.

3.3. Высказывание как сложноподчиненное предложение

Лингвометодический комментарий

СПП, в отличие от ССП, состоят из двух неравнозначных предикативных частей: независимая, главная, часть и подчиненная (зависимая), придаточная, часть. Характер отношений и основное средство связи (омонимичные подчинительные союзы и союзные слова) нашли отражение в самом названии СПП. Подчинительные союзы и союзные слова входят в придаточную часть, что и фиксируется схемой предложения. Например: *Сообщи, когда тебя ждать* [=], (*когда* =); *Если поэт настоящий, он устанавливает связи вещей, явлений, времен* (*Если* – =), [– =].

Придаточная часть может относиться или к одному слову в главной (и в этом случае она называется *присловной*), или ко всей главной части (и тогда она называется *приснос'вной*). По этому признаку выделяются два структурных типа сложноподчиненного предложения – СПП нерасчлененной структуры (одночленные): *От мысли, что он никогда не увидит её больше, его бросило в холод* – и СПП расчлененной структуры (двучленные): *Пока туристы ставили палатку, местные принесли им рыбы на уху*.

При характеристике СПП обращают внимание и на содержательную, и на формальную сторону, что учитывается при их классификации.

В нерасчлененных СПП придаточная часть относится к одному слову в главной, поясняя или характеризуя его. Оно называется **контактным**. В качестве контактных слов выступают существительные, глаголы или слова категории состояния, семантика которых требует распространения. Например: *При этом капитан делал изысканный жест, **каким обычно предлагают гостю садиться*** (К. П.) – ср.: *жест (какой?) – каким, которым...); *Всем своим искусством Микеланджело хочет нам показать (что?), **что самое красивое – это человеческая фигура**; Мне было непонятно (что?), **что общего между пищей и книгами**.**

В функции контактных слов используются также указательные местоименные слова *тот, такой, таков, так, там, туда, тогда*, которые находятся в главной части СПП и сигнализируют об обязательности придаточной. Последняя содержит пояснение или новую информацию и оформляется с помощью относительных местоимений и местоименных наречий, т. е. союзных слов. Например: *Сражение выиграет тот, кто твёрдо решил его выиграть* (Л. Т.); *Морская профессия ещё и сейчас совсем не так безопасна, как принято думать* (К. П.).

Морфологическая природа и семантика контактных слов, их валентность, с одной стороны, и союзные средства, с другой, оформляют структуру нерасчлененных СПП и формируют грамматические отношения, которые учитываются при их дальнейшей классификации.

По структуре нерасчлененные СПП делятся на три типа: 1) местоименно-соотносительные; 2) субстантивно-атрибутивные (термины Н. С. Поспелова); 3) изъяснительные (термин В. А. Богородицкого и Н. С. Поспелова).

Исходя из названия **местоименно-соотносительных СПП**, в качестве контактного слова в главной части выступают указательные местоименные слова, которые соотносятся с союзными словами в придаточной части, образуя вместе с ними цельные и устойчивые связочные структуры: *то – что, тот – кто, такой – какой, тот – который, столько – сколько, настолько – насколько, там – где, так – как, тогда – когда* и др. Например: *Что позабудет сделать человек, то наверстает за него природа* (И. Б.); *Барина в Толстом было как раз столько, сколько нужно для холопов* (М. Г.); *Там, где в прошлом году была рожь, теперь лежал в рядах скошенный овёс* (А. Ч.); *Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою* (Н. Г.). Местоименные контактные слова в главной части СПП и соотносительные с ними союзные слова в придаточной части выполняют функцию одного члена предложения.

Общее грамматическое значение местоименно-соотносительных СПП – это **отношения пояснения**, которое определяется с помощью вопроса «а именно?» Поясняя указательное слово как член предложения, придаточная часть как бы дублирует функцию этого члена. Поэтому, как указано в учебнике под редакцией П. А. Леканта [Современный 2002, с. 508–509], определение «придаточная пояснительная» может детализироваться указанием функции поясняемого члена предложения (пояснительно-подлежащая, пояснительно-определяющая, пояснительно-обстоятельственная и др.): *Кто боится и избегает любви, тот не свободен* (А. Ч.); *Я со-*

знался во всём, **что вы хотели знать**. В школьной грамматике такая разновидность СПП как самостоятельный разряд не рассматривается.

В субстантивно-атрибутивных СПП придаточная часть относится к одному слову в главной, от которого задается смысловой вопрос определения (*какой?*), которое выражается существительным и может выполнять любую синтаксическую функцию: *Комната* (какая?), *где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранной* (И. Г.); *Чичиков ... увидел даму* (какую?), *которую он совершенно было не приметит...* (Н. Г.); *К явлениям* (каким?), *которых я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь им* (А. Ч.). Союзные слова как средство связи между предикативными частями могут быть изменяемыми и неизменяемыми. Изменяемые союзные слова согласуются с контактным существительным в числе и роде и выполняют функцию определенных членов предложения, например: *Мелкое болотистое озеро, по берегу которого* (нельзя по берегу которой или по берегу которых) *мы пробирались, ещё белело меж деревьев* (И. Б.), *по берегу которого* (род. п.) – несогласованное определение; *думал о которой* (предл. п.) – дополнение; *которые вели* (им. п.) – подлежащее. Неизменяемые местоименные наречия являются обстоятельствами, например обстоятельством места: *сойтись где, ходили куда*. Союзы в этом типе предложений не употребляются.

Обычно придаточная часть следует непосредственно за контактным словом: *Маленький дом, где я живу в Мещоре, заслуживает описания* (К. П.). Другое её расположение приводит к синтаксической ошибке.

В СПП с расчлененной структурой придаточная часть относится ко всей главной, поэтому один семантический компонент предполагает наличие другого. Так, попарно связаны между собой причина и следствие, условие и результат, цель и намерение и мн. др. Это соответствует в целом природе подчинения, которое выражается формулой «определяемое – определяющее». В качестве средства связи используются только подчинительные союзы. Общее грамматическое значение расчлененных СПП – обстоятельственное. По русской грамматической традиции типы расчлененных СПП классифицируются по названию придаточных.

Различают **СПП с придаточными времени** (смысловые вопросы, которые задаются от всей главной части к придаточной: *когда?*, *в какое время?*, *с какого времени по какое?*), **причины** (*почему?*, *по какой причине?*), **цели** (*зачем?*, *с какой целью?*), **условия** (*при каком условии?*), **уступительности** (*вопреки чему?*, *несмотря на что?*), **сравнения** и др.

Чтобы правильно определить грамматические отношения в структуре СПП и тип придаточного, необходимо ориентироваться не на формальные

средства связи, а на смысловые отношения, которые выявляются с помощью смысловых вопросов, поскольку подчинительные союзы как основное средство связи являются омонимичными. Ср.: *Дом* (какой?), **что стоял напротив**, *закрывал дорогу* и *Я непременно скажу вам* (о чем?), **что меня беспокоит**.

Текстообразующий потенциал сложных предложений заключается в их способности организовывать тексты различных функционально-смысловых типов речи (повествования, рассуждения, описания), стилей, жанров.

Так, по отношению к организации определённых типов речи наблюдается следующее: тексты-рассуждения тяготеют к использованию в них СПП с придаточными причины, следствия, цели, условия, а также синонимичных им синтаксических конструкций. Тексты-повествования координируются со СПП с придаточной времени и синонимичными им конструкциям. Тексты-описания, как правило, содержат СПП с придаточными сравнительными и их синтаксические синонимы.

Различные виды СП по-разному участвуют в создании текстов различной **стилевой принадлежности**. Так, в разговорно-обиходном стиле из всех типов СП отдаётся предпочтение употреблению БСП и ССП, хотя в целом сложный синтаксис для разговорного стиля не характерен, здесь господствуют простые, неполные, эллиптические конструкции. СПП и многочленные СП тяготеют к книжным стилям – научному, публицистическому, языку художественной литературы.

Наблюдается и связь определённых типов СП с **жанрами речи**. Например, отзыв и рецензия, которые изучаются в 9 классе, представляют собой анализ содержательной стороны и художественных достоинств произведения, их аргументированную оценку, выражение личного отношения к сообщаемому, что предполагает использование в них СПП с придаточной изъяснительной частью, придаточными времени, следствия, уступки. В таких жанрах, как реферат и доклад, не обойтись без МСП, СП с разными видами связи.

В форму определённых типов СПП облакаются такие жанры, как поговорка, правила, определения, теоремы и т. д. (*если ... то; чтобы получить ... нужно; ... что и требовалось доказать*).

СП могут выполнять композиционную функцию. Так, в инициальной позиции текста обычно используются СПП с придаточной изъяснительной, которые выполняют роль зачина. Например:

Существует мнение, что человеческий организм инстинктивно противится творческим процессам, вспыхивающим в нём, а тем более

длительному творческому процессу. Кто-то из великих французов заставлял запереть себя в кабинете, кого-то слуга привязывал к креслу верёвками и уходил на полдня. Шиллер ставил ноги в таз с холодной водой. Бальзак непрерывно подбадривал себя крепким кофе (В. С.).

Текстообразующая функция СПП такого типа заключается в том, что они «провоцируют» развёртывание мысли, вводя мнение, как правило, обобщённого субъекта и подразумевая реакцию на него говорящего (согласие, несогласие, согласие с оговорками и т. п.).

Определённые типы СПП формально приспособлены для введения в текст новых подтем: *что касается... то; если говорить о ... то; если вести речь о ... то* и др.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение (СПП), главная предикативная часть, придаточная предикативная часть, средство связи, подчинительные союзы, союзные слова, лексические и грамматические средства связи, грамматические отношения, СПП нерасчлененной структуры, СПП расчлененной структуры, контактные слова, типы придаточных.

Схема

1. Общая характеристика текста (функционально-смысловой тип речи, стиль, жанр, коммуникативная задача автора).
2. Анализируемое предложение в тексте: информативная и структурно-композиционная роль в реализации коммуникативной задачи автора (соотнесенность с тема-рематической структурой текста, роль в выражении связности текста).
3. Определить тип предложения по цели высказывания: однофункциональное (повествовательное, вопросительное или побудительное) или разнофункциональное (повествовательно-вопросительное, побудительно-повествовательное и др.).
4. Определить тип предложения по эмоциональной окраске (восклицательное, невосклицательное).
5. Подчеркнуть грамматические основы предикативных частей, определить их количество, пронумеровать и сделать вывод о типе предложения по количеству грамматических основ.
6. Указать средства связи предикативных частей, графически их обозначить, отметить особенности их структуры и определить тип сложного предложения.
7. Охарактеризовать тип подчинительного союза или союзного слова (семантический, однозначный, или синтаксический, многозначный).

8. Найти главную часть СПП и определить её место в структуре предложения.

9. Найти придаточную часть и определить её место в предложении.

10. Установить, к чему относится придаточная часть (к слову в главной части или ко всей главной части) и определить тип предложения по структуре (СПП нерасчлененной или расчлененной структуры).

11. Тип грамматических отношений между главной и придаточной частями.

12. Случаи синкретизма грамматических отношений.

13. Схема предложения (линейная и структурная).

14. Пунктуационный анализ.

Образец

*Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил, и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет рожимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала нас,
Когда, столтясь на алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я, как брат,
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнии ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой? (М. Л.)*

1. *Ты хочешь знать¹, что делал я
На воле²?*

Перед нами фрагмент текста-рассуждения с элементами повествования о трех днях жизни на свободе, о которых мечтал лирический герой, находясь в заточении. Стиль текста – художественный, поскольку информация имеет словесно-образную форму выражения. Жанр текста, представленного данным фрагментом, – поэма. Коммуникативная задача автора – доказать, что самое ценное на земле – свобода.

Анализируемое предложение в данном тексте обозначает тему – *жизнь на воле*, является начальным в структуре текста-рассуждения, имеет форму вопроса, представляя собой тезис для последующего доказательства.

По цели высказывания это однофункциональное, вопросительное предложение, т. к. обе части содержат вопрос, а по эмоциональной окраске – невосклицательное.

Оно состоит из двух предикативных частей: первая часть – *Ты хочешь знать* – с грамматической основой *ты хочешь знать*, вторая часть – *что делал я на воле* – с грамматической основой *я делал*. Следовательно, это сложное двучленное предложение.

Предикативные части соединены с помощью союзного слова **что**. Следовательно, это СПП. Слово **что** является союзным словом, а не союзом, т. к. во второй предикативной части занимает синтаксическую позицию прямого дополнения и на него падает логическое ударение.

Главная часть – *Ты хочешь знать* – препозитивна в структуре предложения. Придаточная часть – *что делал я на воле* – постпозитивна.

Придаточная часть относится к одному слову в главной части – **знать**, поэтому данное сложноподчиненное предложение имеет нерасчлененную структуру.

Между главной и придаточной частями – изъяснительно-объектные отношения (**знать** – **о чем?**).

Факт семантического синкретизма отсутствует.

Линейная схема данного предложения такова: [– =], (**что** = –).

В конце предложения ставится вопросительный знак, т. к. обе предикативные части содержат вопрос; после главной предикативной части перед союзным словом **что** ставится запятая, т. к. это СПП.

3.4. Высказывание как бессоюзное сложное предложение

Лингвометодический комментарий

Бессоюзные сложные предложения (БСП) – это разновидность сложных предложений, предикативные части которых объединяются без помощи союзных средств, по смыслу и интонационно: *Слово отражает мысль¹: непонятна мысль² – непонятно и слово³* (В. Б.). В их названии нашло отражение бессоюзие как основное средство связи [Ширяев 1986].

Наряду с интонацией как универсальным средством оформления любого предложения в бессоюзных конструкциях используются следующие средства связи: 1) опорные слова в составе первой части, требующие уточнения, распространения, характеристики : *И вдруг произошло чудо¹: я пересек улицу и очутился в совершенно ином городе²* (Ю. Д.); 2) катафорические местоименные слова в первой части (*так, такой, все, это, оно, ничто* и др.), вмещающие содержание последующей предикативной части: *Ответ **таков¹**: не ждите нас²*; 3) анафорические местоименные слова во второй части, замещающие содержание первой части или ее элементы: *Мы сорвали несколько гроздей схваченной морозом красной рябины¹ – это... была последняя память о лете, об осени²* (К. П.); 4) лексические средства связи (синонимы, антонимы, гипонимы и гиперонимы, слова одной лексико-семантической или тематической группы): *Для стариков я слишком молод¹, для молодых я слишком стар²: одни в вину мне ставят – холод³, другие – неуместный жар⁴* (П. Вяз.); 5) соотношенность видовременных форм сказуемых и модальных планов предикативных частей, которая мотивирует определенное значение БСП: *Распахнешь окна настежь¹ – сразу влетит свежий ветер²* (употребление глаголов совершенного вида мотивирует значение последовательности ситуаций); 6) параллелизм строения предикативных частей БСП: *Тревогой зарастают могилы¹, давностью зарастает²; Наша память о жизни – мечта, наша память о смерти – раскаянье (И. Л.); 7) структурная неполнота одной из частей: *Оба прошли в ложу¹ – я в партер²* (В. Г.); *Мужчина слушает ушами¹, женщина – глазами²* (В. Кл.); 8) общий второстепенный член предложения: *За это время растает снег¹, умчатся воды², зазеленеет и покроется первыми цветами земля...* (М. П.); 9) фиксированный порядок предикативных частей, указывающий на зависимость одной части от другой: *Открыл дверь¹ – никого²*.*

Перечисленные средства связи предикативных частей в БСП по сравнению с другими типами сложных предложений употребляются нере-

гулярно. Некоторые из них закреплены только за определенными бессоюзными конструкциями, другие характерны для бессоюзных предложений разных типов. Однако главным средством связи предикативных частей и соответственно реализации отношений между ними в БСП является лексический состав и выраженный им смысл. Поэтому всегда нужно понять, о чем говорится в предложении. Тогда грамотно можно решить вопрос и о средствах связи, и о постановке знаков препинания.

Классификация БСП строится на основе особенностей их структуры и семантики с учетом дополнительных средств связи в реализации синтаксических значений. Различают БСП **однородного и неоднородного состава**. Однородность состава вытекает из одинакового отношения двух частей к третьей, выраженной эксплицитно или имплицитно (подразумеваемой), и обусловлена наличием следующих признаков: 1) открытость структуры; 2) смысловое и грамматическое равноправие частей; 3) семантическая соподчиненность лексических единиц в частях сложного предложения: *Во дворе был старинный каменный колодец¹, перед флигелем росли две белые акации², возле крыльца дома... поднималась темная вершина каштана³* (И. Б.); 4) одинаковая грамматическая оформленность предикативных частей, общность их временных и модальных планов: *Растут невнятно розовые тени¹, высок и внятен колокольный звон², ложится мгла на старые ступени³...* (А. Б.); 5) перечислительная интонация.

Показатели однородности предикативных частей БСП те же, что и у ССП: наличие общего второстепенного члена, общей предикативной части, общего для всех предикативных частей предшествующего или последующего предложения: *Наступила осень. Сыплет дождик, летят мокрые листья, идут низенькие тучи, грязь прямо хлещет с гор жирными потоками* (Ю. Д.); общей оценки или общей картины, определяющей тематическое сходство частей или их ассоциативное сближение: *Зажигались фонари, тепло освещались окна магазинов, чернели фигуры идущих по тротуарам; вечер синел, как синька; в городе становилось сладко, уютно...* (И. Б.).

Дифференциальные признаки БСП **неоднородного состава**: 1) закрытость структуры; 2) разнотипность частей в семантическом плане; 3) возможность различного грамматического оформления предикативных частей (различия временных или модальных планов, наличие разнофункциональных предикативных частей): *Знай одно¹: твой взгляд широк от жара²* (М. Ц.); 4) использование различных типов интонаций.

Показатели неоднородности состава бессоюзного сложного предложения – невозможность общей предикативной части или второстепенного

члена, синонимия с некоторыми типами СПП, использование в составе одной из частей местоименных слов.

Отношения между предикативными частями в БСП неоднородного состава значительно разнообразнее. Это отношения причины, следствия, времени, условия и др., которые могут взаимодействовать, наслаиваться, приводя к синкретизму. Поэтому в последнее время продуктивным для анализа БСП неоднородного состава является разграничение предложений с дифференцированными и недифференцированными отношениями. Так, проф. Е. Н. Ширяев определяет дифференцированными такие смысловые отношения, которым при обозначении соответствует один термин. Такие БСП ничем не отличаются от соответствующих им союзных сложных предложений: *Я понял¹, что это единственный выход². – Я понял¹: это единственный выход²*. Недифференцированные смысловые отношения между предикативными частями БСП требуют для их обозначения двух или более наименований. Например, между частями предложения *Начался дождь¹ – мы пошли домой²* наблюдаются отношения следствия, причины и времени. Однако в контексте реализуется только одно из значений недифференцированных отношений.

БСП однородного состава имеют значение перечисления одновременности или последовательности: *Пели яблочки¹, желтела нежно и весело опушившаяся акация², сладко и больно умилила душу запах земли, молодой травы³* (И. Б.); *За это время растает снег¹, умчатся воды², зазеленеет и покроется первыми, самыми нам дорогими цветами земля³ ...* (М. П.).

Предложения неоднородного состава подразделяются на две группы: предложения с дифференцированными отношениями и предложения с недифференцированными отношениями.

К предложениям с дифференцированными отношениями относятся:

1) изъяснительно-объектные предложения, имеющие две разновидности:

а) предложения с опорным изъясняемым словом в первой части, которые синонимичны СПП с аналогичным значением: *Я понял¹: она не любит яйца всмятку* (В. Д.) // *Я понял¹, что она не любит яйца всмятку*;

б) предложения с опосредованными изъяснительными отношениями: для них характерен эллипсис слова со значением восприятия, но в первой части употребляется глагол, указывающий на действие, связанное с процессом восприятия; вторая же часть называет объект восприятия: *Володя взглянул в открытую дверь¹: это был не просто плацкартный вагон, а ку-*

пированный (В.П.) // Володя **взглянул** в открытую дверь и увидел¹, что это был не просто плацкартный вагон, а купированный;

2) предложения с причинными отношениями: Самой реки не было видно¹: она спряталась за рощей² (А. П.) // ... потому что она спряталась...;

3) предложения с пояснительными отношениями: Но уже очень скоро меня стало разбирать любопытство¹: а какой из себя этот самый Белогорск?² (А. А.);

4) предложения с сопоставительными отношениями: Собака лает – караван идет² (пословица) // Собака лает, а караван идет;

5) предложения со сравнительными отношениями: В сумерки мимо нее проходит поезд¹ – бежит цепь огненных глаз² (И. Б.) // ... словно бежит цепь огненных глаз.

К бессоюзным сложным предложениям с недифференцированными отношениями относятся:

1) предложения с условно-временными отношениями: Не хватит света¹ – факел сердца выну² (М.Д.) // Если (когда)...

2) предложения с причинно-следственными отношениями: У меня вышел этюд¹ – счастливее меня нет никого на свете² (И.С.) // ..., поэтому ...; Счастливее меня нет никого на свете, т.к. у меня вышел этюд;

3) предложения с противительно-уступительными отношениями: На дворе палил летний зной¹ – в доме было прохладно² (И. Б.) // ..., а в доме ...; Хотя на дворе палил летний зной, но в доме было прохладно;

4) предложения с условно-следственными отношениями: Останусь жив¹ – в Петербург поеду² (А. Н.-П.) // Если..., то ...;

5) предложения с присоединительно-распространительными отношениями: Замок упирался в городскую стену¹, за ней слева никаких строений не было² // Замок упирался в городскую стену, причем... (Л. М.).

БСП, так же, как и союзные сложные предложения, строятся по свободным и несвободным моделям с фразеологизированной структурой. К БСП фразеологизированной структуры относятся:

1) тавтологические предложения, построенные по модели: императив + не + императив. В таких предложениях, как и в синонимичных им сложносочиненных предложениях, выражаются противительно-уступительные отношения: Плачь не плачь¹ – горю не поможешь². – Плачь не плачь¹, но горю не поможешь²; Хотя ты и будешь плакать, но горю не поможешь;

2) предложения, построенные по модели: императив в значении со- слаг. накл. – форма со- слаг. накл. Эти конструкции синонимичны сложно-

подчиненным предложениям с условно-следственными отношениями: *Щепотки волосков лиса не пожалей¹, остался б хвост у ней²* (И. К.); *Вернись он вовремя¹, все было бы в порядке²; Остаься он дома¹, ничего бы не случилось²*. (Ср.: *Если бы он остался дома¹, ничего бы не случилось²*.) Такие БСП употребляются исключительно в разговорной речи и в соответствующих разговорной речи жанрах – пословицах, баснях.

Коммуникативная структура БСП, так же как и структура союзных сложных предложений, зависит от степени семантической самостоятельности предикативных частей. В БСП однородного типа каждая из предикативных частей может иметь собственное актуальное членение на тему и рему, особенно если они распространены и осложнены, например:

темарема

Как-то раз Владимир Красное Солнышко / рассердился за смелые слова на

темарема

Илью Муромца; приказал он / взять его, отвести в глубокие погреба и там запретить и землей засыпать (В. Гар.).

А в БСП неоднородного состава актуальное членение иерархично и может носить бинарный характер в пределах всего предложения, например:

темарематемарема

Знаю: // все будет хорошо; Пришел // – можешь работать;
темарема

Работа такая: // отдохнуть некогда.

Разнообразна и функциональная организация БСП. Различают однофункциональные и разнофункциональные предикативные части БСП. Например: однофункциональные типы БСП, в которых все предикативные части выполняют одну и ту же функцию: 1) повествовательное: *Я выглянул из кибицки¹: всё было мрак и вихорь²* (А. П.); 2) побудительное: *Бери шинель¹ – пошли домой²* (Б. О.); 3) вопросительное предложение: *Что будет завтра¹, что ждет всех нас²?*

Среди разнофункциональных БСП различают две разновидности:

1) повествовательно-вопросительное: *И я мучительно гадал¹: кто же феникс², кто солнце³, кто императрица⁴, чье имя останется в веках⁵?* (В. К.);

2) побудительно-повествовательное: *Чистое сердце в дорогу готовь¹, древняя мудрость сгодится и вновь²* (Б. О.).

Разнофункциональность предикативных частей характерна только для таких БСП, предикативные части которых не имеют жесткой односторонней зависимости. В БСП неоднородного состава, синонимичных СПП, функциональный тип может определяться по характеру той части, от которой направлен вектор зависимости. Так, предложение *Навалится беда¹, терни²* может быть в целом интерпретировано как побудительное, так как основная целеустановка говорящего – выражение побуждения.

Сферой распространения союзных сложных предложений является письменный литературный язык. Бессоюзные же сложные предложения употребляются по преимуществу в разговорной речи и в языке художественной литературы, в частности в языке разговорных жанров (драма, публицистика, речь героев, стихотворные произведения). Например: *Шел в комнату – попал в другую* (А. Г.), *Сыр выпал – с ним была плутовка такова* (И. К.), *Дождь был / до нитки промокли* (из устной разговорной речи).

В устном рассказе бессоюзие держится на интонации, логическом выделении частей. Отношения между ними легко устанавливаются из общего содержания. Такие предложения помогают передать и особенности речевой манеры. Вот, например, как говорит бабушка из повести «Детство» А. М. Горького: *А я дома сижу, учусь кружева плести, тороплюсь – учусь, хочется скорее помочь мамушке-то; бывало, не удастся чего, – слезы лью. В два года с маленьким, гляди-ка ты, научилась делу, да и в славу по городу вошла: чуть кому хорошая работа нужна, сейчас к нам: ну-ка, Акула, встряхни коклюшки! А я и рада, мне праздник!* (М. Г.).

Бессоюзие характерно для многих стихотворных текстов описательного типа. БСП с последовательным подчинением, которое выражается интонацией перечисления, создают целостное представление об окружающем, постепенно создавая определенное настроение. Ср.:

Утихает светлый ветер,

Наступает серый вечер,

Ворон канул на сосну,

Тронул сонную струну.

...Вечер близок,

Быстрый лет касаток низок,

Надвигается гроза,

Ночь глядит в твои глаза. (А. Б.)

Ключевые слова: бессоюзие, лексические и грамматические средства связи, интонация, бессоюзное сложное предложение однородного и

неоднородного состава, БСП открытой и закрытой структуры, двучленное и многочленное БСП.

Схема

1. Общая характеристика текста (функционально-смысловой тип речи, стиль, жанр, коммуникативная задача автора).

2. Анализируемое предложение в тексте: информативная и структурно-композиционная роль в реализации коммуникативной задачи автора (соотнесенность с тема-рематической структурой текста, роль в выражении связности текста).

3. Тип предложения по цели высказывания: однофункциональное (повествовательное, вопросительное или побудительное) или разнофункциональное (повествовательно-вопросительное, побудительно-повествовательное и др.).

4. Тип предложения по эмоциональной окраске (восклицательное, невосклицательное).

5. Подчеркнуть грамматические основы предикативных частей, определить их количество, пронумеровать и сделать вывод о типе предложения по наличию количества грамматических основ.

6. Установить средства связи предикативных частей и определить тип сложного предложения.

7. Тип грамматических отношений между предикативными частями.

8. Соотносительность данного предложения с другими типами сложных предложений.

9. Лексические, грамматические и другие средства выражения грамматических отношений между предикативными частями.

10. Тип предложения по структуре: однородного или неоднородного состава; многочленной или двучленной, открытой или закрытой структуры.

11. Случаи синкретизма грамматических отношений.

12. Схема предложения.

13. Пунктуационный анализ.

Образец

*Полная красота всякой местности состоит именно в соединении воды с лесом. **Природа так и поступает: реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом и кустами.** Леса – хранители вод: деревья закрывают землю от палящих лучей летнего солнца, от иссушительных ветров.*

Все породы деревьев смолистых, как-то: сосна, ель, пихта и пр. – называются красным лесом, или краснолесьем. Все остальные породы деревьев, теряющие свои листья осенью и возобновляющие их весной, как-то: дуб, вяз, осокорь, липа, береза, осина, ольха и другие – называются черным лесом, или чернолесьем. К нему принадлежат ягодные деревья: черемуха и рябина. К чернолесью же надобно причислять все породы кустов, которые также теряют зимой свои листья: калину, орешник, жимолость, волчье лыко, шиповник, чернотал, обыкновенный тальник и пр.

Трав и цветов мало в большом лесу: густая постоянная тень не благоприятна растительности (По С. А.).

Природа так и поступает¹: реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом и кустами².

Перед нами фрагмент текста-рассуждения с элементами описания, в котором говорится о том, что местность тогда исчерпывающе красива, когда в ней есть и вода, и лес. Текст относится к стилю художественной литературы, его жанровая разновидность – художественный очерк. Коммуникативная задача автора – доказать, что полная красота всякой местности состоит именно в соединении воды с лесом.

В данном тексте анализируемое предложение *Природа так и поступает: реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом и кустами* уточняет значение ремы (тема – *полная красота местности*, рема – *соединение воды с лесом*), формулируя закон природы: *реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом и кустами*.

Данное предложение по цели высказывания однофункциональное, повествовательное, т. к. обе части содержат сообщение, а по эмоциональной окраске – невосклицательное, т. к. сообщаемая информация носит объективный характер и не окрашена восклицательной интонацией.

Оно состоит из двух предикативных частей: первая часть – *Природа так и поступает* с грамматической основой *природа поступает*, вторая часть – *реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом и кустами* с грамматической основой *реки, речки, ручьи и озера обрастают*. Следовательно, это сложное двучленное предложение.

Основным средством связи между предикативными частями является бессоюзие, т. е. отсутствие союзов или союзных слов. Следовательно, это бессоюзное сложное предложение (БСП).

Между предикативными частями анализируемого БСП – пояснительные отношения, т. к. между ними можно вставить пояснительный союз

а именно: Природа так и поступает¹ (а именно): реки, речки, ручьи и озера почти всегда обрастают лесом и кустами². Данное БСП не имеет синонимов с союзными сложными предложениями.

Средствами выражения грамматических отношений являются *катафорическое местоименное слово так* в первой части, наполняемое содержанием последующей предикативной части; одинаковая *видовременная грамматическая форма глагольных слов-сказуемых* со значением несовершенного вида и настоящего исторического времени; *предупредительная интонация* (это интонация завершенности при произнесении первой части, для которой характерны понижение голоса на ней и пауза между частями, предупреждающая о продолжении высказывания).

Анализируемое БСП неоднородного состава, имеет двучленную закрытую структуру, допускающую союз *а именно* перед второй предикативной частью, что препятствует продолжению предложения и подтверждает закрытый характер его структуры.

Синкретизм грамматических отношений отсутствует.

Линейная схема данного предложения такова: [– =]: [–, –, – и – =].

В конце предложения ставится точка, т. к. предложение повествовательное и невосклицательное; после первой предикативной части ставится двоеточие, т. к. это БСП с пояснительными отношениями. Во второй предикативной части между однородными подлежащими при бессоюзной связи ставятся запятые.

3.5. Высказывание как многочленное сложное предложение

Лингвометодический комментарий

Многочленные сложные предложения с разными видами связи являются предложениями контаминированной структуры [Современный 1997]. В них предикативные части могут объединяться на основе комбинации разных типов связи, образуя следующие типы: а) многочленные сложные предложения с сочинением как ведущей связью и подчинением; б) многочленные сложные предложения с сочинением как ведущей связью и бессоюзной связью; в) многочленные сложные предложения с бессоюзной связью как ведущей и подчинением; 4) многочленные сложные предложения с бессоюзной связью как ведущей и сочинением; 5) многочленные сложные предложения с сочинением, подчинением и бессоюзной связью.

В структуре многочленного сложного предложения его предикативные части объединяются в **блоки** (более крупные компоненты целого). Предложения, имеющие такие блоки, предлагается называть предложениями **сгруппированной структуры** [Современный 1997, с. 479]. В них предложениях устанавливается определенная грамматико-семантическая иерархия блоков, обуславливающая специфическую технологию синтаксического разбора многочленных конструкций с разными видами связи, – **уровневый анализ**. Уровни членения предлагается обозначать римскими цифрами, минимальные предикативные единицы в составе целого – арабскими цифрами. На I-м уровне, в месте самой слабой связи, проходит так называемое **основное членение**. На II-м уровне составные компоненты предложения выделяются в блоках I-го уровня. Членение продолжается до выявления минимальных предикативных частей (ПЧ).

При разборе синтаксические связи и отношения выявляются и между блоками, и между минимальными ПЧ.

Ключевые слова: многочленное сложное предложение с разными видами связи (ССК), уровни членения ССК, блоки и компоненты структуры ССК, бессоюзие, лексические и грамматические средства связи, интонация, бессоюзное сложное предложение однородного и неоднородного состава, БСП открытой и закрытой структуры, двучленное и многочленное БСП.

Схема

1. Высказывание в тексте.
2. Характеристика высказывания по коммуникативным качествам:
 - 2.1. Тип по цели высказывания: однофункциональное (повествовательное, вопросительное или побудительное) или разнофункциональное (повествовательно-вопросительное, побудительно-повествовательное и др.).
 - 2.2. Информативная и структурно-композиционная роль в реализации коммуникативной задачи автора (соотнесенность с тема-рематической структурой текста, роль в выражении связности текста).
 - 2.3. Тип по модальности.
 - 2.4. Тип по эмоциональной окраске (восклицательное, невосклицательное).
3. Структурно-семантическая характеристика высказывания:
 - 3.1. Тип высказывания как синтаксической единицы (предложение, сегментированная конструкция, прерванное предложение, именительный темы и др.).

- 3.2. Грамматические основы предикативных частей, их количество.
- 3.3. Тип предложения по количеству грамматических основ.
- 3.4. Характер связи предикативных частей.
- 3.5. Подтип многочленного сложного предложения с разными видами связи.
- 3.6. Уровни членения предложения.
- 3.7. Анализ I уровня членения:
 - 3.7.1. Характер структуры.
 - 3.7.2. Средства связи компонентов.
 - 3.7.3. Отношения между компонентами.
- 3.8. Анализ II, III (и т. д.) уровней членения:
 - 3.8.1. Характер структуры компонентов.
 - 3.8.2. Средства связи в них.
- 3.9. Схемы многочленного сложного предложения:
 - 3.9.1. Уровневая (вертикальная) схема.
 - 3.9.2. Линейная схема.
4. Пунктуационный анализ многочленного сложного предложения.

Образцы

Анна Сергеевна была довольно странное существо. Не имея никаких предрассудков, не имея даже никаких сильных верований, она ни перед чем не отступала и никуда не шла. Она многое ясно видела, многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло ее вполне; да она едва ли и желала полного удовлетворения. Ее ум был пытлив и равнодушен в одно и то же время: ее сомнения не утихали никогда до забывчивости и никогда не достигали до тревоги. Не будь она богата и независима, она, быть может, бросилась бы в битву, узнала бы страсть... Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчас, и она продолжала провожать день за днем, не спеша и лишь изредка волнуясь. Радужные краски загорались иногда и у ней перед глазами, но она отдыхала, когда они угасали, и не жалела о них. Воображение ее уносилось даже за пределы того, что по законам обыкновенной морали считается дозволенным; но тогда кровь ее по-прежнему тихо катилась в ее обаятельно стройном и спокойном теле. Бывало, выйдя из благовонной ванны, вся теплая и разнеженная, она замечается о ничтожности жизни, об ее горе, труде и зле... Душа ее наполнится внезапною смелостию, закипит благородным стремлением; но сквозной ветер подует из полузакрытого окна, и Анна Сергеевна вся сожмется, и жалуеться, и почти сердится, и только одно ей нужно в это мгновение: чтобы не дул на нее этот гадкий ветер (И. Т.).

Данный текст относится к стилю художественной литературы, чем мотивированы особенности его семантической структуры (образно-эстетический смысл) и способы ее моделирования.

1. ... Она многое ясно видела, многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло ее вполне; да она едва ли и желала полного удовлетворения.

Анализируемое многочленное сложное предложение является частью ССЦ и содержит сообщение по микротеме *Какой была Анна Сергеевна*; выражая отношения между несколькими событиями, решает когнитивно-информационную задачу, по цели высказывания является однофункциональным **повествовательным**.

Данный фрагмент в качестве ремы имеет умозаключение, сформулированное как тезис текста-рассуждения в первом предложении: *Анна Сергеевна была довольно странное существо*. Все последующие высказывания, в том числе и разбираемое, служат доказательством выдвинутого тезиса, расширяя, таким образом, рему фрагмента. Анализируемое высказывание участвует в структурировании качественной рематической доминанты текста, так как называет характеризующие персонаж признаки; средствами актуализации ремы выступают лексемы одного семантического поля (наименования психических процессов как особенностей характеризуемого объекта: *видела, не занимало, не удовлетворяло, желала*), частица *не*, особая роль которой подчеркнута ее необычайной частотностью в данном ССЦ, уступительно-противительные отношения (между двумя первыми и третьей предикативными единицами), моделирующие семантику парадоксальности как средство актуализации ремы.

Текстообразующая роль предложения заключается в структурировании зацепления как основного способа действия механизмов цепной связи в данном ССЦ, предложения в микротексте как бы цепляются одно за другое, последующее подхватывается предыдущим, и тем самым осуществляется тема-рематическое движение. Признаками тесной связи данной ССК с текстом являются следственно-причинные отношения между первым предложением (умозаключением) и анализируемым (суждением); анафорические местоимения, которые не имеют номинативной функции, конкретного лексического значения и поэтому «заставляют» языковое сознание «возвращаться» к предыдущим фрагментам для восстановления в памяти объекта описания (*она – Анна Сергеевна*); лексико-грамматические повторы (*многое, не*), такие же видовременные формы глаголов-сказуемых, как и в других высказываниях в данном ССЦ.

Предложение имеет реальную модальность, так как в нем сообщается о реальных отношениях между реальными событиями; утвердительные (1, 2), отрицательная (3), а также утвердительная по форме, но отрицательная по смыслу (4), предикативные части участвуют в структурировании семантики противопоставления. Субъективная модальность совпадает с объективной.

Автор не вмешивается в повествование, не оценивает события, поэтому данная ССК произносится с эмоционально не окрашенной повествовательной интонацией; однако в предложении дважды реализуется интонационная конструкция ИК-2, которая является средством смыслового противопоставления и характеризуется довольно высоким уровнем тона и отчетливым усилением словесного ударения на гласном центра: *мн [o] гое*; после 2-й ПЧ – интонация противопоставления, которой наряду с большой паузой свойственно резкое понижение тона в сопоставляемой части; 3-я и 4-я ПЧ реализуют ИК-1 с тоновыми центрами на логически выделяемых словах (ремах) – *не удовлетво[r'a]ло, едв[a] ли жел[а]ла* и понижением тона в постцентральной части. Специфика интонирования данной ССК заключается в том, что сразу две ПЧ реализуют ИК-1, выражающую собственно завершенность; это объясняется тем, что между I-м блоком (1, 2 и 3 ПЧ) и 4-й ПЧ устанавливаются присоединительные отношения, и отрезки, связанные такими отношениями, интонируются как самостоятельные высказывания.

Анализируемое предложение имеет структурно-семантические признаки, которые позволяют адресанту реализовать свои коммуникативные намерения.

Это многочленное сложное предложение, так как состоит из 4-х предикативных единиц; относится к многочленным сложным предложениям с разными видами связи, потому что предикативные части связываются между собой разными видами связи – союзной, сочинительной, и бессоюзной.

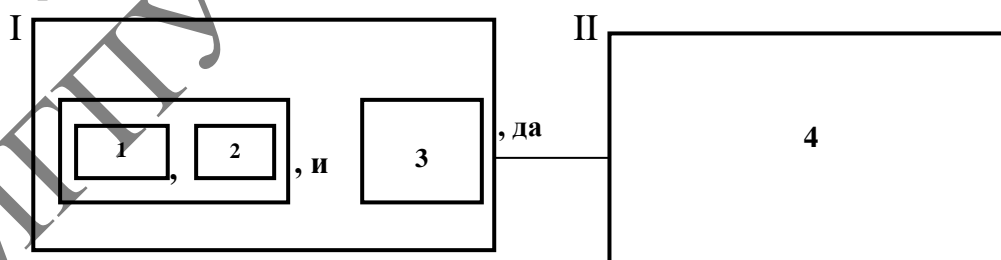
Данная ССК является конструкцией сгруппированной структуры, так как имеет два уровня членения, на первом уровне – в месте наиболее слабой связи – проходит основное членение ССК на 2 блока: две первые части образуют с третьей I-й блок, а II-й блок представлен минимальной ПЧ, между I-м и II-м блоками устанавливаются присоединительные отношения, так как 4-я ПЧ содержит информация добавочного характера и присоединяется к I-му блоку типизированным присоединительным союзом *да*.

В ССК есть и второй уровень членения, так как I-й блок в свою очередь представляет собой ССК сгруппированной структуры, потому что со-

стоит из двух блоков: в первом из них 1 и 2 ПЧ связаны между собой бессоюзной связью, выраженной перечислительной интонацией и перечислительно-распространительными смысловыми отношениями – это БСП однородного состава, а второй представляет собой минимальную ПЧ, присоединяемую к первому блоку сочинительным союзом *и* в значении *но*, а также лексическими средствами – словами *многое* и *ничто*, находящимися в антонимических отношениях; между названными блоками устанавливаются противительные-уступительные отношения, которые отчетливо выявляет возможная трансформация этой части предложения: *Она многое ясно видела, многое ее занимало, и ничто не удовлетворяло ее вполне* – исходная конструкция; *Хотя она многое ясно видела, многое ее занимало, но ничто не удовлетворяло ее вполне* – трансформационный вариант.

Исходя из смыслового, грамматического и интонационного принципов русской пунктуации, в конце предложения необходимо поставить точку, т. к. это предложение является по смыслу завершенным высказыванием, по целеустановке – однофункциональным повествовательным, по интонации – невосклицательным; те же принципы, а также пунктуационные правила диктуют постановку запятой между 1-й и 2-й предикативными частями, связанными бессоюзной связью, между 2-й и 3-й предикативными частями, связанными сочинительным союзом *и*. Между I-м и II-м блоками ставится точка с запятой, так как они являются автосемантическими, 1-й блок содержит свои знаки, 2-й включает в себе дополнительную информацию присоединительного характера, облеченную в конструкцию, грамматическая связь которой с предыдущей частью ослаблена.

Уровневая схема ССК:



Линейная схема ССК:

{ [...], [...] }, и [...] }, да [...] .

2. ... *Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчас, и она продолжала провозжать день за днем, не спеша и лишь изредка волнуясь.*

Это сложное многочленное предложение, так как состоит из 3-х предикативных частей, содержит сообщение по указанной выше теме ССЦ; выражая отношения между несколькими событиями, решает когнитивно-информационную задачу, поэтому по цели высказывания является повествовательным.

Текстообразующая функция и роль в тексте такие же, как и у проанализированной выше ССК. Связь с текстом осуществляется следственно-причинными отношениями между первым предложением (умозаключением) и анализируемым (суждением); анафорическими местоименными формами *она, ей*; такими же видовременными формами глаголов-сказуемых, как и в других высказываниях в данном ССЦ.

По отношению к актуальному членению данная сложная синтаксическая конструкция расширяет рему ССЦ, участвует в структурировании качественной рематической доминанты, так как называет признаки, характеризующие Анну Сергеевну и образ ее жизни. Средствами актуализации ремы выступают лексемы соответствующего семантического поля: *жило-лось легко, скучала, не спеша, лишь изредка волнуясь*, уступительно-противительные (между 1-й и 2-й ПЧ) и причинно-следственные (между I-м блоком и 3-й ПЧ) отношения, моделирующие семантику парадоксальности как средство актуализации ремы.

Предложение имеет реальную модальность, так как в нем сообщается о реальных отношениях между реальными событиями; утвердительное с частным отрицанием в 3-й ПЧ; субъективная модальность совпадает с объективной.

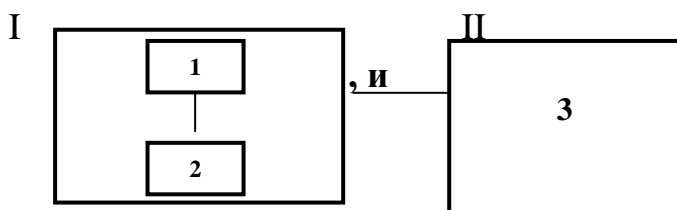
Данная ССК произносится с эмоционально не окрашенной повествовательной интонацией; однако в предложении дважды реализуется интонационная конструкция ИК-2, которая характеризуется довольно высоким уровнем тона и отчетливым усилением словесного ударения на гласных словоформ-акцентоносителей (рем) *легк[о], скуч[а]ла*; ИК-2 является средством выражения противительно-уступительных отношений, моделирующих семантику несоответствия как важнейшую часть ремы текста; после 2-й ПЧ – интонация противопоставления, которой кроме большой паузы свойственно резкое понижение тона в сопоставляемой части; 3-я ПЧ реализует ИК-1 с тоновыми центрами на логически выделяемых словах (ремах) – *продолж[а]ла, изредк[а]* и понижением тона в постцентральной части.

Анализируемое предложение имеет структурно-семантические признаки, которые позволяют адресанту реализовать свои коммуникативные намерения. Это сложное предложение, так как состоит из 3-х предикативных единиц; относится многочленным сложным предложениям контаминированной структуры, так как предикативные части связываются между собой разными видами связи – подчинительной и сочинительной; является предложением сгруппированной структуры, так как имеет два уровня членения, на первом уровне – в месте наиболее слабой связи – проходит основное членение ССК на 2 блока: две первые части образуют I-й блок, а II-й блок представлен минимальной ПЧ, между I-м и II-м блоками устанавливаются причинно-следственные отношения: II-й блок присоединяется к I-му соединительным союзом **и** в значении *поэтому*, ср. с возможным трансформационным вариантом: ... **Но ей жилось легко, хотя она и скучала подчас, поэтому она продолжала провожать день за днем, не спеша и лишь изредка волнуясь.**

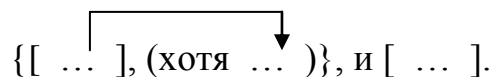
В ССК есть и второй уровень членения, так как I-й блок представляет собой сложное сложноподчиненное предложение, состоящее из 2-х ПЧ: 1-я, грамматически независимая часть, является главной, 2-я – придаточная, т. к. грамматически зависит от главной и содержит формальный показатель зависимости – подчинительный союз *хотя*; между 1-й и 2-й ПЧ противительно-уступительные отношения, т. к. событие, о котором говорится в 1-й, главной, части совершается вопреки тому, о чем сообщается во 2-й, придаточной, части, придаточная присоединяется к главной типизированным уступительным союзом *хотя*, вспомогательными средствами связи выступают лексемы, находящиеся в отношениях смыслового противопоставления – *жилось легко – скучала*.

Исходя из смыслового, грамматического и интонационного принципов русской пунктуации, в конце предложения необходимо поставить точку, т. к. это предложение является по смыслу завершенным высказыванием, по целеустановке – однофункциональным повествовательным, по интонации – невосклицательным; те же принципы, а также пунктуационные правила диктуют постановку запятой между 1-й, главной, и 2-й, придаточной, предикативными частями, связанными подчинительной связью – подчинительным союзом *хотя*, а также между I-м и II-м блоками, связанными сочинительным союзом **и**. II-й блок представляет собой ПП, осложненное обстоятельством образа действия, выраженным деепричастным оборотом, которое выделяется запятыми, однако вторая запятая поглощается точкой.

Уровневая схема ССК:



Линейная схема ССК:



3.6. Высказывание как сложное синтаксическое целое

Лингвометодический комментарий

При разборе ССЦ появляется необходимость оперировать не только категориями предложения (такими, например, как средства грамматической связности), но и новыми – текстовыми – категориями (микротема, лексико-семантическая связность, целостность, функционально-смысловой тип речи, композиция). В силу этих причин языковой анализ ССЦ рассматривается как переходный от анализа предложения к анализу текста как связного целого. В соответствии с этим первое, что нужно учесть при разборе ССЦ, – это необходимость отличать ССЦ от многочленных сложных предложений, с одной стороны, и парцеллированных конструкций – с другой, на что указывают авторы вузовского учебника «Современный русский язык. Синтаксис» под редакцией Е. И. Дибровой [Современный 2002, с. 567]. Следует отметить, что характер их сходств/различий с ССЦ принципиально разный. МСП более близки к ССЦ в содержательном плане (МСП можно разделить на несколько предложений, которые образуют ССЦ), но чётко отличаются в формальном, поскольку всё же представляют собой одну конструкцию с одним знаком препинания, характерным для конца предложения. Парцеллированный контекст гораздо легче принять за ССЦ, так как формально и то, и другое – группа контактно расположенных предложений, разделённых знаками конца предложения. Однако, только внешне напоминая текст, парцелляция представляет собой «разделение одного высказывания на ряд интонационно обособленных отрезков»

[Современный 2002, с. 567], которые таким образом получают дополнительную акцентировку согласно прагматическим установкам говорящего (пишущего). Ср.: *В один прекрасный день муж поднимается по лестнице, чтоб проследовать в свою квартиру после трудового дня. И вдруг видит: идёт по той же лестнице молоденькая особа. Очень миленькая. Довольно нарядная. С цветком на груди* (М. З.).

В полную процедуру анализа ССЦ целесообразно включать выделение данной единицы из текста. Этот этап можно считать факультативным, ССЦ может быть предложено для разбора и в изолированном виде, при этом основные задачи его анализа как особой синтаксической единицы могут быть в целом решены. Однако полный вариант – с вычлениением ССЦ из текста – обеспечивает более наглядное решение ряда задач анализа, предоставляя возможность четче обосновать выделение границ ССЦ, выявить сигналы начала и концовки ССЦ, доказательно обосновать возможное несовпадение границ абзацев и ССЦ, выявить средства обеспечения ретроспективных и перспективных связей ССЦ с текстовым окружением.

Таким образом, при выборе полного варианта целесообразно прибегнуть к анализу ССЦ, выделенного из предложенного текста (отрывка) в качестве интерпозитивного фрагмента.

Трудности при разборе ССЦ могут быть связаны с определением способа связности, ведущего типа связи, характеристикой темарематического развёртывания.

Выделяют три основных способа связности: а) зацепление – употребление слов, отсылающих к предшествующему или – реже – к последующему тексту; обычно это неполнозначные слова (местоимения, местоименные наречия), содержание которых раскрывается в соседних предложениях; б) повтор – наличие в предложениях, составляющих ССЦ, одних и тех же (или тематически близких) слов и выражений; в) следование – такая связь между предложениями ССЦ, когда последующее служит своеобразным выводом из содержания предыдущего (предыдущих) [Современный 2002, с. 553]. При определении ведущего способа связности следует учитывать и частую возможность совмещения разных способов в пределах одного ССЦ (см. образец разбора).

Ведущий тип связи предложений в ССЦ (параллельная, цепная, смешанная) определяется с опорой на его грамматические признаки (так, зацепление более характерно для цепной связи, повтор – как для цепной, так и для параллельной) и на содержание всего ССЦ (сюжетность, динамика действия скорее всего будут переданы в ССЦ с последовательной связью

предложений, а описательности, статического характера изображения следует по преимуществу ожидать в ССЦ с параллельной связью предложений). В ССЦ достаточно большого объёма с высокой долей вероятности можно ожидать смешанной связи, т.е. и цепной, и параллельной.

Тема-рема-тематическое членение ССЦ может обнаруживать следующие варианты:

1) $\{T_1 - P_1\}$. $\{T_2 (= P_1) - P_2\}$. – прямое последовательное развитие, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего, что характерно для ССЦ с цепной связью: *Через час / мы вошли в лес. Там / было очень свежо и тихо;*

2) $\{T_1 - P_1\}$. $\{T_2 - P_2\}$. – развитие путём смены и тематической, и рема-тематической частей высказываний характерно для ССЦ с параллельной связью: *Весна наконец окончательно победила. По реке пошёл ещё недавно крепкий лёд;*

3) $\{T_1 - P_1\}$. $\{T_1 - P_2\}$. – развитие путём смены рема-тематического содержания при постоянстве темы в разных предложениях, что более характерно для параллельной связи: *Я уже не думал о прошлом. Меня занимало сейчас совсем другое;*

4) $\{T_1 - P_1\}$. $\{T_2 - P_1\}$. – вариант развития ССЦ, обратный предыдущему, когда при смене тем в предложениях остаётся одна рема: *Непосредственные участники происшествия оставались на месте. Очевидцы также не спешили куда расходиться.*

Выявление тема-рема-тематической связности предложений ССЦ позволяет увидеть, как развёртывается его микротема – через смену предметов речи, либо через раскрытие этого предмета в его разнообразных признаках, качествах и т. п. При анализе следует отмечать и случаи комбинирования данных вариантов (см. образец разбора).

К выводу о функционально-смысловом типе речи, проявляющемся в данном ССЦ, подводят данные п. 4–6. Так, динамика развивающегося события в плане содержания, цепная связь и прямая последовательность тема-рема-тематического развития в плане выражения характерны для повествования; статичность, параллельная связь – для описания и т. д.

Специфика анализа сложного синтаксического целого как особой языковой единицы обусловлена и тем, что ССЦ «открывает себя» не только синтаксическому анализу (в отличие от словосочетания и предложения), но и элементам стилистического анализа, так как «многие средства связи самостоятельных предложений не только выполняют синтаксическую функцию (соединение предложений), но осложнены и другими задачами

(оценка, комментирование, авторское отношение к излагаемому и др.), имеющими стилистический характер» [Солганик 1991, с. 6]. Например, при характеристике средств обеспечения связности следует особо обращать внимание на случаи, когда они одновременно используются и как стилистические приёмы – анафора, градация и др. Ср.:

Слово всегда было путеводной звездой человечества. В слове сокрыта самая великая энергия, известная на земле, – энергия человеческого духа. Словом создавалась культура, словом ковалась вера, ковались идеалы, слово двигало народы в борьбе за равенство и братство, подымало на революции. И сегодня, в век неслыханной, небывалой спекуляции словом, лишь нам, писателям, дано вернуть слову его изначальную мощь и силу. (Ф. А.);

Известно, что человек строит себя сам. Но, боже мой, сколько строило людей меня! Сколько было учителей и учителей – неграмотных, малограмотных, профессоров, учёных, академиков, и своих, русских, и заграничных, в том числе финнов, которые вот сегодня здесь сидят на моём вечере и которым я очень рад. Все они влияли на меня. Все они меня делали... (Ф. А.)

Анализ ССЦ имеет в качестве важного этапа выявление соотносённости данной собственно синтаксической единицы с единицей стилистического порядка – абзацем, что также свидетельствует в пользу синкретичного характера анализа ССЦ – стилистико-синтаксического. Так, принято считать, что монотематичность – категориальная черта ССЦ как синтаксической единицы. Однако следует учитывать, что это не противоречит членению микротемы ССЦ на более мелкие тематические блоки (в соответствии с ними ССЦ может дополнительно члениться на абзацы). Такие блоки, если они выделяются, целесообразно назвать, но при этом показать, что это именно составные части одной микротемы, а не самостоятельные микротемы.

В подтверждение рассмотрим, почему выделенный жирным шрифтом фрагмент приведенного ниже текста следует квалифицировать как одно, а не несколько ССЦ.

Творческий процесс в самом своем течении приобретает новые качества, усложняется и обогащается.

Это похоже на весну в природе. Солнечная теплота неизменна. Но она растапливает снег, нагревает воздух, почву и деревья. Земля наполняется шумом, плеском, игрой капель и талых вод – тысячами признаков весны, тогда как, повторяю, солнечная теплота остается неизменной.

Так и в творчестве. Сознание остается неизменным в своей сущности, но вызывает во время работы вихри, потоки, каскады новых мыслей и образов, ощущений и слов. Поэтому иногда человек сам удивляется тому, что написал.

Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям нового, значительного и интересного, тот человек, который видит многое, чего остальные не замечают. (К. П.)

Данное ССЦ (выделено жирным шрифтом) расчленено на три абзаца в соответствии с членением микротемы на более мелкие тематические части. Это особый тип ССЦ, с характеризующейся микротемой, основанной на образном сравнении (образное ССЦ). Деление приведённого образного ССЦ на абзацы отражает развёртывание образной микротемы: в первом предложении/абзаце вводится микротема творчества, во втором – развивается образная часть микротемы («весна»), а третий абзац возвращает к предметной части микротемы («творчество»). Таким образом, перед нами не два ССЦ соответственно с микротемами «весна» и «творчество», а одно – с образной микротемой «творческий процесс сродни весне в природе». В подтверждение определения именно таких границ данного ССЦ приведено примыкающее к нему последующее предложение, в котором осуществлён очевидный переход к другой микротеме – «кто может быть писателем».

Итак, разбивка данного ССЦ на абзацы выполняет стилистическую функцию акцентирования частей образной микротемы, заданной сравнением творчества с весной.

При анализе подобных ССЦ следует, таким образом, указывать положенные в их основу средства создания образности (сравнения, метафоры и др.), что целесообразно делать на этапе выделения их ключевых элементов и формулировки микротем.

Кроме того, следует обратить внимание и на явление обратного порядка, когда несколько ССЦ включаются в один абзац и не всегда бывает легко заметить момент смены микротем, объединяющих те или иные группы предложений в более тесные структурно-смысловые единства. Ср.:

Степан-Городок – сейчас большое село среди дремучих лесов, мелких речушек, лесных ручьёв и болот. Может быть, когда-то, во времена нашествия татар или борьбы казацкой вольницы с польскими панами, оно было крепостью, опорным пунктом, центром, в котором люди оборонялись от врага. Теперь же, оставшись в стороне от железных и шоссейных дорог, оно стало обыкновенным полесским селом. Разве только улицы бы-

ли поровнее и расходились оно лучеобразно от центральной площади, да и на самой площади вросло в землю несколько древних каменных домов, торговых помещений; да поближе к центру деревянные ветхие дома со стеклянными верандами или мезонинами, с замысловатыми чердаками, похожими на галочки гнёзда, своей архитектурой указывали на далёкое прошлое села и на совсем крестьянское его происхождение. // Оторвавшись от своего хвоста, мы решили здесь дать людям и лошадям передышку. Вначале думали постоять сутки, а затем начальство с Большой земли, вероятно обрадованное тем, что мы всё же повернули на юг, предложило ещё подбросить груз. Стоянка была продлена на несколько дней (П. В.).

На завершающем этапе анализа ССЦ характеризуется его композиционная целостность, под которой понимается единство микротемы в её движении от обозначения в начальном предложении ССЦ к завершению в конечном. При этом следует отмечать специальные композиционные приёмы:

– введение микротемы ССЦ «именительным темы»:

Исповедальные письма. О всей прожитой жизни пишут. Восемьдесят тетрадей прислала 94-летняя старуха. Письма написаны малограмотно, но по ним видно, что женщина была предназначена для большой и, может быть, даже писательской жизни. Александр Твардовский очень ценил эти письма-исповеди. Например, письмо-рассказ Бирюкова. Таких писем-исповедей я получаю очень много. На них надо обратить внимание: для потомков материал неоценимый. (Ф. А.);

– использование в качестве вводных предложений ССЦ конструкций с актуализацией объекта речи, близких к «именительному темы», например:

О Таганке. Отношусь восторженно. Театр задора, молодости, напора. Постановка «Деревянных коней» – это счастье для меня. «Деревянные кони» – лучший спектакль на сцене за последние десять лет. Так говорили и работники театра. (Ф. А.);

Как рождается замысел?

Почти не бывает двух замыслов, которые бы возникали и развивались одинаково. Очевидно, ответ на вопрос, «как рождается замысел», надо искать не вообще, а в связи с каждым отдельным рассказом, романом или повестью. (К. П.);

– композиционная инверсия, т. е. актуализация микротемы в заключительной части ССЦ:

Гудок утихает медленно. Он словно спускается с высот – ниже, ниже, – припадает к земле, расплывается по ней, замирает где-то

в недрах глухой басовой нотой. Потекли, разлились по цехам людские потоки. Только охрана осталась в проходных... Смена началась. (В. П.)

– композиционное обрамление:

Замысел, так же как молния, возникает в сознании человека, насыщенном мыслями, чувствами и заметками памяти. Накапливается всё это исподволь, медленно, пока не доходит до той степени напряжения, которое требует неизбежного разряда. Тогда весь этот сжатый и ещё несколько хаотический мир рождает молнию – замысел. (К. П.)

Характеризуя композиционную целостность ССЦ, следует указать на её относительный характер – тесную связь раскрываемой в ССЦ микро-темы с микротемами предшествующих и последующих ССЦ.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, микротема, ключевое слово (предметное, предикатное), тема, рема, связность, средства обеспечения связности, способы обеспечения связности (зацепление, повтор, следование), виды связи (цепная, параллельная, смешанная), функционально-смысловой тип (повествование, рассуждение, описание), целостность (относительная), показатель целостности, тип ССЦ (динамический, статический, смешанный).

Схема

1. Общая характеристика текста (стиль, жанр, коммуникативная задача автора).
2. ССЦ в тексте, сигналы его начала и конца.
3. Микротема ССЦ, её обобщенная смысловая формулировка.
4. Соотношение ССЦ с абзацем.
5. Средства обеспечения связности в ССЦ:
 - а) лексико-семантические;
 - б) лексико-грамматические;
 - в) собственно грамматические.
6. Ведущий способ обеспечения связности (зацепление, повтор, следование).
7. Характеристика ведущего типа связи в ССЦ (цепная, параллельная, смешанная).
8. Тема-рематическая связь между предложениями ССЦ, её схематическая запись.
9. Функционально-смысловой тип речи, проявляющийся в данном ССЦ.

10. Средства обеспечения композиционной целостности (относительной целостности) ССЦ, ретроспективные / перспективные связи ССЦ с текстом.

Образец

В старое время, когда люди переезжали с квартиры на квартиру, для переноски вещей нанимали иногда арестантов из местной тюрьмы.

Мы, дети, всегда ждали появления этих арестантов со жгучим любопытством и жалостью.

Арестантов приводили усатые надзиратели с огромными револьверами «бульдогами» на поясах. Мы во все глаза смотрели на людей в серой арестантской одежде и серых круглых шапочках. Но почему-то с особенным уважением разглядывали мы тех арестантов, у которых были подвязаны ремешком к поясу звенящие, тонкие кандалы.

Все это было очень таинственно. Но самым удивительным казалось то обстоятельство, что почти все арестанты оказывались обыкновенными изможденными людьми и до того добродушными, что никак нельзя было поверить, что они злодеи и преступники. Наоборот, они были не то что вежливы, а просто деликатны и больше всего боялись кого-нибудь ушибить при переноске громоздкой мебели или что-нибудь поломать (К. П.).

Перед нами фрагмент текста, относящегося к стилю художественной литературы, для которого характерно воспроизведение действительности в форме словесно-художественных образов. Жанр художественного произведения, из которого взят данный отрывок, – повесть. Задача автора – показать интерес детей к арестантам и донести до читателя то впечатление, которое арестанты производили на детей.

В приведённом тексте можно выделить два ССЦ. Для анализа возьмём первое из них (выделено жирным шрифтом).

Сигналом начала данного ССЦ служит введение новой микротемы по сравнению с микротемой предшествующего предложения, в котором говорится о наёме арестантов для переноски вещей в старое время.

Следующее предложение нужно считать началом ССЦ по причине сообщения в нём новой информации – об ожидании детьми арестантов и интересе к ним у детей. Окончанием данного ССЦ следует считать последнее предложение этого абзаца, так как далее повествование переключается на самих арестантов.

Микротема, вводимая начальным предложением анализируемого ССЦ, объединяет все последующие предложения, входящие в него. Об этом свидетельствует повторяющийся ряд КС – предметных (*мы, дети; арестанты, люди в серой арестантской одежде*) и предикатных (*ждали, смотрели, разглядывали* и др.). Обобщив предметный и предикатный ряды КС, приходим к более точной смысловой формулировке микротемы: «интерес детей к арестантам» (или: «дети проявляют интерес к арестантам»).

Анализируемое ССЦ не совпадает своими границами с абзацем, включая два абзаца. В первом из них микротема вводится, во втором – развивается.

Связность данного ССЦ обеспечивается следующими средствами:

а) лексико-семантическими, среди которых отмечаются лексический повтор КС (см. выше), наличие в разных предложениях слов одной лексико-семантической группы (*смотрели, разглядывали; во все глаза, с любопытством*);

б) лексико-грамматическими, к которым в данном ССЦ можно отнести местоименные замены КС (*мы*);

в) собственно грамматическими, к которым в анализируемом ССЦ относятся единство видовременных форм глаголов-сказуемых (*ждали, приводили, смотрели, разглядывали*), параллелизм строения предложений (подлежащее предшествует сказуемому), союзы с текстообразующей функцией (*но*).

Ведущие способы обеспечения связности предложений внутри данного ССЦ – повтор тождественных лексических элементов, в частности КС *арестанты*, и зацепление – использование неполнозначных слов (*мы, этих*), текстообразующих союзов (*но*).

Между предложениями рассматриваемого ССЦ наблюдается и цепная, и параллельная связь. Цепная связь реализуется между 1-м, 2-м и 3-м предложениями: в них осуществляется последовательное развитие действия. Между 3-м и 4-м предложениями связь параллельная, поскольку 4-е предложение не развивает действие далее, а конкретизирует содержание 3-го предложения, как бы повторяя его «на новом витке».

Тема-рематическое развёртывание анализируемого ССЦ обнаруживает взаимодействие двух типов:

а) между первым и вторым предложениями наблюдается обычная последовательность развёртывания мысли, когда рема предшествующего высказывания становится темой последующего;

б) в третьем и четвертом предложениях наблюдается возврат к теме первого предложения («дети»), и развёртывание ССЦ идёт путём смены рем (т. е. путём введения новых сообщений о теме). Схематически это можно представить следующим образом (фигурными скобками обозначены границы предложений):

$\{T_1 - P_1\}$. $\{T_2 (= P_1) - P_2\}$. $\{T_3 (= T_1) - P_3\}$. $\{T_4 (= T_1) - P_4\}$.

Данное ССЦ по отношению к функциональным типам речи является повествованием, на что указывают признаки, отмеченные на предыдущих этапах анализа.

Целостность данного ССЦ заключается в последовательном развёртывании (введение – развитие) и завершённости раскрываемой микротемы. Относительный характер целостности проявляется в ретроспективных и перспективных связях данного ССЦ с окружающим контекстом (они соответственно проявляются в наличии зацепления *этих арестантов* в первом предложении и в неконечном характере анализируемого ССЦ в тексте, что предполагает продолжение элементов микротемы данного ССЦ в микротемах последующих текстовых фрагментов).

МГПУ им. И.П. Шамаякина

4. ПУНКТУАЦИОННЫЙ РАЗБОР ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Лингвометодический комментарий

Пунктуационный разбор является обязательным для анализа коммуникативных языковых единиц, употреблённых в письменной форме. Он опирается на умение производить синтаксический разбор различных типов предложений, на характеристику знаков препинания и на знание пунктограмм.

Основной единицей пунктуации как раздела языкознания практической направленности является пунктограмма. **Пунктограмма** – это такой знак препинания, который употребляется в письменной речи для оформления соответствующей синтаксической единицы или синтаксической конструкции. Например: тире между подлежащим и сказуемым, двоеточие в БСП, запятая при обособленных членах предложения и др. Пунктограммы, таким образом, соотносятся со знаками препинания, однако не совпадает с ними, поскольку одна пунктограмма может оформляться не одним, а несколькими знаками препинания, например: двоеточие, запятая (запятые) и тире при однородных членах предложения с обобщающим словом в интерпозиции. В это понятие включается также и отсутствие знака препинания в том или ином месте предложения, если это определено правилом. Например, отсутствие запятой в структуре ССП при наличии детерминанта, общей для всех предикативных частей, а также частицы или вводного слова. Например: *За рекой разноголоса пели девчата и слышалась веселая гармонь местного музыканта. Только печально шумело море и изредка доносились крики чаек.*

Таким образом, термины «пунктограмма» и «знак препинания» не тождественны: первый включает в себя наименование конкретной синтаксической единицы, оформленной соответствующим знаком препинания, второй лишь указывает на элемент графической системы русского языка. А это значит, что понятие «пунктограмма» носит обобщенный, интегрированный характер.

Пунктограмма может иметь варианты, поскольку для оформления одной синтаксической конструкции могут быть использованы разные, но однофункциональные знаки препинания. Например: приложение в постпозиции может отделяться от определяемого слова или запятыми, или тире (*За весной, красой природы, лето красное пройдет* и *За весной – красой природы – лето красное пройдет*), предикативные части в БСП могут отделяться и запятой, и точкой с запятой и т. п.

Современная русская пунктуация существует на трех принципах: семантическом (смысловом), грамматическом (структурном) и интонационном, среди которых ведущими являются два первых. Вот почему большинство ученых выделяют единый, но сложный по характеру **семантико-грамматический**, или **структурно-смысловой**, принцип пунктуации, несоблюдение которого приводит к грубым пунктуационным ошибкам. Интонационный принцип как самостоятельный вторичен, поэтому ошибки, обусловленные его действием, квалифицируются как негрубые, например: постановка тире при подлежащем, выраженном личным местоимением. Ср.: *Я человек и Я – человек!*

С действием интонационного принципа связаны такие понятия, как факультативная пунктуация и авторские знаки, которые используются индивидуально с целью реализации художественного замысла и передачи эмоционально-экспрессивного строя речи. В такой функции известно тире у М. Горького, А. Блока, М. Цветаевой и мн. др. Например: *Вот – свершилось! Весь мир одичал* (А. Б.).

В современной русской пунктуации традиционно выделяют 10 знаков препинания: точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобка, кавычки, запятая и тире как единый знак, отступ при абзаце.

Все знаки препинания *по функциям* делятся на три группы: 1) *отделяющие*, 2) *выделяющие* (выделительные) и 3) *соединяющие* (соединительные); по составу – на *одиночные* и *парные*; по особенностям употребления – на *неповторяющиеся*, *повторяющиеся*, *двойные*, *тройные*.

Отделяющие знаки всегда непарные и употребляются для отделения одних частей текста или синтаксических компонентов от других: это знаки конца предложения (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие), а также запятая, точка с запятой и тире. Отделяющие знаки обычно одиночные. И только запятая и точка с запятой могут быть повторяющимися.

Два одиночных знака – восклицательный и вопросительный – могут быть двойными и даже тройными.

Два знака – точка с запятой и запятая – могут быть повторяющимися.

Особое место среди одиночных знаков занимает знак сноски.

Выделяющие знаки препинания служат для выделения с обеих сторон каких-либо синтаксических конструкций (обособленные члены предложения, вводные и вставные конструкции в интерпозиции и др.). В этой роли всегда выступают парные знаки препинания: две запятые, два тире,

открывающие и закрывающие скобки и кавычки. Выделяющий знак препинания, таким образом, парный, но один. Это необходимо учитывать при проверке письменных работ. Например: *Над чернью садов тянувшихся по обеим сторонам узкого проулка стоял ущербный месяц* (отсутствие обеих запятых при обособленном определении, выраженном причастным оборотом, считается за одну ошибку).

По месту в предложении различают знаки конца и середины предложения, т. е. внутренние знаки, которые могут выполнять соединительную функцию. Это тире и двоеточие. Так, соединительная функция тире реализуется в конструкциях, обозначающих пространственные, временные и другие пределы (например: поезд Минск – Москва, X–XV вв., 2006–2007 уч. г.); между подлежащим и сказуемым при отсутствии глагольной связки, между именительным представлением и последующим высказыванием, тесно связанным с ним с помощью местоимения (*Дети – они наше будущее*), в неполных предложениях, после однородных членов перед обобщающим словом, в структуре ССК. Двоеточие в этой функции употребляется между обобщающим словом и однородными членами предложения, в структуре ССК, при прямой речи и цитатах.

Следовательно, некоторые знаки препинания выступают только в какой-либо одной функции, т. е. монофункциональные, другие – в разных, т. е. полифункциональные. Монофункциональные знаки препинания: 1) всегда отделяющие: точка, вопросительный знак, многоточие, точка с запятой; 2) всегда выделяющие: скобки и кавычки; 3) всегда соединяющий знак – двоеточие.

Запятая и тире – полифункциональные знаки препинания: запятая – отделяющий и выделяющий знак препинания; тире – отделяющий, выделяющий и соединяющий.

Ключевые слова: знаки препинания, пунктограмма, пунктуационное правило; конечные знаки препинания – срединные; отделяющие знаки препинания – выделяющие – соединяющие; конкретные знаки препинания – менее конкретные – неконкретные; одиночные знаки препинания – парные; неповторяющиеся – повторяющиеся; обязательные – факультативные.

Схема

1. Определить границы анализируемого предложения, отделив его от предшествующего и последующего предложений и помня о таких явлениях экспрессивного синтаксиса, как парцелляция и сегментация, результаты которых оформляются на письме знаками конца предложения.

2. Если анализируемое предложение сложное, найти грамматические основы, подчеркнуть их, определить границы предикативных частей и пронумеровать каждую предикативную часть.

3. Выделять знаки препинания из сложного предложения в такой последовательности: 1) конечные, 2) срединные – между предикативными частями в сложном предложении и в структуре каждой предикативной части – и соотносить с соответствующими пунктограммами.

4. Определить место знака препинания в предложении и квалифицировать: конец предложения – конечный знак препинания, середина – срединный.

5. Охарактеризовать знак препинания по выполняемой функции: отделяет синтаксические единицы в тексте или в предложении – отделяющий знак препинания; выделяет – выделительный или выделяющий, соединяет – соединительный или соединяющий.

6. Установить степень конкретности (с учетом местоположения и выполняемой функции): конкретный (знаки конца предложения и срединный знак – скобки), менее конкретный: точка с запятой, двоеточие, тире (расположены в порядке снижения степени конкретности); неконкретный знак – запятая.

7. Отметить особенности употребления в предложении: одиночный – парный, неповторяющийся – повторяющийся.

8. Указать обязательность или факультативность знака препинания, сформулировать правило его употребления.

9. Выявить случаи совмещения или поглощения знаков препинания.

Образец

Специалисты, работающие в экстремальных условиях, постоянно подвергают свою жизнь опасности.

У полярников есть золотое правило: выходя из лагеря в ясную погоду, помни, что через минуту полетит пурга; что трёхметровый лёд бывает хрупкий, как оконное стекло; что лёд перед тобой – это призрачный мост над пропастью, у которого нет конца. Незнание этих правил или пренебрежение ими неминуемо приведет к трагедии (По В. С.).

Анализируемое предложение является сложным, т. к. состоит из шести предикативных частей: 1-я часть – *У полярников есть золотое правило* – с грамматической основой *есть правило*; 2-я часть – *выходя из лагеря в ясную погоду, помни* – с грамматической основой *помни*; 3-я – *что через минуту полетит пурга* – с грамматической основой *полетит пурга*; 4-я – *что*

трёхметровый лёд бывает хрупкий, как оконное стекло – с грамматической основой *лёд бывает хрупкий*; 5-я – *что лёд перед тобой* – *это прозрачный мост над пропастью* – с грамматической основой *лед* – *это мост*; 6-я – *у которого нет конца* – с грамматической основой *нет*.

Пунктуационный анализ выделенного предложения начинаем с характеристики конечного знака препинания. Это точка – знак конца повествовательного невосклицательного предложения, который соотносится с пунктограммой «знаки препинания конца предложения». Так как точка отделяет в тексте одно предложение от другого, то это отделяющий знак, конкретный, т. к. он выполняет одну, отделяющую, функцию, хотя знаки конца предложения могут выполнять еще одну функцию – функцию показателя парцелляции, т. е. расчленения предложения на базовую часть и парцеллят. Ср.: *Запомни этот миг. И молодой шиповник, И на твоём плече прививку от него...* (А. В.). Это одиночный, неповторяющийся, обязательный знак препинания, употребление которого регламентируется правилом: в конце повествовательного невосклицательного предложения ставится точка.

Двоеточие – это знак препинания между двумя блоками в структуре сложного предложения с разными видами связи (с союзной и бессоюзной), между частями которого пояснительные отношения, выявляемые с помощью союза **а именно**. Ср.: *У полярников есть золотое правило (какое именно): выходя из лагеря, помни...* Двоеточие соотносится с пунктограммой «знаки препинания в бессоюзном сложном предложении».

По месту в предложении двоеточие – срединный знак препинания, по выполняемой функции – соединительный, т. к. соединяет два блока. Он менее конкретный, чем точка с запятой, но более конкретный, чем тире, т. к. употребляется в структуре простого осложненного и бессоюзного сложного предложения; одиночный, неповторяющийся, обязательный; регламентируется правилом: в бессоюзном сложном предложении двоеточие ставится при пояснительных отношениях.

Далее анализируются знаки препинания во втором блоке, который по структуре аналогичен многочленному сложноподчиненному предложению с однородным соподчинением и последовательным подчинением и состоит из пяти предикативных частей.

Следующий знак препинания – точка с запятой. Это срединный знак между однородными придаточными частями во втором блоке, в структуре которых есть запятые. Соотносится с пунктограммой «знаки препинания в сложноподчиненном предложении с несколькими придаточными».

По функции это отделяющий знак препинания; менее конкретный, чем знаки конца предложения, но более конкретный, чем срединные знаки – двоеточие и тире, т. к. выполняет однотипные функции: отделяет однородные члены в простом осложненном предложении и однородные предикативные части в сложном предложении. Это одиночный, повторяющийся знак препинания, т. к. в этом сложном предложении три однородные изъяснительные придаточные части; обязательный; подчиняется пунктуационному правилу: в сложноподчиненном предложении с несколькими однородными, бессоюзно связанными придаточными ставится точка с запятой, если придаточные части значительно распространены и особенно если внутри них имеются запятые [Солганик 1991, с. 225].

Знаком препинания между второй предикативной частью (*выходя из лагеря, помни*) и третьей (*что через минуту полетит пурга*), которые по структуре аналогичны сложноподчиненному предложению с придаточным изъяснительным, является запятая. Она соотносится с пунктограммой «знаки препинания в сложноподчиненном предложении». Это срединный, отделяющий, неконкретный знак препинания, т. к. используется в предложениях разного типа; одиночный, неповторяющийся, обязательный; подчиняется пунктуационному правилу: в двучленном сложноподчиненном предложении между главной частью и придаточной ставится запятая, отделяющая главную часть от придаточной [Наумович 1983, с. 214].

Запятая ставится также после пятой предикативной части перед шестой, разделяя их, т. к. они аналогичны сложноподчиненному предложению с придаточным определительным: [*...мост*] (*какой?*), (*у которого нет конца*). Она имеет такую же характеристику, как и предыдущая, и подчиняется такому же правилу.

Охарактеризуем знаки препинания в структуре предикативных частей.

Во второй предикативной части употреблена запятая. Это знак препинания, который выделяет обособленное обстоятельство условия, относящееся к глаголу-сказуемому и выраженное деепричастным оборотом: *помни (при каком условии?), выходя...* Соотносится с пунктограммой «знаки препинания в предложениях с обособленными членами». Это срединный, выделяющий, неконкретный знак препинания, одиночный, неповторяющийся, обязательный; регламентируется пунктуационным правилом: одиночные деепричастия и деепричастные обороты как относительно самостоятельные смысловые и грамматические центры предложения, выполняющие полупредикативную функцию, как правило, всегда обособляются, независимо от их места в предложении и по отношению к глаголу-сказуемому [Наумович 1983, с. 144].

Следующий знак препинания – запятая – употреблен в четвертой предикативной части как выделяющий обособленное обстоятельство меры и степени со значением уточнения, выраженное сравнительным оборотом *как оконное стекло*, которое относится к сказуемому *бывает хрупкий*. Соотносится с пунктограммой «знаки препинания в предложениях с обособленным членом, выраженным сравнительным оборотом». Это срединный, выделяющий, неконкретный знак препинания; парный, неповторяющийся, обязательный; регламентируется пунктуационным правилом: сравнительный оборот, начинающийся союзом **как**, выделяется, если обозначает уподобление [Николаева 1979, с. 258]: *лёд бывает хрупким, как бывает хрупким оконное стекло*.

И последний знак препинания – тире – в пятой предикативной части. Это срединный знак препинания на месте пропуска глагольной связки, который отделяет подлежащее от сказуемого. Соотносится с пунктограммой «тире между главными членами в простом предложении». Является срединным, соединительным знаком препинания; он менее конкретный, чем двоеточие, но более конкретный, чем запятая; одиночный, неповторяющийся, обязательный, т. к. в предложении пропущена глагольная связка, но в состав сказуемого входит указательное местоимение-частица **это**: *лед – это мост*. Постановка тире подчиняется пунктуационному правилу: если подлежащее и сказуемое выражены существительными в форме именительного падежа, тире ставится перед именным сказуемым, присоединяемым к подлежащему словами *вот, это* [Правила 2007, с. 206].

В данном предложении в четвертой предикативной части есть случай поглощения знаков препинания: запятая как знак обособления сравнительного оборота *как оконное стекло*, которое стоит в конце этой предикативной части, поглощается точкой с запятой – знаком конца четвертой предикативной части.

5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Лингвометодический комментарий

В системе языковых разборов анализ текста занимает особое положение, во-первых, потому, что природа текста как сложного сообщения предполагает многоаспектность его рассмотрения, во-вторых – из-за широкой вариативности текстов как в плане объёма, так и в плане специфики, определяемой объективными (например, функциональным стилем) и субъективными (например, личностью автора) факторами.

В отличие от других видов языкового анализа, например, фонетического, разбор текста не ограничивается подведением разных его характеристик под ту или иную языковую категорию, а представляет собой сложную аналитико-синтезирующую деятельность, направленную на выявление смысла текста с опорой на лингвистические понятия. Не случайно понятию «анализ текста» в литературе последних лет часто предпочитают другие термины – «интерпретация», «декодирование» и т. д.

Твёрдо установившейся схемы разбора текста в школьном и вузовском преподавании до настоящего времени не существует. Обычно он практикуется или как филологический (т. е. лингвистико-литературоведческий) анализ художественного текста, или как синтаксический разбор, осуществляемый подобно разбору сложного синтаксического целого, поскольку понятия «текст» и «сложное синтаксическое целое» нередко сближаются или даже отождествляются.

В практике обучения языку текст нередко используется как материал для разных видов языкового разбора, однако это уже не анализ текста, а анализ языковых единиц в тексте.

Благодаря интенсивному развитию лингвистической науки о тексте, её сближению с теорией речевой деятельности, семиотикой и информатикой, понимание коммуникативной природы текста поднялось на качественно новый уровень, что дало возможность исследовать данное произведение речи исходя из научно обоснованного понимания последнего как коммуникативно-направленного смыслового и структурного целого.

Предлагаемая ниже схема разбора текста основывается на получившем широкое распространение и принятом ведущими специалистами понимании текста как дискурса, включающего как собственно текст (знаковую продукцию), так и его экстралингвистическую рамку, куда входят и

партнёры по общению, и отображаемые в тексте явления реальной действительности.

Для того чтобы адресат адекватно воспринял заложенную в тексте информацию, уровень его знаний о мире, о языке и правилах его использования должен приближаться к авторскому. Поэтому основная цель анализа текста интерпретатором в данном аспекте сводится к устранению пробелов (лакун) в его понимании и в получении нового знания.

Рассмотрение текста как дискурса определяется и принятым современной лингводидактикой коммуникативно-деятельностным подходом к изучению языка, подчиняющим усвоение лингвистических понятий задаче овладения языком как средством общения и предусматривающим воспитание обучаемого (студента, школьника) как речедеятеля, или языковой личности.

Приступая к анализу текста по предложенной схеме, следует принять во внимание её системный характер: мыслительные операции, предусматриваемые на отдельных этапах анализа, предполагают опору на данные, полученные на предшествующих этапах; её направленность на разные аспекты текста в соответствии с его пониманием как дискурса, а также универсальный характер: пригодность для анализа текстов всех функциональных стилей и жанров.

Рекомендуемая процедура предполагает проведение комплексного анализа текста в сжатой форме, акцентируя внимание лишь на его узловых моментах. Однако анализ по предложенной схеме легко может перерасти в исследование с большей степенью глубины и охвата текстового материала. Если, например, анализируется текст художественной литературы, то его углублённое рассмотрение по пунктам 4, 5 и 6 обеспечит перерастание такого анализа в лингво-эстетический, или филологический.

Ключевые слова: текст, дискурс, экстралингвистическая рамка, тема, рема, стиль текста, жанр текста, функциональный тип текста, ключевые слова (КС), средства выражения цельности и связности текста.

Схема

1. Определение стиля, жанра и функционального типа текста (описание, повествование или рассуждение).

2. Характеристика коммуникативной ситуации текста. Представлены ли коммуниканты (автор, читатель, другие персонажи) непосредственно в самом тексте? Каковы способы выражения коммуникантов (личные формы глагола, местоимения, обращения и т. д.)? Какова цель автора? Кому адресовано сообщение?

3. Характеристика экстралингвистической (предметной) ситуации текста. Требуется ли для понимания текста привлечение каких-либо знаний научного, культурного, исторического, политического и иного характера? Является ли отображаемая в тексте ситуация достоверной или фантастической? На этом же этапе разъясняются трудности языкового характера, так как непонимание слов или выражений ведёт к пробелам в понимании экстралингвистической информации.

4. Характеристика средств выражения цельности и связности текста: лексико-семантических (ключевые слова и доминирующие лексические ряды, включая вариативные) и грамматических (грамматические повторы, параллелизм, однотипность видовременных форм глаголов-сказуемых и т. д.).

5. Определение темы и ремы (основной мысли) текста. Проводится с опорой на ключевые слова, заглавие и с учётом особенностей развёртывания текста (по параллельному или последовательному типу).

6. Характеристика семиотической (знаковой) усложнённости текста: наличие подтекста, тропов, фигур, дублирования смысла на уровне синтаксиса, звукописи и т. д.

Образцы

Текст 1

Непостижимое

Всякий раз в утренние часы, осенью, когда я выхожу в опустевший, покинутый птицами сад и один хожу меж яблонь по шуршащим тропинкам, по жёлтым островам листьев, когда вижу на мокрой траве сквозные лучи низкого солнца, вдыхаю уже северную свежесть осеннего холодка, сырость земли от поредевших клумб, где в конце лета распустились георгины и флоксы, эти предвестники зябких поздних зорь, то меня охватывает сладкая тревога предупредительного звонка на вокзале моей жизни и мучает, не покидает сознание того, что где-то есть обетованные края, прозрачная синева, тепловатые туманы морских побережий, незнакомые улицы далёких городов, пёстрые витрины на пустынных ночных набережных, которые я должен обязательно увидеть.

Почему в сентябрьскую пору я чувствую беспокойство, желание ехать куда-то в поисках неизведанной благодати эдемских земель, чужих садов?

Может быть, всё это потому, что осенние утра особенно тихи, влажны, свежи, покойно солнечны и скромная их красота непостижима?
(Ю. Б.)

Анализируемый текст принадлежит художественно-литературному стилю. По жанру это рассказ. Функциональный тип текста – рассуждение (лирическое размышление) с элементами описания.

Повествование ведётся от первого лица (Я) лирического субъекта. Повествователь близок реальному автору (писателю Ю. Бондареву). Внутритекстовой адресат отсутствует. Потенциальный читатель текста – человек, способный тонко чувствовать природу, склонный к лирическим размышлениям и способный проникнуться настроением автора.

В заключительной части текста имеются элементы автокоммуникации – разговора повествователя с самим собой.

Экстралингвистическая ситуация данного текста достоверная. Привлекать какие-либо специальные знания для его понимания не требуется. Затруднения могут быть связаны лишь с пониманием словосочетания эдемские земли: согласно библейской мифологии, Эдем – страна, где обитали Адам и Ева, в художественной литературе употребляется как синоним рая. Для углублённого понимания текста нужно владеть приёмами интерпретации тропов.

Основу связности текста на лексико-семантическом уровне составляют три лексических ряда: один группируется вокруг понятия «**осень**» (*осень, холодок, сырость, свежесть, сентябрьская пора* и пр.), другой ряд объединяется понятием «**неизведанные края**» (*обетованные края, эдемские земли*) и, наконец, ряд со значением «**чувства, эмоции**» (*тревога, беспокойное желание, непостижимое*).

Связность на грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровне проявляется в единстве видовременных форм глаголов-сказуемых (вхожу, вижу, вдыхаю), в повторении рядов однородных членов (сказуемых, дополнений, определений), в однотипности придаточных временных частей с союзом когда, в согласованности конструкций, выражающих вопрос – ответ в заключительной части текста.

В качестве главной темы текста правомерно избрать понятие «**осень**», поскольку именно эта пора года порождает особое душевное состояние и даёт толчок к размышлениям. Подтверждением правильности такого выбора может стать «примерка» данного понятия на роль альтернативного заглавия текста; в данном случае это вполне допустимо, например: «**Осенью**» или «**Осенние размышления**».

На роль ремы явно претендует описание душевного состояния лирического героя, вызванного картинами осени. В качестве опор для формулировки ремы целесообразно использовать слова из второго и третьего

ключевых рядов данного текста. В целом смысловая доминанта текста может быть передана примерно таким образом: **осень (тема) пробуждает мечты о непостижимо-прекрасном, которое сродни скромной красоте осени (рема).**

Правильность выбора ремы подтверждается использованием понятия «непостижимое» в роли заглавия.

Поскольку текст является художественно-литературным, в нём использованы специальные приёмы повышения информативности включённых в него языковых знаков. В этом плане показательна развёрнутая метафора (*сладкая тревога предупредительного звонка на вокзале моей жизни*), которая основана на метафорическом архетипе – уподоблении жизненного пути передвижению по дороге, плаванию по морю и т.п. Упоминание о предупредительном звонке на вокзале жизни рождает представление о предстоящем завершении жизненного пути, образно говоря – об осенней поре жизни лирического героя.

Необычным с точки зрения привычных норм выглядит и словосочетание *сладкая тревога*, в котором реализован приём оксюморона – совмещения противоположных понятий. Этим создаётся «эффект загадки», что повышает экспрессию высказывания. В качестве стилистического приёма можно рассматривать и высокую концентрацию слов со значением чувственного восприятия, передающих зрительные, слуховые и иные образные представления.

Текст 2

Теме «всемирного потоп» посвящена книга автора, выдержавшая два издания, и не будем её повторять («Великий потоп. Мифы и реальность», Гидрометеоиздат, 1982 и 1984 гг.). Заметим лишь, что в рассказах о потопе, записанных на островах Полинезии, заметно влияние библейской версии потоп, а «небиблейские» версии могли быть порождены местными, локальными катастрофами – катастрофическими извержениями вулканов, ураганами, землетрясениями и моретрясениями и т. д. Так что прямыми доказательствами гибели Пацифиды на глазах населявших её людей мифы и предания океанийцев быть не могут. То же самое можно сказать и о загадочных памятниках культуры Океании, монументальных постройках и гигантских статуях. Прежде чем приписывать их создание жителям «тихоокеанской Атлантиды», нужно попытаться объяснить их происхождение более просто, например, допустив, что творцами монументов и статуй являются предки самих полинезийцев. (А. Кон.)

Анализируемый текст принадлежит научно-популярному стилю. Функциональный тип – рассуждение.

К особенностям коммуникативной ситуации следует отнести наличие повествователя, который совпадает с реальным автором (об этом свидетельствует упоминание об изданных им книгах). Форма представления повествователя в тексте – глаголы первого лица множественного числа (не будем, заметим лишь), за которыми скрывается авторское «МЫ».

Конкретный адресат в тексте отсутствует. Потенциальный адресат – любой читатель, которого интересуют тайны исчезнувших материков, географические открытия и т. п.

Более глубокому пониманию текста могут способствовать дополнительные сведения о всемирном потопе, о гипотетическом материке Атлантида и о древних сооружениях на острове Пасхи.

Предметная ситуация текста достоверная, т. е. не фантастическая, хотя речь здесь идёт о событиях предполагаемых, не получивших научного обоснования.

На уровне первичной семантизации в разъяснении может нуждаться слово Пацифида, образованное от латинского названия Тихого океана по аналогии со словом Атлантида.

Знаковая усложнённость в данном тексте отсутствует.

Связность текста на лексико-семантическом уровне достигается вариативным повтором ключевого понятия Пацифида – тихоокеанская Атлантида, употреблением слов, объединённых значением «катастрофа» (*потоп, ураганы, землетрясения* и др.), которые даются с целью объяснения возможной гибели Пацифиды. Ещё один ряд включает названия сооружений на острове Пасхи (*памятники культуры, постройки, статуи, монументы*).

К средствам грамматической связности текста следует отнести, прежде всего, однотипный характер сказуемых (*могли бы, быть не могут, можно сказать, нужно попытаться*), которые включают глаголы и другие слова с модальным значением. Кроме того, средством внутритекстовой связи являются расположенные в начале предложений союзные и местоименные сочетания (*так что, то же самое*).

В данном тексте говорится о гипотетическом материке Пацифида, о разных версиях её гибели, даётся оценка их достоверности. С учётом того, что информационный центр высказывания, как правило, располагается ближе к его завершающей части, в качестве темы рассматриваемого текста следует взять второе из названных понятий, а в качестве ремы – заключи-

тельное. В результате формулировка смысла текста примет такой вид: *версии о гибели в тихом океане материка Пацифида (тема) нельзя признать убедительными (рема)*.

В связи с тем что данный текст не является художественным, специальные приёмы использования знаков с целью создания дополнительной информативности здесь отсутствуют.

Текст 3

Сканирование

В медицине этот метод обследования больного, основанный на применении в диагностических целях радиофармацевтических препаратов называется радиоизотопным сканированием. После введения в организм минимальных безвредных количеств этих веществ с помощью специального прибора – сканера – можно получить информацию о размерах, форме, положении и функциональном состоянии исследуемого органа.

Сканирование можно применять в тех случаях, когда для рентгенологического обследования существуют те или иные противопоказания. Иногда сканирование бывает единственным методом диагностики, кроме клинического, позволяющим выявить заболевание или уточнить локализацию патологического процесса (Галкин В. Внутренние болезни. М., 1987).

Данный текст принадлежит научному стилю, относится к области медицины. Функциональный тип текста – научное описание.

Коммуникативная ситуация текста предельно проста: повествователь себя никак не обнаруживает, внутритекстовой адресат отсутствует. Таким образом, оба коммуниканта оказываются в коммуникативной рамке текста. Потенциальный получатель информации – специалист-медик или любой человек, интересующийся проблемами диагностики и лечения.

Для углублённого понимания текста нужны специальные знания о методах диагностики, применяемой для этого аппаратуре и т. п. Ситуация, отображённая в тексте, является достоверной. В дополнительном разъяснении (для неспециалиста) нуждаются медицинские термины и общенаучные понятия: *патологический процесс, радиофармацевтические препараты, локализация* и пр.

Цельность текста достигается единством темы: речь идёт о сканировании и его роли в диагностике. Средством связности на лексическом уровне является неоднократное употребление ключевого слова сканирова-

ние, а также слов (включая однокоренные), связанных с понятием «диагностика»: диагностические цели, диагностика, обследование.

К средствам грамматической связности следует отнести однотипность в выражении сказуемых: употребление глаголов настоящего времени, составных сказуемых с инфинитивом, а также оформление большей части предложений по одному типу (с подлежащим в препозиции по отношению к сказуемому).

В качестве темы текста правомерно принять базовое понятие **сканирование**. Обобщив содержание всех приписываемых ему предикатов, можно прийти к следующей формулировке смыслового ядра текста: *сканирование (тема) имеет большое диагностическое значение и широкие возможности для применения (рема)*.

В связи с тем что текст является научным, специальные приёмы повышения информативности знаков в нём не используются.

МГТУ им. И.П. Шамякина

6. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Лингвометодический комментарий

О сущности стилистического разбора текста. Стилистический разбор текста предполагает наличие, кроме специальной стилистической подготовки, знаний о языковой системе, тексте, речи, коммуникации, а потому является итоговым в системе лингвистической подготовки, комплексным обобщающим видом языкового разбора.

Цель стилистического разбора заключается в установлении стилистической принадлежности текста и выявлении представленных в нем черт данного стиля и способов их языковой реализации.

Разбор не должен сводиться лишь к простой регистрации стилистически окрашенных языковых единиц, а давать оценку их роли в формировании целостности высказывания. Он может быть кратким (например, ответ на экзамене) и развернутым, предполагающий детальное рассмотрение всех особенностей текста и применимый в контрольных, курсовых работах и т. п.

В соответствии с реализуемым в данном пособии подходом стилистический разбор текста должен представлять собой эссе лингвистического характера, демонстрирующее знание основных понятий и категорий лингвистики, умение оценивать роль языковых единиц в тексте, а также правильно оформлять информацию научного характера.

Методика проведения стилистического разбора. Первым этапом проведения стилистического разбора текста должно стать составление программы. С этой целью на основе изучения учебной литературы выявляются особенности анализируемого стиля, его функции, общие признаки, языковые черты, а также содержательно-композиционные особенности данного речевого жанра. Составление такой программы позволяет повторить общие закономерности, присущие анализируемому стилю в целом, а также подготовить вопросы, отвечая на которые, собственно, и выполняют разбор текста.

Подобная программа может составляться путем детального перечисления наиболее значимых черт стиля. Приведем пример фрагмента программы для анализа морфологических средств в тексте научного стиля.

Характерные признаки морфологии научного стиля:

- преобладание имен существительных,
- высокая доля отвлеченных существительных (особенно среднего рода),

- обобщенное значение у конкретных существительных в единственном числе, слово выступает как обозначение общего понятия,
- формы множественного числа отвлеченных и вещественных существительных,
- ослабленность значения лица глагола (не употребляются формы 2 лица, вместо форм 1 лица единственного числа используются формы 1 лица множественного числа (авторское «мы»), преобладают формы 3 лица,
- широко представлены безлично-предикативные, возвратно-безличные глагольные формы, страдательные причастия прошедшего времени и др. формы, выражающие ослабленность личностного начала в научном тексте,
- преобладание глаголов несовершенного вида в формах настоящего времени во вневременном значении для обозначения постоянного совершающихся процессов,
- десемантизация глагола и использование глагольно-именных конструкций.

Подобные подробные программы должны быть составлены и для анализа единиц других уровней языковой системы.

На втором этапе подготовленная программа соотносится с конкретным текстом. Здесь необходимо поэтапно выполнить поуровневый анализ языковых единиц, несущих стилистическую информацию. При развернутом стилистическом анализе текст удобно иметь в нескольких экземплярах, каждый из которых посвящается выявлению единиц одного языкового уровня: лексических, морфологических, синтаксических и т. п. Целесообразно выделять такие единицы с помощью цветных фломастеров-маркеров. Присваивая определенный цвет той или иной стилистически значимой единице, мы получаем возможность весьма наглядно представить роль данного типа единиц во всем тексте. Например, при анализе лексики термины выделяем красным цветом, общенаучную лексику – синим, книжные слова – зеленым и т. д.

В конкретном тексте могут быть представлены далеко не все признаки данного стиля, поэтому важно максимально полно выявить все стилистически значимые факты, учесть не только те из них, которые нашли материальное выражение, но также и минус-факты, т. е. стилистически значимое отсутствие тех или иных языковых единиц, которое обусловлено природой стиля. Так, например, в тексте, принадлежащем официально-деловому стилю, отсутствуют единицы, имеющие эмоционально-экспрессивную окрашенность, а в разговорном – краткие прилагательные, причастия и деепричастия, т. е. характерные для книжного стиля грамматические классы слов.

Обычно недостаток в стилистическом разборе связан с простым перечислением признаков стиля и игнорированием конкретных фактов данного текста. Кроме того, важно не просто регистрировать стилистически значимые факты, а правильно их интерпретировать, поскольку задача разбора заключается не просто в выявлении той или иной стилистически значимой единицы, а в выяснении ее роли в тексте, анализе ее взаимодействия с другими единицами для выражения определенной информации в данной ситуации общения.

При установлении стилевой принадлежности текста следует обратить внимание на передачу в тексте данного стиля особенностей другого стиля (например, отображение особенностей разговорной речи в языке художественной литературы). Как замечено Ю. М. Лотманом, «для того чтобы стать материалом искусства, язык сначала лишается сходства с обычной речью» [Лотман 1970, с. 122]. Именно поэтому автор применяет термин «воспроизведение устной речи в художественной литературе». «Элементы устной, редуцированной структуры лишь местами вносятся в текст, выполняя роль определенных сигналов; по ним мы узнаем, что денотатом нормализованного текста является та значительно более сокращенная, обусловленная внесловесной ситуацией, интонацией словесная ткань, которую представляет собой устная речь» [Лотман 1970, с. 126]. Характерно, что в большинстве учебников по стилистике, а также в сборниках упражнений в качестве примеров, иллюстрирующих те или иные особенности разговорного стиля, приводятся выдержки из художественной литературы¹. Такие образцы лишь демонстрируют, как писатель с эстетической целью воспроизводит отдельные особенности разговорного стиля, но не дают полного представления о сущности этой разновидности литературного языка.

Третий этап стилистического разбора по предлагаемой методике заключается в формировании высказывания в научном стиле. Результаты проведенного языкового разбора должны быть представлены в виде текста. Общие правила построения высказывания в научном стиле рассмотрены выше, особенности научного стиля характеризуются далее, в образце разбора текста.

Ключевые слова: стиль, стилистическая окрашенность, экстралингвистические признаки стиля, сфера общения, жанрово-ситуативные стили (жанры), языковые черты стиля.

¹ См., например, книги Л. Г. Барласа, А. К. Панфилова и др. авторов.

Схема

1. Общая характеристика анализируемого текста: автор, заглавие, выходные данные, общая характеристика содержания, жанр, предварительное заключение о стилевой принадлежности текста.

2. Функции и основные черты стиля: сфера реализации, функции стиля. Экстралингвистические черты стиля и их реализация в тексте.

3. Содержание и структурные характеристики текста: тема, коммуникативная цель автора, форма речи (устная/письменная), форма речевой деятельности (монолог/диалог), функционально-смысловой тип речи (повествование, описание, рассуждение). Коммуникативно-смысловой анализ текста (заголовок, ключевые слова, средства связности текста, коммуникативные блоки, тема-рематическая структура текста), особенности композиции.

4. Поуровневый анализ языковых единиц:

1) произношение («полный»/«неполный» стиль произношения, роль интонации);

2) словообразование (наличие аффиксов со стилистической окрашенностью, активные словообразовательные модели и их характеристика);

3) лексика (виды функционально-стилевой окрашенности лексем, эмоционально-экспрессивная окрашенность лексем, объем и роль нейтральных единиц, тематические группы лексики, особенности семантической структуры и употребления многозначных слов, частотность лексических единиц);

4) морфология (соотношение именных частей речи и глаголов, характеристика грамматических особенностей имен существительных, глаголов (вид, время, лицо), наличие причастий, деепричастий, кратких прилагательных и их функция в тексте, соотношение знаменательных и незнаменательных слов, наличие вариантных форм, их стилистическая функция);

5) синтаксис (полнота и развернутость/эллиптичность конструкций, характеристика предложений по цели высказывания и эмоциональной окрашенности, соотношение простых, осложненных и сложных конструкций, наличие причастных и деепричастных оборотов, пассивные конструкции, личные/безличные конструкции, номинативные конструкции, слова-предложения, наличие сбоев в построении синтаксических конструкций, порядок слов и актуальное членение предложения).

Образцы

1. Научный стиль

Текст

Стиль (от лат. *stilus, stylus* – остроконечная палочка для письма) – общественно осознанная, объединенная определенным функциональным назначением система языковых элементов внутри литературного языка (см.), способов их отбора, употребления, взаимного сочетания и соотношения; функциональная разновидность, или вариант, литературного языка; по В. В. Виноградову – «функциональный стиль» (ФС). Данное понятие является центральным, базовым при дифференциальном делении литературного языка, своего рода точкой отсчета для таких соотносительных со С. понятий (категорий), как подстиль, речевой жанр (варианты С.), функционально-стилевая сфера (ФСС). С. – одно из фундаментальных понятий стилистики (см.) и лит. языка.

Композиционно-речевая структура С. (т. е. совокупность языковых элементов в их взаимодействии и взаимном соотношении между собой и с композиционной структурой текстов, наиболее типических для данной функциональной разновидности лит. языка) определяется социальными задачами речевой коммуникации, ее условиями и формой реализации (устная – письменная речь).

Для С. как функциональной категории лит. языка принципиальное значение имеет его понимание как комплекса типических признаков, поскольку специфика конкретного С. состоит в особенностях соотношения, способов и приемов сочетания, объединения языковых средств (которые в других стилях могут быть представлены в иных комбинациях), их специализированного употребления, в результате чего актуализируются определенные стороны семантики, потенциальные возможности функционирующих в данном С. языковых единиц; напр., в научном С. на первый план среди глагольных категорий выдвинуто настоящее неактуальное (Земля *вращается* вокруг Солнца), а в разг. речи – настоящее актуальное (Иду/*пошел* домой).

Понятие С., или ФС, постепенно становится традиционным: обычно С. называют научную, публицистическую, официально-деловую речь (научный С., публицистический С., официально-деловой С). Синонимами терминов «С.», «ФС» выступают более общие номинации – функциональная разновидность, функциональный вариант, режсе – функциональный тип.

Общей основой С., или функциональных разновидностей, является совокупность базовых параметров (для каждого С. выступающих в той или иной комбинации): социальная задача речевого общения, ситуация ре-

чевого общения (официальность/неофициальность), характер коммуникации (массовая, групповая, межличностная), форма реализации (устная/письменная речь). Напр., для устной публичной речи социальной задачей общения является публичность «говорения» на темы науки, права, политики, эта речь реализуется в ситуации официальности, в условиях групповой коммуникации, в устной форме. Кроме того, в основе каждого С. (вообще функциональной разновидности) лежит также единый конструктивный принцип или стилеобразующий фактор экстралингвистического характера, к-рый определяет принципы отбора и способы сочетания средств выражения в данной функциональной категории, организует их в систему. Так, для публицистического С. устанавливается в качестве единого конструктивного принципа чередование экспрессии и стандарта (В. Г. Костомаров). Функционально-стилевая система, как и сами С., – явление, исторически изменяющееся. Изменяются принципы выделения С., их взаимное соотношение и степень обособленности друг от друга (ср. систему стилей, сложившуюся в 18 в. и в послепушкинский период истории русского литературного языка), меняется материальный состав С., их внутренняя организация в рамках одного периода развития лит. языка, как, напр., в рус. лит. языке 2-й пол. 19 в. и в 20–90 гг. 20 в.

В аспектах стилистики термин «С.» употребляется также в связи с жанровой дифференциацией функциональных разновидностей, напр., С. деловых бумаг, С. передовой статьи, очерка, репортажа (в рамках публицистического С.), С. романа, рассказа, басни, баллады (в языке художественной лит-ры). Индивидуальную манеру письма писателей называют индивидуально-авторским С., или С. писателя. По характеру заключенной в языковых элементах экспрессии выделяются С. экспрессивные; обычно выделяют: торжественный (риторический), официальный, фамильярный, шуточный (юмористический), сатирический С. Эти С. определяются на фоне нейтрального С., т. е. такой речи, которая лишена экспрессии. Вопрос о том, представляют ли экспрессивные С. определенные системы языковых элементов, лингвистами решается по-разному.

Термин «штыль» появляется в рус. языке в кон. 17 в. Термин «С.» в других значениях и осмыслениях употребляется в литературоведении, искусствоведении, эстетике.

Лит.: Гвоздев А.Н., Очерки по стилистике рус. языка, 3 изд., М., 1965. Костомаров В.Г., Рус. язык на газетной полосе, М., 1971; Кожина М.Н., О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972; Русская разговорная речь. М., 1973.

Ю. А. Бельчиков

Для анализа взята в сокращении статья Ю. А. Бельчикова «Стиль» из энциклопедии «Русский язык» (М., 1997). Она посвящена описанию ключевого понятия функциональной стилистики. Стиль изложения научный, собственно научный подстиль.

Сфера реализации данного стиля – наука. Текст адресован, прежде всего, специалистам в области русистики, тематически он связан с одним из направлений современной лингвистики – функциональной стилистикой. В нем реализуется основная функция научного стиля – передача логической информации с доказательством ее истинности. В анализируемом тексте нашли отражение следующие важнейшие черты стиля. **Точность**, обусловленная передачей научной информации и проявляющаяся в строгом отборе лексики, ее терминологичности. **Абстрактность**, связанная с описанием абстрактных понятий и выражающаяся в абстрактно-обобщенном характере изложения, а также в преобладании абстрактной лексики, абстрактных значениях существительных. **Логичность**, определяющаяся последовательным, четким порядком передачи информации и выражающаяся в специальной организации текста (подробнее об этом далее), строгом, четком синтаксисе. **Объективность**, обусловленная объективным характером передачи научной информации и проявляющаяся в форме неличного, неэмоционального изложения, отсутствии оценочности. Неличный характер изложения проявляется в отсутствии форм 1 и 2 лица, преобладании возвратно-безличных и пассивных конструкций. Неэмоциональность связана с отсутствием экспрессивно-эмоциональной окраски у лексики, употреблением неэмоциональных синтаксических конструкций. **Описательность** научного стиля проявляется в преобладании в данном тексте описания как функционально-смыслового типа речи, номинативном характере морфологии и синтаксиса (преобладание имен существительных, семантическая и грамматическая ослабленность глагола). Данный текст, как и любой текст научного стиля, возник в результате предварительного обдумывания высказывания и строгого отбора языковых средств, использования лишь нормативных единиц. Он характеризуется также **необщедоступностью**, связанной как с общей компетентностью читателя в конкретной области науки, так и с владением «языком» данной науки, ее терминологической системой.

Текст посвящен описанию одного из ключевых понятия функциональной стилистики – стиля. Целью автора является наиболее полная, объективная и доказательная передача самых общих представлений о стиле

как языковой единице. Текст реализуется в письменной форме, представляет собой монолог на научную тему. Функционально-смысловой тип речи – описание с элементами рассуждения. Включает определение, перечисление и раскрытие основных признаков описываемого понятия, рассмотрение употребления данного термина в других смыслах – установление однозначности понимания, определяемое точностью научной речи. Содержит доказательство отдельных положений. Заголовок в данном тексте является темой. Его выбор мотивирован и особенностями жанра энциклопедической статьи. Будучи темой текста, слово *стиль*, кроме того, входит в словник всей энциклопедии, называя одно из ключевых понятий, которое требует детальной и всесторонней научной характеристики. Одновременно слово *стиль* является доминантой ряда ключевых слов данного текста: *стилистика, функциональный стиль, литературный язык, функциональная разновидность, система элементов, ситуация речевого общения, стилеобразующий фактор, функционально-стилевая система, жанры, индивидуально-авторский стиль, штиль*. Неоднократно повторяясь, слова доминирующего смыслового ряда выступают в качестве средства связи текста. Кроме того, в тексте используются и другие традиционные средства связи: синонимические замены (например, *стиль, данное понятие*), местоименные замены, однако в силу того что научный текст стремится к предельной точности, использование, например, местоимений в целом ослаблено по сравнению с другими стилями. Здесь автор вынужденно прибегает к многократным повторам, которые сами по себе выступают как средство внутритекстовой связи: *Понятие С., или ФС, постепенно становится традиционным: обычно С. называют научную, публицистическую, официально-деловую речь (научный С., публицистический С., официально-деловой С.). Синонимами терминов «С.», «ФС» выступают более общие номинации – функциональная разновидность, функциональный вариант, реже – функциональный тип*. Неоднократное повторение терминов – яркая особенность научного текста.

Тема-рематическое строение текста определяется наличием одной гипертемы *стиль*, которая выступает в качестве темы во всех смысловых блоках данного текста даже в том случае, если само слово *стиль* не употребляется. В каждом смысловом блоке, совпадающем с абзацем, происходит рематическое развертывание темы *стиль*. Представим тема-рематическую структуру смысловых блоков в таблице 2.

Таблица 2 – Тема-рематическая структура смысловых блоков

Смысловой блок (абзац)	Тема	Рема
1	Стиль	Научное определение данного понятия
2	Стиль	Экстралингвистические факторы
3	Стиль	Комплекс типических признаков
4	Стиль	Употребление термина, синонимы
5	Стиль	Основа выделения
6	Стиль	Историческая обусловленность
7	Стиль	Обозначение данным термином других понятий
8	Стиль	Использование термина в других науках

Жанр (статья в специальной энциклопедии) определяет особенности композиции. Вначале дается определение описываемого понятия, затем приводится основание для выделения стиля как единицы, на этой основе перечисляются его основные признаки, отмечаются особенности употребления термина, рассматриваются его другие значения. Обязательными элементами текста являются также список литературы, оформленный по правилам библиографического описания, подпись автора, точные цитаты, заключенные в кавычки, и ссылки на их авторов. Используются графические средства выделения – заголовок подается полужирным шрифтом, примеры – курсивом, применяются сокращения. Широко используются внутритекстовые сокращения для экономии места. Сокращению подвергаются основные повторяющиеся в статье термины: *стиль*, *функциональный стиль*, *функционально-стилевая сфера*, а также некоторые общеупотребительные слова, которые легко восстанавливаются (ср.: *напр.*, *в рус. лит. языке 2-й пол. 19 в. и в 20–90-х гг. 20 в.*). Такое обилие сокращений характерно именно для жанра энциклопедической статьи. В качестве обязательных компонентов в текст данной энциклопедической статьи входят отсылочные слова, позволяющие установить связь с другими текстами данной энциклопедии и тем самым расширить информационную базу читателя.

Поскольку для энциклопедической статьи единственной формой реализации является письменная, то в данном случае нельзя проанализировать **особенности произношения**. Однако при возможном чтении вслух требуется соблюдение всех орфоэпических норм, «полный» стиль произношения, не допускающий пропуска каких-либо звуков, умеренная степень редукции гласных.

В лексике ярко проявляются характерные особенности научного стиля. Значительную часть текста составляют термины: *стиль, литературный язык, разговорная речь, семантика, глагольная категория, официально-деловой стиль, публицистический стиль и др.* Основным ряд повторяющихся терминов образует систему ключевых слов. Лексический состав данного текста замкнут на терминологии стилистики, что обусловлено темой и жанром. Наряду с однословными терминами *басня, сказка, текст, стиль* широко употребляются сложные термины, состоящие из 2–3 слов: *композиционно-речевая структура стиля, настоящее неактуальное время, ситуация речевого общения и т. д.* Представлены клише и устойчивые выражения, которые способствуют стандартизации научного изложения: *специфика состоит в, обычно [стилем]² называют, в основе лежит, термин [стиль] употребляется в связи с, по [Виноградову]*. Термины вместе с общенаучной (*система, элемент, базовые параметры, комплекс, актуализируется*) и книжной лексикой (*функциональный, функционирующий, специфика, специализированный, потенциальный, совокупность, комбинация*) составляют основу данного текста: в отдельных абзацах (1, 2, 4 и др.) выделяются буквально единичные нейтральные лексемы. В целом общеупотребительная (немаркированная) лексика составляет незначительную часть текста, что обусловлено его необщедоступностью, ориентированностью на специальную аудиторию. Показательна многократная повторяемость терминологической и общенаучной лексики. Так, например, слово *стиль* употребляется 35 раз, *функциональный стиль* – 3, *стилевой* – 2, *стилистика* – 2, *функциональный* – 14, *язык* – 11, *языковой* – 6, *система* – 5, *понятие* – 3, *категория* – 4, *коммуникация* – 3, *речь* – 7, *речевой* – 5. Высокая повторяемость ограниченной группы лексики является не речевым недостатком, а следствием предельной информационной насыщенности, научной точности, результатом стремления автора к однозначности.

В тексте высок процент интернационализмов: *стиль, система, элемент, коммуникация, структура, комплекс, экспрессия, принцип, фактор и т. д.* – более 80 словоупотреблений. Преимущественно интернациональной является терминологическая и общенаучная лексика, что обусловлено особенностями ее образования. В целом в тексте очень ярко проявились однообразие, однородность и замкнутость лексического состава научного стиля. Точность научной речи связана в тексте с такой семантической особенностью, как употребление многозначных слов лишь в одном, преимущественно терминологическом, значении (ср.: *стиль, язык, жанр, речь,*

² В квадратные скобки взяты заменяемые элементы.

категория, очерк, рассказ, басня и т. д.). Не являющиеся терминами многозначные слова употребляются в прямом номинативном значении *манера, форма, система*.

Неэмоциональность, отсутствие оценочности сказываются в отсутствии лексем с разговорной и эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

Словообразовательные особенности не столь разнообразны, однако весьма показательны. Характерна высокая частотность слов с книжными суффиксами *-ниј-, -ениј-, -ость, -ациј-* (около 50 употреблений). Используются слова, образованные по типичным для книжной речи словообразовательным моделям: отглагольные абстрактные существительные *комбинация, номинация, организация, деление, сочетание и др.* (модель: глагольная основа + суффиксы *-ниј-, -ениј-, -ациј-*), образованные от прилагательных абстрактные существительные *совокупность, разновидность, официальность* (модель: основа прилагательного + суффикс *-ость-*). В тексте отмечаются слова с греческими и латинскими словообразовательными элементами: *стиль, семантика, функциональный, номинация, экстралингвистический и др.* Указанные особенности морфемики и словообразования отражают абстрактный, неэмоциональный характер научной речи, значительную степень интернационализации языковых средств.

В морфологии также ярко проявляются черты научного стиля. В первую очередь это наблюдается в соотношении именных и глагольных форм. Неличный характер изложения, номинативная направленность, абстрактность научного изложения сказываются в преобладании имен существительных и именных частей речи в целом над глаголами. Например, в первых двух абзацах употребляется лишь по одному глаголу, в тексте всего около 30 глаголов. Охарактеризуем более подробно эти два противопоставленных грамматических класса слов.

Абстрактность научного стиля обусловила употребление высокого процента отвлеченных существительных типа *система, разновидность, категория, семантика, реализация*, в т. ч. среднего рода: *назначение, употребление, сочетание, соотношение, понятие, деление, взаимодействие, значение, понимание, общение, выражение, чередование* и др. По этой же причине почти каждое слово выступает как обозначение общего понятия: *стиль, подстиль, жанр, сфера*.

Ослабленность глагольных форм в данном тексте проявляется не только в их незначительном количестве, но также и в том, что используются преимущественно семантически опустошенные слова, чаще с бы-

тийным значением *является, выступают, реализуется, выделяются, называют*. Семантика процесса, действия у таких слов предельно ослаблена: *понятие является центральным, стилем называют, основой стиля является, в основе стиля лежит, выделяются стили* и т. д.

Категория лица демонстрирует абсолютную невыраженность авторского начала в тексте энциклопедической статьи. Здесь нет не только не употребляющихся в научной речи форм 2-го лица, но также и форм 1 лица как единственного, так и множественного числа (так называемого авторского «мы»), поскольку жанр энциклопедической статьи предполагает абсолютно неличный, предельно объективный тип изложения. Именно поэтому представлены исключительно формы 3 лица преимущественно в неличном значении, возвратно-безличные формы: *структура определяется социальными задачами, задачей общения является публичность «говорения», для публицистического стиля устанавливается в качестве единого конструктивного принципа чередование экспрессии и стандарта, термин стиль употребляется* и т. д.

Еще более показательна категория времени. В тексте используются только формы изъявительного наклонения, настоящего времени глаголов несовершенного вида (других видовременных форм нет). Кроме того, все формы настоящего времени употреблены во вневременном значении, т. е. обозначают процессы, происходящие всегда, постоянно, не соотносимые с каким-либо конкретным отрезком действительности. Всё это вместе с уже упоминавшейся десемантизацией глагола (*является, состоит в, выступает, реализуется, устанавливается, употребляется*), а также с глагольно-именными конструкциями (*специфика состоит, лежит в основе, имеет значение, могут быть представлены*) еще более усиливают именной характер научного изложения. Подобные грамматические особенности обуславливаются тем, что текст относится к функционально-смысловому типу описания, предполагающему не динамику, развитие, а лишь статику, рассмотрение разных сторон предмета речи.

Синтаксис анализируемого текста обусловлен его жанрово-тематическими особенностями. Поскольку данная статья представляет собой перечисление важнейших признаков описываемого понятия, содержит элементы классификации, то синтаксические конструкции служат для логической передачи такой информации. Они характеризуются большим объемом, информационной насыщенностью, конструктивной полнотой, логической и смысловой четкостью. Показателен такой минус-факт, как отсутствие неполных, эллиптических конструкций.

Неэмоциональность, объективный характер описания определили то, что все предложения по цели высказывания повествовательные, отсутствуют вопросительные предложения, поскольку жанр энциклопедической статьи не предполагает даже внутренней, скрытой эмоциональности, а также внутренней диалогизации.

Типы синтаксических конструкций предложений разнообразны. Преобладают простые осложненные предложения (11). Неслучайно основной способ осложнения – однородные члены, поскольку текст носит описательный характер, содержит элементы классификации понятий: *Понятие С., или ФС, постепенно становится традиционным: обычно С. называют научную, публицистическую, официально-деловую речь (научный С., публицистический С., официально-деловой С.). Синонимами терминов «С.», «ФС» выступают более общие номинации – функциональная разновидность, функциональный вариант, реже – функциональный тип.*

Сложных предложений в тексте меньше, чем простых (8). Из трех сложноподчиненных два имеют придаточную определительную часть, четыре предложения с бессоюзной связью. Синтаксис сложных предложений, как и простых, полностью соответствует указанным выше особенностям описательного, классифицирующего характера изложения. При том что в тексте очень много осложненных предложений, есть сложные предложения разных типов, однако все они, несмотря на свою объемность, очень четко, логично выстроены, легки для восприятия.

Показательно чередование простых и сложных конструкций. В начале абзаца выдвигается положение, соответствующее теме (простое, небольшое по объему предложение). В последующих осложненных и сложных предложениях содержится его детальное описание или доказательство (соответствующее реме): *Функционально-стилевая система, как и сами С., – явление исторически изменяющееся. Изменяются принципы выделения С., их взаимное соотношение и степень обособленности друг от друга (ср. систему стилей, сложившуюся в 18 в. и в послепушкинский период истории русского литературного языка, меняется материальный состав С., их внутренняя организация в рамках одного периода развития лит. языка, как, напр., в рус. лит. языке 2-й пол. 19 в. и в 20–90 гг. 20 в.).*

В тексте легко обнаруживаются и другие типичные синтаксические признаки научного стиля как одного из книжных (т. е. строгих, разработанных, разнообразных по используемым средствам) стилей: цепочки родительных падежей – *система языковых элементов внутри литературного языка, способов их отбора, употребления, взаимного сочетания и соот-*

ношения; состоит в особенностях соотношения способов и приемов сочетания, объединения языковых средств; принципы выделения стилей; причастные и деепричастные обороты – явление, исторически изменяющееся; объединенная определенным функциональным назначением система; безлично-пассивные конструкции, являющиеся результатом ослабления личностного авторского начала в тексте задачей общения является; стилем называют; для публицистического стиля устанавливается в качестве единого конструктивного принципа чередование экспрессии и стандарта; термин употребляется, манеру называют; в предложениях наблюдается «объективный порядок слов», тема предшествует реме. Как отмечалось выше, личностное начало в данном тексте значительно ослаблено, информация подается сжато, в форме выводов. По этой причине не так ярко представлены градационные и резюмирующие слова, конструкции и обороты связи, составляющие обычно весьма яркую черту научного стиля: например, кроме того.

Таким образом, языковые средства, использованные в данном тексте, особенности его композиции, характер подачи информации – все направлено на реализацию основной цели: объективную и логичную передачу научной информации.

2. Разговорный стиль

Текст

(А., Б. – покупательница, П. – продавщица, Е., Г. – кассиры)

А. Скажите/ вот меня интересует вот эта щеточка (для укладки волос)//

П. Ой вы знаете/ очень хорошая/

А. Да?

П. Это щипцы/ да//

А. Она щипцами/ или просто щеточка круглая?

П. Она multifunctional// То есть если вы/ помыли голову/ вы можете подсушить ее/ и сделать очень хорошую укладку// Вот смотрите/ она вытаскивается//

А. А-а/ она даже...

П. вот поменьше (щеточка)/ и побольше//

А. Прекрасно//

П. Вот видите/ эта пошире// И мало того/ еще вот так вот/ таким образом//

А. А/ то есть еще и щипцы есть//

П. Завивка очень хорошая// То есть завивает волосы хорошо// Она и маленькая/ удобная/ компактная// Вот/ и очень хорошо завивает//

А. А скорость одна здесь?

П. Нет/ это как щипцы// Это не скорость// Это ж не фен// Вот так вот будете включать// она нагревается//

А. От нагрева/ да//

П. и потом тогда только завиваете//

А. Значит она сколько стоит/ я наверно ее возьму?

П. Двадцать один доллар/

А. Угу// Сколько это в пересчете?

Е. (кассир подсказывает) Сто тысяч шестьсот//

П. Я тоже себе такую куплю когда зарплату получу//

А. А выписывать где у вас?

(Подходит покупательница **Б.** Продавщица узнает в ней покупательницу, которая была в магазине утром, и обращается к ней с вопросом.)

П. А-а/ вы насчет стиральной машины?

Б. За машиной стиральной// да//

П. С витрины/ так/ хорошо// Значит/ давайте будем щас выписывать// (К **А.**) Так давайте с вами/ потому что вам быстренько...

А. Я подожду//

П. А-а/ вы пока еще посмотрите//

А. Щас я еще посмотрю//

П. (к **Б.**) Так/ ну тогда давайте с вами// Так/ а сколько она? Пятьсот тридцать восемь/ да?

Б. Да/ да/ написано пятьсот тридцать восемь//

П. Нет/ пойду щас проверю// (уходит)

Б. Пожалуйста/ конечно//

Д. (покупатель) А щас курс доллара какой у вас?

Г. Четыре семьсот девяносто//

Е. (кассир) С утра был//

Б. Но он не поднялся//

Е. Пока/ нет?

Б. На бирже нет//

Е. На бирже не поднялась?

Б. На бирже не поднялся//

Е. Ну значит по старому//
 Г. (начинает оформлять счет на компьютере. К. Б.) Так/ значит машина стиральная// С доставкой?
 Б. Нет/ прямо щас здесь заберем//
 Г. Так/ рубли/ доллары?
 Б. Доллары//
 Г. Фамилия? Имя?
 Б. Креч-ман// Кэ-рэ-е// Кречман//
 Г. Креч-?
 Б. Ман// Мэ-а-нэ//
 Г. Имя?
 Б. И/ эс//
 Г. А полностью?
 Б. Ираида Сергеевна//
 Г. Вы сами забираете?
 Б. Да/ мы сами//
 Г. Прямо щас?
 Б. Да/ прямо щас// Всё/ уже с машиной/ Дома ждут//
 Г. (с улыбкой) А вы всё.../ вы... вы так с ходу решились?
 Б. Нет/ ну я пришла узнать/ как/ у вас есть на складе// Сказали что нет// Предложили мне с витрины// жсками/ в долларовый обменный пункт/ там/ по правой стороне/ потом обратно в кассу// (к Е.) Слушай/ гарантия/ если они отсюда забирают оформляется/ да?
 Б. Да//
 Г. Значит иду в обменный//
 Б. Да/ идете в обменный/ потом обратно в кассу// Потом оформляете гарантию/ там к мальчику подходите (для получения товара)//

(Из кн.: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996, с. 374–376).

Текст представляет собой выполненную в целях научного анализа запись разговоров в магазине между продавцами, кассирами и покупателями при выборе и покупке товаров собой. Как и в большинстве подобных случаев, когда в различных ситуациях неофициального общения мы становимся участниками или свидетелями таких разговоров, нам неизвестны имена говорящих, а лишь их социальные и коммуникативные роли. Запись оформлена в значительной степени по законам письменной речи, не отражены, к сожалению, произносительные особенности. Жанр текста – разговор на бытовую тему, стиль – разговорный.

В данном случае разговорный стиль реализуется в типичной для него сфере неофициальных отношений, в форме непринужденного неподготовленного, спонтанно протекающего разговора на бытовые темы. Основная функция стиля – общение. Наряду с этим реализуются функции сообщения и воздействия. Неофициальность и непринужденность ситуации общения, а также порождение речи в момент непосредственной коммуникации определяют основные особенности разговорного стиля. Разговор, по сути, является вербализацией той ситуации, в которой находятся коммуниканты (рассматривание товара, оценка его свойств, выбор товара, оформление покупки, оплата). Вербальные средства нужны для получения недостающей информации, в соответствии с которой корректируется поведение говорящих в данной ситуации. Обусловленная этим **ситуативность** речи проявляется в особенностях синтаксиса (диалог, различные типы неполных предложений, короткие предложения (до 7 слов), рассчитанные на объем оперативной памяти человека). **Неподготовленность** речи обусловлена ее возникновением в момент общения и проявляется в незавершенности, невыстроенности синтаксиса (сбои в конструкциях, неполные, незавершенные конструкции), в выборе слова в момент речи, в заполнении пауз семантически опустошенными единицами (словами-паразитами). Неподготовленность речи связана с **некодифицированностью норм** разговорного стиля. При том что в разговорном стиле все-таки существуют как общеязыковые, так и специфические нормы, они не являются строго обязательными и допускают варьирование в пределах известного диапазона, выбор среди ряда существующих вариантов. Устная форма речи и непосредственность общения определяют следующую особенность разговорного стиля – высокую **роль невербальных средств** общения (жестов, мимики) и интонации. В некоторых случаях вербальные средства используются лишь для уточнения, дополнения жеста или мимического выражения. Разговорный стиль характеризуется также открыто проявляемой **эмоциональностью**. Хотя в данном случае эмоциональное начало несколько снижено в связи с особенностями ситуации и темы общения, однако и здесь мы находим признаки непосредственно выражаемых эмоций (эмоционально окрашенные лексемы, синтаксические конструкции и т. д.). Эта особенность разговорного стиля является следствием также четко выражаемого **личностного начала** в речи (личные формы местоимений, глаголов, личные синтаксические конструкции).

Анализируемый текст представляет собой непринужденный полилог на бытовую тему (покупка товара в магазине). Для анализа взят фрагмент

типичного разговора между покупателями и торговыми работниками. Могут быть выделены следующие части: 1-я – диалог продавца и покупателя о щипцах для завивки волос, 2-я – полилог с включением второго покупателя, 3-я – полилог с участием второго покупателя, продавца и кассиров при покупке стиральной машины. Цели участников коммуникации различаются. Для покупателей главная цель – выяснение особенностей данного товара, оформление и оплата покупки. Продавцы преследуют цель дать как можно более подробную информацию о товаре, которая должна привести к его продаже, а также оказать помощь в оформлении и оплате покупки. Успешность коммуникации достигается в том случае, если коммуникативные цели обеих сторон взаимно соответствуют и дополняют друг друга. Разговор реализуется в форме устного диалога, для построения которого характерна вопросно-ответная форма.

Границы микроразговоров определяются сменой участников и темы разговора. Структура текста характеризуется открытостью (любая ситуативно оправданная тема может быть введена одним из участников и предложена для развертывания). Содержание целиком подчинено ситуации, в которой действуют участники, возникновение и развитие микротема обусловлено развитием ситуации. Ключевые слова в первой части: *щеточка, щипцы, укладка, завивка, сколько стоит*; во второй и третьей: *стиральная машина, сколько стоит, курс доллара, доставка, наличные, обменный пункт, касса*. Смысловое единство текста обеспечивается многократными повторами ключевых слов. Кроме того, средствами связи активно выступают местоименные замены, контекстуально неполные предложения (когда следующая реплика содержит только рему, а тема названа в предыдущей), вопросно-ответная форма диалога, продолжение конструкций, начатых другими участниками разговора, и др. Разговор характеризуют спонтанность, непринужденность, однако в нем довольно четко могут быть выделены главные темы (щипцы, стиральная машина). Переход от одной гипертемы к другой происходит спонтанно, под воздействием ситуации общения (смена партнеров общения, других обстоятельств). Особенностью тема-рематического строения является то, что тема разговора называется один раз, в начале, чаще в форме И. п. («именительный темы»), а далее следует ее рематическое развертывание. В первой части разговора (участники А. и П.) идет обсуждение свойств товара (щетки для укладки волос). Тема всех смысловых блоков одна – щипцы для завивки, тема-рематическое развертывание осуществляется по способу ветвления. Могут быть выделены следующие ремы для каждого смыслового блока: Р₁ – что

это такое, P_2 – как используется, P_3 – как устроена, P_4 – сколько стоит. Но при этом характерно спонтанное чередование, переход от одной тематической линии к другой, потом возврат к прежней, т. е. смысловые блоки в этой части оказываются взаимно диффузными. Далее гипертема внезапно сменяется: обрыв происходит не по внутренним законам (тема не исчерпана до конца), а по внешним – в разговор включается новый участник. Появление нового участника коммуникации вынуждает продавца «развести» покупателей. Это и составляет основное содержание 2-й части. 3-я часть начинается с продолжения утреннего разговора. Гипертема – *стиральная машина*. Довольно быстро происходит обрыв темы (продавец уходит). Далее разворачивается несколько микротем: установление цены товара и курса доллара, оформление счета, оплата товара. Несмотря на то, что в данной части несколько тематических линий, организованных по принципу параллельной связи, т. е. в каждой из них имеется новая тема, все они взаимосвязаны, т. к. подчинены гипертеме *стиральная машина*. Ситуативность и непринужденность разговорного стиля допускают неоднократную спонтанную смену тем (ср. разговор Г. и Б. о решении приобрести стиральную машину). Общая тематическая структура третьей части представлена в таблице 3.

Таблица 3 – Общая тематическая структура

Смысловой блок	Тема	Рема
1	Стиральная машина	Сколько стоит
2	Курс доллара	Изменение
3	Оформление покупки	Сведения о покупателе и оплате
4	Стиральная машина	Решение о приобретении
5	Оплата	Форма и порядок

К сожалению, запись разговора выполнена не фонетически, а орфографически, поэтому здесь не отражены особенности «неполного» **стиля произношения**, тем не менее отдельные его черты сохранены. Эти произносительные варианты, неоднократно используемые разными участниками разговора: *щас, прям щас* вместо *сейчас, прямо сейчас*. Некодифицированность нормы разговорного стиля допускает ненормативное произношение названий букв алфавита: *кэ, рэ, мэ, нэ*.

Для разговорного стиля в значительной степени важны роль интонации и богатство интонационных типов. Хотя особенности записи не позво-

ляют однозначно охарактеризовать использованные участниками разговора типы интонационных конструкций, но и по имеющемуся материалу можно заключить, что представлены все их типы, поскольку разговорный стиль характеризуется интонационным разнообразием и богатством:

ИК-1 – Завивка очень хорошая!

ИК-2 – Сколько это в пересчете?

ИК-2 – Так/ а сколько она?

ИК-3 – А-а/ вы пока еще посмотрите//

ИК-3 – На бирже не поднялась?

ИК-3 – Так/ рубли/ доллары?

ИК-4 – Креч-?

ИК-4 – Фамилия? Имя?

ИК-5 – Прекрасно//

ИК-6 – А щас курс доллара какой у вас?

ИК-7 – Ой вы знаете/ очень хорошая!

В области **словообразования** для разговорного стиля характерны аффиксы (особенно суффиксы) с разговорной и эмоционально-экспрессивной окрашенностью. В данном тексте в силу его ситуативно обусловленной относительной эмоциональной нейтральности подобные примеры немногочисленны. Это уменьшительно-ласкательные суффиксы *-очк-*, *-еньк-*: *щёточка, быстренько*. Используются приставочные образования с разговорной окрашенностью: *помыли, поменьше, побольше, пошире, подсушить, подожду* и др. В тексте легко обнаруживаются примеры образования слов в результате семантического стяжения: *укладка (укладка волос), завивка (завивка волос), гарантия (гарантия ремонта и обслуживания товара в течение установленного срока), обменный (пункт обмена валют)*. Используются разные способы словообразования и словообразовательные модели, все они способствуют экономии языковых средств (ср. *обменный, гарантия, зарплата, бумажка*).

На **лексическом** уровне обращает внимание, прежде всего, высокий удельный уровень нейтральной лексики (например, в сравнении с научным стилем). Отмечаются слова, имеющие в разговорном стиле особые значения: *взять 'купить товар', посмотреть 'выбирать товар', бумажки 'документы'* и др. Функционально-стилистический план окрашенности лексем характеризуется следующими особенностями. В данном тексте условия ситуации общения определили отсутствие разговорно-просторечных лексем, но имеются лексемы с литературно-разговорной окрашенностью: *зарплата, быстренько, смотреть, выписывать, мальчик* и т. д. Лексемы

с эмоционально-экспрессивной окрашенностью используются преимущественно как способы выражения согласия: *прекрасно, хорошо* и т. д.

Тематические группы лексики весьма разнообразны. Во-первых, широко представлена бытовая лексика, не имеющая разговорной окрашенности, но употребляемая преимущественно в разговорном стиле: *щипцы, завивка, фен, стиральная машина*. Тема разговора определила наличие также лексики, связанной с денежными отношениями (*стоит, доллар, курс доллара, биржа, рубли, наличные, дисконтная карта, скидка, обменный пункт*), торговлей (*стоит, выписывать, витрина, смотреть, доставка, касса*), относящейся к теме «уход за волосами» (*щипцы, помыть голову, подсушить, укладка, завивка*). Показательно отсутствие в тексте высокой, торжественной лексики, слов с ярко выраженной книжной окрашенностью.

Морфологическое своеобразие разговорного стиля проявляется в соотношении слов разных грамматических классов. Снижена доля имен существительных. Они выступают лишь для номинации предмета речи, в дальнейшем описываются его признаки, свойства, характеристики, действия с ним, поэтому существительные активно замещаются местоимениями, частицами или вообще жестами, показом и другими невербальными средствами общения: *И мало того, еще вот так вот таким образом*. Удельный вес существительных велик там, где общение идет в строго регламентированной ситуации и участникам необходимо вербализовать только новую, актуальную информацию:

Г. Так/ рубли/ доллары?

Б. Доллары//

Г. Фамилия? Имя?

Б. Креч-ман// Кэ-рэ-е// Кречман//

Г. Креч-?

Б. Ман// Мэ-а-нэ//

Г. Имя?

Б. И/ эс//

Г. А полностью?

Б. Ираида Сергеевна//

По указанной причине преобладает форма именительного падежа имен существительных. В данном тексте свыше 20 форм И. п. (т. е. почти 50 % всех словоупотреблений имен существительных). Характерно, что большинство существительных используется только один раз, повторы связаны либо с переспрашиванием, либо со сменой микротемы разговора (*щипцы, машина, касса, гарантия*).

Глагольные слова характеризуются не столько количественным преобладанием над именами (около 40 словоупотреблений во всем тексте), сколько грамматическим разнообразием, более равномерным распределением грамматических форм и разнообразием выражаемых ими значений. Представлены формы повелительного наклонения (1), инфинитива (4), настоящего (16), прошедшего (8), будущего времени (5). Формы настоящего времени употребляются в разнообразных значениях: действия, протекающего в момент речи (*интересует*), постоянного, вневременного действия (*нагревает, завивает*), в значении будущего времени (*потом только завиваете, значит иду в обменный*), повелительного наклонения (*оформляете, подходите*). Подобное грамматическое разнообразие обусловлено живым, непринужденным характером разговора.

В тексте полностью отсутствуют такие типично книжные грамматические классы слов, как причастия, деепричастия, краткие прилагательные. Разговорный стиль характеризуется большим разнообразием и активностью незначительных слов (местоимений, частиц) по сравнению со значительными. В тексте высока доля местоимений, они выступают в диалоге как ситуативные и контекстуальные заменители существительных:

А. Она щипцами/ или просто щеточка круглая?

П. Она многофункциональная// То есть если вы/ помыли голову/ вы можете подсушить ее/ и сделать очень хорошую укладку// Вот смотрите/ она вытаскивается//

А. А-а/ она даже...

Слова *вот, значит, так, ну* используются как заполнители пауз. Например, слово *вот* употребляется в тексте 11 раз в тех ситуациях, где идет объяснение с показом, т. е. выступает как вербальный заместитель жеста: *Скажите/ вот меня интересует вот эта щеточка (для укладки волос)// Вот так вот будете включать.*

В тексте представлены варианты грамматических форм, употребление которых допустимо в разговорном стиле: *помыть, подсушить, вытаскивается, поменьше, побольше, пошире*, отмечаются грамматические отступления: *на бирже не поднялась* (о курсе валют). Закон экономии языковых средств определяет замену конструкции *для получения скидки* разговорным вариантом *на скидку*.

Поскольку именно благодаря синтаксическому оформлению языковая единица становится единицей коммуникации, **синтаксис** разговорного стиля наиболее ярок и выразителен.

Стилистически значимым является соотношение типов предложений. Из 120 предложений в данном тексте 14 являются неразвернутыми,

нереализованными, синтаксически неполноценными конструкциями (*А. А-а/ она даже... Г. Креч-?*), 25 – различные по цели высказывания слова-предложения: *Так. Да. Нет. Угу. А-а. Прекрасно.* 41 предложение является контекстуально или ситуативно неполным. В этих чертах проявляется одна из главных особенностей разговорного стиля – ситуативность и стремление к экономии языковых средств. Вербализуется только та информация, которая является новой и которая не может быть однозначно восстановлена из ситуации или контекста. Показательна конструкция следующего вида: *Вот видите/ эта пошире// И мало того/ еще вот так вот/ таким образом//* (Смысл этого ситуативно неполного предложения мы не можем восстановить, поскольку нет описания ситуации, в котором оно разворачивается). *Вы так с ходу решились?* (Речь идет о покупке стиральной машины. Смысл предложения становится понятен в конкретной ситуации). Наряду с ситуативно неполными обнаруживается большое число контекстуально неполных предложений, обусловленных диалогическим строением речи *Двадцать один доллар* (Неполное двусоставное с пропущенной основой *щетка стоит*). *Ну значит по старому//* (Неполное двусоставное предложение с измененной грамматической формой второстепенных членов. Из контекста восстанавливается предложение *Курс доллара остается прежним*). *Так/ рубли/ доллары? Доллары//* Здесь мы имеем дело не только с неполными двусоставными предложениями с пропущенной основой, но и обнаруживаем нарушение синтаксической связи, ср.: *платить рублями или долларами*. Такие конструкции получили название «имя ситуации» [Барлас 1978]: *Так/ значит/ машина стиральная//*.

В данном тексте употребляется специфическая форма сказуемого *пойду проверю* (сочетание глагола движения и смыслового глагола в той же грамматической форме указывает на действие, осуществляемое субъектом в определенном состоянии). Большинство же особенностей связано не с употреблением специфических конструкций, а с неполной реализацией структурной схемы предложения.

Из общего числа (120 предложений) около 80 – простые. Количество сложных предложений, таким образом, незначительно. При этом очень немного полностью реализованных по норме сложных конструкций. Чаще всего в построении сложных предложений наблюдаются сбои: *Слушай/ гарантия/ если они отсюда забирают оформляется/ да?* (дистантное расположение членов предложения), *Нет/ ну я пришла узнать/ как/ у вас есть на складе// Так давайте с вами/ потому что вам быстренько...* (сбой в построении придаточной части). Либо сложное предложение предельно редуцируется: *Г. Так/ дисконтной карты нету? Б. Нет/ нету/ наличными//*

В целом характерны перерывы в речи, сбои в синтаксических конструкциях, вызванные неподготовленностью речи, ее развертыванием в момент общения: *А-а/ она даже...* Или

П. А-а/ вы насчет стиральной машины?

Б. За машиной стиральной/ да//

П. С витрины/ так/ хорошо// Значит/ давайте будем щас выписывать// (К А.) Так давайте с вами/ потому что вам быстренько...

А. Я подожду//

П. А-а/ вы пока еще посмотрите// ли

П. Нет/ это как щипцы// Это не скорость// Это ж не фен// Вот так вот будете включать// она нагревается/

А. От нагрева/ да//

П. и потом тогда только завиваете// (предложение П. разорвано репликой А.)

Личностное начало в речи проявляется в использовании вводных слов и словосочетаний *значит, конечно, наверно, ой вы знаете*, которые наряду с модальной функцией часто выполняют роль заполнителей пауз.

Эмоциональность разговорного стиля на синтаксическом уровне проявляется в использовании эмоционально окрашенных конструкций, выражающих удивление, радость, согласие, сомнение и проч.:

П. Ой вы знаете/ очень хорошая!

А. Да?

Или

П. (к Б.) Так/ ну тогда давайте с вами// Так/ а сколько она? Пятьсот тридцать восемь/ да?

Б. Да/ да/ написано пятьсот тридцать восемь//

П. Нет/ пойду щас проверю// (уходит)

Б. Пожалуйста/ конечно//,

Или

Б. Да/ прям щас// Всё/ уже с машиной/ Дома ждут//

Г. (с улыбкой) А вы всё.../ вы... вы так с ходу решились?

Б. Нет/ ну я пришла узнать/ как/ у вас есть на складе// Сказали что нет// Предложили мне с витрины//

Диалогическая форма речи предопределила большое количество вопросительных предложений. Часто они содержат не только собственно вопрос, но и имеют дополнительную субъективно-модальную окраску: предположение, неуверенность и т. п.

В разговорном стиле нет строго закрепленного порядка слов в предложении, однако информативно важная часть обычно помещается в начале

предложения. Более того, зачастую тема называется один раз в форме именительного падежа, а далее следует ее рематическое развертывание в целом ряде предложений. Например, диалог о курсе доллара:

Д. (покупатель) А щас курс доллара какой у вас?

Г. Четыре семьсот девяносто//

Е. (кассир) С утра был//

Б. Но он не поднялся//

Е. Пока/ нет?

Б. На бирже нет//

Е. На бирже не поднялась?

Б. На бирже не поднялась//

Е. Ну значит по старому//

Или диалог о покупке стиральной машины:

Г. (начинает оформлять счет на компьютере. К. Б.) Так/ значит машина стиральная// С доставкой?

Б. Нет/ прямо щас здесь заберем//

Г. Так/ рубли/ доллары?

Б. Доллары//

Таким образом, с точки зрения актуального членения многие предложения представляют собой одну лишь рему:

П. Ой вы знаете/ очень хорошая!

Б. За машиной стиральной/ да//

Данный признак логично вписывается в особенности разговорного стиля, о которых говорилось выше: вербализуется только та информация, которая является новой, актуальной. Известное не требует дополнительного называния, поскольку легко восстанавливается из контекста или ситуации.

Таким образом, в проанализированном образце разговорного стиля языковые и невербальные средства общения, организация диалога направлены на установление и поддержание контакта, взаимный обмен информацией и эмоциональное воздействие на собеседника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А. А. – А. Алексин
А. Б. – А. Блок
А. В. – А. Вознесенский
А. Г. – А. Грибоедов
А. И. – А. Иванов
А. К. – А. Куприн
А. Кон. – А. Кондратов
А. Н. – А. Недогонов
А. Н.-П. – А. Новиков-Прибой
А. О. – А. Островский
А. П. – А. Пушкин
А. С. – А. Сурков
А. Т. – А. Твардовский
А. Ф. – А. Фет
А. Ч. – А. Чехов
А. Ш. – А. Шахов
А. Я. – А. Яшин
Б. О. – Б. Окуджава
В. Б. – В. Белинский
В. А. – В. Арсеньев
В. Г. – В. Гиляровский
В. Гар. – В. Гаршин
В. Д. – В. Драгунский
В. К. – В. Катаев
В. Кл. – В. Ключевский
В. П. – В. Панова
В. Р. – В. Распутин
В. С. – В. Санин
В. С. – В. Солоухин
В. Ш. – В. Шукшин
Д. К. – Д. Кедрин
Е. Д. – Е. Делова
Е. Е. – Е. Евтушенко
И. Б. – И. Бродский
И. Б. – И. Бунин
И. Г. – И. Гончаров
И. К. – И. Крылов
И. Л. – И. Лиснянская
И. С. – И. Смольников
И. Т. – И. Тургенев
К. П. – К. Паустовский
К. С. – К. Симонов
КП – газета «Комсомольская правда»
Л. М. – Л. Миль
Л. Т. – Л. Толстой
М. Г. – М. Горький
М. Б. – М. Булгаков
М. Д. – М. Дудин
М. З. – М. Зощенко
М. Л. – М. Лермонтов
М. М. – М. Матюшин
М. П. – М. Пришвин
М. Ц. – М. Цветаева
Н. Г. – Н. Гоголь
Н. К. – Н. Карамзин
Н. М. – Н. Михайлов
Н. Н. – Н. Носов
П. В. – П. Вершигора
П. Вяз. – П. Вяземский
Посл. – Пословица
С. А. – С. Аксаков
С. Ант. – С. Антонов
С. В. – С. Викулов
С.-М. – Соколов-Микитов
С. Ц. – С. Ценский
СБ – газета «Советская Белоруссия»
Ф. А. – Ф. Абрамов
Ф. Д. – Ф. Достоевский
Ф. Т. – Ф. Тютчев
Э. Б. – Э. Багрицкий
Ю. Б. – Ю. Бондарев
Ю. Д. – Ю. Домбровский
Ю. К. – Ю. Крымов
Ю. Т. – Ю. Трифонов

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Атабекова, А. А. Язык как лингвокультурный код нации: роль интонации / А. А. Атабекова // Язык образования и образование языка : материалы Междунар. науч. конф., Великий Новгород, 11–13 июня 2000 г. – Великий Новгород : Изд-во НовГУ, 2000. – С. 18–20.

Бабайцева, В. В. Синтаксис. Пунктуация : учеб. пособие для студентов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М. : Просвещение, 1981. – 256 с.

Барлас, Л. Г. Русский язык. Стилистика : пособие для учителей. – М. : Просвещение, 1978. – 256 с. – (Библиотека учителя русск. яз.).

Виды лингвистического анализа : учеб. пособие : в 3 ч. / Е. Н. Варюшенкова [и др.] ; под ред. проф. М. В. Пименовой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2016. – Ч. 2. – 128 с.

Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов. – Л. : Прибой, 1929. – 188 с.

Домашенкина, Г. П. Грамматический разбор в вузе и в школе / Г. П. Домашенкина, Т. Б. Иванова. – Издание 4-е, перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 96 с.

Ипполитова, Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе / Н. А. Ипполитова. – М. : Флинта – Наука, 1998. – 176 с.

Казачук, И. Г. Лингвистический анализ в вузе и школе : учебное пособие для студентов филологических факультетов и факультетов подготовки учителей начальных классов / И. Г. Казачук, Н. В. Глухих ; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – [Челябинск] : Библиотека А. Миллера, 2022. – 103 с.

Кацнельсон, С. Типология языка и речевое мышление / С. Кацнельсон. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.

Леонович, В. Л. Языковой анализ в вузе / В. Л. Леонович // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. : в 2 ч. – Мозырь, 2011. – Ч. 2. – С. 156–157.

Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста : сб. ст. – М. : Наука, 1979. – С. 18–36.

Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии : избранные психологические труды. – Воронеж : МОДЭК, 2003. – 536 с.

Лингвистический анализ : пособие для учителя / А. А. Волошенко, Г. А. Гвоздович, О. Е. Горбачевич [и др.] ; под ред. А. М. Бордовича, Г. А. Гвоздович. – Минск : Лексис, 2000. – 112 с.

Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.

Наумович, А. Н. Современная русская пунктуация / А. Н. Наумович. – Минск : Вышэйш. школа, 1983. – 254 с.

Николаева, Т. М. О функциональных категориях линейной грамматики / Т. М. Николаева // Синтаксис текста : сб. науч. тр. – М. : Наука, 1979. – С. 37–48.

Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М. : Эксмо, 2007. – 480 с.

Русская грамматика : [в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.] – М. : Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 710 с.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для филолог. спец. высш. учебн. зав. : в 3 ч. / В. В. Бабайцева [и др.] ; под ред. Е. И. Дибровой. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов-н/Д, 1997. – Ч. 3: Синтаксис. – 596 с.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 ч. – М. : Академия, 2002. – Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова [и др.] ; под ред. Е. И. Дибровой. – 704 с.

Современный русский язык : учебник / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] / под ред. В. А. Белошапковой. – Изд. второе, испр. и доп. – М. : Высш. школа, 1989. – 800 с.

Современный русский язык : учебник / В. А. Белошапкова, Е. А. Земская, И. Г. Милославский, М. В. Панов / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. школа, 1981. – 560 с.

Современный русский язык : учебник / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков / под ред. П. А. Леканта. – 3-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2002. – 560 с.

Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое) : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1991. – 182 с.

Стариченок, В. Д. Русский язык: Лингвистические анализы : учеб.-метод. пособие для студентов нефилологических специальностей / В. Д. Старичёнок. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 1999. – 54 с.

Тимерханова, Н. Н. Виды лингвистического анализа по русскому языку в вузе : учеб.-метод. пособие / Н. Н. Тимерханова. – Ижевск : Удмуртский университет, 2011. – 126 с.

Чеснокова, Л. Д. Связи слов в современном русском языке : пособие для учителей / Л. Д. Чеснокова. – М. : Просвещение, 1980. – 110 с.

Ширяев, Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1986. – 220 с.